

ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Север – Юг – Россия

2013

ЕЖЕГОДНИК

Москва
ИМЭМО РАН
2014

УДК 339
ББК 65.5
Се 28

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Ответственные редакторы – д.и.н. В.Г. Хорос, д.полит.н. Д.Б. Малышева

Редакционная коллегия:
д.и.н. А.Г. Володин, д.полит.н. Д.Б. Малышева,
к.э.н. А.А. Рогожин, д.и.н. В.Г. Хорос

Рецензент: д.и.н. К.Г. Холодковский

Се 28

Север – Юг – Россия 2013. Ежегодник / Отв. ред. В.Г. Хорос,
Д.Б. Малышева – М.: ИМЭМО РАН, 2014, 186 с.
ISBN 978-5-9535-0396-9

В предлагаемом ежегоднике, как и предыдущих выпусках, освещаются наиболее значимые события, процессы и тенденции во взаимоотношениях стран развитого Центра и мировой Периферии и Полупериферии и, что важно, с учетом интересов и позиций России в этом взаимодействии. Особое внимание уделено конфликтам в регионе Большого Ближнего Востока, куда Россия «возвращается» как один из ключевых акторов, российско-американским отношениям, экономической динамике Китая, ситуации на Украине. Различные проблемы рассматриваются как в глобальном измерении, так и в региональном (Восточная и Юго-Восточная Азия, Латинская Америка, Африка, СНГ и пр.). Как всегда, даны разделы по экологическим проблемам, научной жизни и новым книгам по тематике ежегодника.

“North – South – Russia 2013 Yearbook”

As before, the latest issue of the “North – South – Russia” Yearbook covers major events, processes and trends of 2013 related to interactions between the developed Center and World Periphery and Semi-Periphery. Russia’s interests and positions in this context is important theme for us. Special attention is given to conflicts in the Big Middle East where Russia “returns” as one of key actors, Russia-American relations, economic dynamic of China, the situation at the Ukraine. Different problems are examined both at global and regional levels (including East Asia, South-East Asia, Latin America, Africa, CIS etc.). As usual, there is some information on ecological problems, academic activities and recently published books.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0396-9

© ИМЭМО РАН, 2014
© В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева, 2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

В.Г. Хорос ПРЕДИСЛОВИЕ.	с. 5
«ОСНОВНУЮ ЧАСТЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, КАК ПРАВИЛО, ФИНАНСИРУЕТ ГОСУДАРСТВО, А БИЗНЕС РЕШАЕТ ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ» Беседа с первым заместителем директора ИМЭМО РАН, академиком РАН, доктором экономических наук Н.И. Ивановой.	с. 9
ЭКОНОМИКА	
А.А. Рогожин. Транстихоокеанская торговля энергоносителями: новые возможности, новые проблемы.	с. 13
А.И. Салицкий, В.В. Таций. Китай в 2013 году: стабильность и подготовка к новым реформам?	с. 17
М.В. Матюхин. Китайские инвестиции в США – преувеличенные опасения. ...	с. 25
Е.А. Брагина. Экономика Индии перед всеобщими парламентскими выборами.	с. 27
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ	
М.В. Братерский, Д.В. Суслов, Я.Ю. Шеметова. Российско-американские отношения в 2013 году: избирательное прагматичное сотрудничество.	с. 31
Н.П. Скороходова. «Круги по воде» от Эдварда Сноудена.	с. 36
С.И. Лунев. БРИКС в 2013 г. и процессы глобализации.	с. 43
И.Н. Кукулина. Афганская наркоугроза – есть ли выход из тупика?	с. 49
РОССИЯ И МИР	
А.В. Акимов. Трудовая иммиграция в мире и России.	с. 54
Н.П. Скороходова. Первый год России в ВТО.	с. 57
СНГ	
Г.И. Чуфрин. На пороге Евразийского экономического союза.	с. 61
В.А. Оленченко. Украинский вопрос в Евросоюзе.	с. 66
Э.А. Попов. Украина поможет преодолеть кризис ЕС.	с. 71
А.Б. Крылов. Южный Кавказ после выборов.	с. 75
Д.Б. Малышева. Относительное равновесие в Центральной Азии.	с. 78
БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК	
С.В. Филатов. Россия возвращается на Ближний Восток.	с. 81
М.А. Володина. Непрерывающийся кризис в Египте.	с. 85
Г.И. Мирский. Израильско-палестинский тупик.	с. 87
Д.Б. Малышева. Турецкая «весна».	с. 93
Г.И. Мирский. Иран: новый президент, новые перспективы.	с. 97
Д.Б. Малышева. Внешнеполитические маневры Саудовской Аравии.	с. 101
А.Ю. Умнов. Афганистан на переломе.	с. 105
ЮЖНАЯ АЗИЯ	
А.Г. Володин. Избирательная кампания в Индии.	с. 107

А.Г. Володин. Выборы в Пакистане и их влияние на афганское урегулирование.	с. 111
ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	
Е.А. Канаев. Совещание министров обороны АСЕАН+8.	с. 116
А.С. Прозоровский. Очередной политический кризис в Таиланде.	с. 118
В.Ф. Урляпов Малайзия и Транстихоокеанское экономическое партнерство.	с. 124
ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ	
А.Н. Федоровский. Напряженность в Северо-Восточной Азии.	с. 128
АФРИКА	
А.А. Рогожин. Новейшие тенденции в развитии рынка капиталов в странах Африки южнее Сахары.	с. 131
Э.Е. Лебедева. Нестабильность в Мали, хаос в ЦАР... Кто следующий?	с. 134
И.Н. Кукулина. Мир простился с Нельсоном Манделой.	с. 140
ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА	
В.Л. Семенов. Наследие Уго Чавеса.	с. 144
ЭКОЛОГИЯ	
Н.Г. Рогожина. 2013 – международный год сотрудничества по водным ресурсам.	с. 149
Н.Г. Рогожина. Серьезность экологических проблем в России.	с. 153
Е.И. Глушенкова. Олимпиада и экология.	с. 155
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
В.И. Трифонов Конференция в Брюсселе по проблемам БРИКС.....	с. 158
А.Б. Крылов. Международная конференция «Геополитика Кавказа».	с. 160
А.Б. Крылов. Международный круглый стол «200-летие Гюлистанского договора и интеграционные процессы на Кавказе».	с. 164
НОВЫЕ КНИГИ	
Е.А. Брагина. Paul Krugman. End This Depression Now! N. Y. : W.W. Norton Publications, 2013. – xx, 259 pp.	с. 170
Д.Б. Абрамов. «Группа двадцати» как системный механизм глобального управления. // Вестник международных организаций: образование наука новая экономика. – М.:ВШЭ. – 2013 – №3(42).	с. 173
Д.Б. Абрамов. Александр Эткинд. Внутренняя колонизация. Имперский опыт России / Авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: НЛО, 2013. – 448 с.	с. 177
БИБЛИОГРАФИЯ.	с.180
ХРОНОЛОГИЯ 2013. ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ГОДА.	с.183
НАШИ АВТОРЫ.	с.186

ПРЕДИСЛОВИЕ

В последнее время термин «кризис» в аналитике мирового экономического пространства употребляется реже, чем раньше. Фиксируются какие-то обнадеживающие приметы позитива – некоторое увеличение темпов роста, снижение безработицы, начавшееся сокращение так называемого «количественного смягчения», а проще говоря, масштабной эмиссии денег для подпитки банков (программа QE-3). Но если это оптимизм, то весьма сдержанный, сопровождаемый различными оговорками.

В самом деле, хотя некоторые данные свидетельствуют о повышательной динамике, но структурные перекосы, созданные «турбокапитализмом» (термин, который сегодня получает распространение) за последние несколько десятилетий – диспропорции между спросом и предложением, несоответствие между реальным сектором экономики и гипертрофированной финансовой сферой, растущие социальные дисбалансы, – остались и далеки от преодоления. К примеру, рынок труда в США так и не восстановился после 2008 г., уровень безработицы сохраняется достаточно высоким (7%). Выплаты работникам продолжают сокращаться – 42,6% ВВП в 2012 г. (для сравнения: в 1970 г. – 51,5%). Продолжает надуваться третий финансовый пузырь (госдолга).

Не лучше ситуация и в других регионах развитого мира. В Японии, по некоторым оценкам, совокупный госдолг достиг 270% ВВП. В Европе к пяти проблемным странам (Португалия, Ирландия, Италия, Греция и Испания) приближается Франция, экономика которой заметно теряет конкурентоспособность¹.

Поэтому со стороны некоторых специалистов прогноз на предстоящий период выглядит не слишком утешительно: «долгосрочная стагнация при постоянно сохраняющемся риске, что взорвется одна из бомб замедленного действия, подложенных под глобальную экономику»².

Мировой кризис влечет за собой не только экономические последствия, но и политические выплески. И в этом плане политическую «погоду» на сегодняшней планете надо признать весьма неспокойной. В различных странах и регионах продолжаются и даже учащаются политические конфликты, массовые протестные движения, столкновения властей с оппозицией «стенка на стенку». Некоторые из них освещаются в нашем ежегоднике.

Налицо очередной политический кризис в Таиланде, который не сводится лишь к борьбе за власть различных элитных групп, но возник в связи с попытками одних принять какие-то меры (пусть частичные и непоследовательные) для улучшения положения сельских масс в стране – и реакцией других, третирующих эти попытки как «популизм». Разрастаются крупные очаги нестабильности в Мали и Центральноафриканской республике, во многом инициированные исламскими радикалами и умножающие длинный список политических турбулентностей на Африканском континенте.

В наших ежегодниках мы уже отмечали, что так называемая «арабская весна» была в определенной мере производной от мирового финансово-экономического кризиса, в результате которого ухудшилась социальная ситуация в ближневосточном регионе. Но «арабское пробуждение» не принесло успокоения. Так называемые повстанцы с помощью западной коалиции разметали правящий

¹ «Эксперт», 2014, №3, с. 80-82.

² Там же, с. 80

режим в Ливии, создав вместо него ситуацию, близкую к политическому хаосу. В Египте военные вновь выступили на политическую авансцену, свергнув законно избранного президента и опять загнав в угол «Братьев-мусульман», самую влиятельную политическую силу в стране (и пружину, которая, как показывает исторический опыт, рано или поздно обязательно распрямится). Третий год продолжается гражданская война в Сирии, где некоторые страны Запада опять-таки поддерживают сторону, противостоящую существующей власти, силу, которая во многом питается экстремистскими элементами извне.

В этой драматической региональной ситуации (чреватой своими последствиями и на глобальном уровне) Россия «возвращается на Ближний Восток», – предотвратив вторжение в Сирию, экономически поддержав Египет, заняв взвешенную позицию на переговорах по ядерной программе Ирана, возобновив сотрудничество с Ираком, даже находя некоторые общие точки соприкосновения с арабскими нефтяными монархиями. Иначе говоря, Россия вновь становится одним из главных игроков на Ближнем и Среднем Востоке, что чрезвычайно важно для судеб политического урегулирования в столь «горячем» регионе. Об этом идет речь в предлагаемом ежегоднике.

Одно из самых крупных событий в политических конфликтах года (и особо важных для нашей страны) – это политическая драма, разыгравшаяся на Украине. Она еще далеко не окончена, и сегодня мы можем дать лишь предварительные оценки.

Непосредственным поводом к протестному взрыву на киевском Майдане послужило неподписание (точнее, откладывание подписания украинским президентом Соглашения об ассоциации с ЕС и учреждении зоны свободной торговли с ЕС на Украине. С самого начала в этих протестных акциях доминировали упрощенно-лозунговые эмоционально-националистические мотивы («мы – с культурной Европой, а не с москалями»). Само содержание Соглашения реально не рассматривалось и осталось в стороне. Между тем по большому счету это Соглашение было невыгодно для Украины, поскольку оно давало ей на европейском рынке лишь некоторую долю экспорта с низкой добавленной стоимостью (металлы, сырье) и сезонные заработки для украинских гастарбайтеров главным образом в более бедных европейских странах Вышнеградской группы. Свои невыгоды от такой евроинтеграции были и для России, так как ей надо было бы теперь ограждать свой рынок от экспорта украинских товаров, которые не имели шансов попасть в Европу, а также товаров, которые пойдут через Украину транзитом.

Конечно, все эти проблемы можно было бы согласовать и решать путем переговоров в трехстороннем формате – между ЕС, Украиной и Россией. Но выбор украинских политиков сразу пошел по пути «или-или», вместо того, чтобы следовать принципу «и-и». Хотя от односторонней «европеизации» имеет все шансы пострадать не только украинское сельское хозяйство, но и оставшиеся сегменты высокотехнологичной промышленности, которые не выживут без кооперации с Россией, а Европе начисто не нужны. Но в горячке политического противостояния об экономике не думали.

При этом поразительна бесцеремонность, с которой многие западные политики оказывали давление на власти Украины, оппозицию и общественное мнение, чтобы побудить их к желательной для них политической ориентации. Кто только не побывал на мятежном Майдане: К. Эштон, В. Нуланд, Д. Маккейн, Д. Туск, С. Квасневский и т.д. – «все промелькнули перед нами, все побывали тут». Между прочим Россия, исторические и геополитические интересы которой гораздо теснее связывают ее с Украиной, ничего такого себе и близко не позволила.

В событиях на Украине проступают черты не только драмы, но и трагедии. В противостоянии оппозиции и власти инициативу захватили экстремистские группы, развязавшие настоящие военные действия с многочисленными жертвами и поднявшие на щит лозунги и традиции бандеровского толка. В этих условиях не могут не возникать сомнения в будущем демократии на Украине.

В украинском конфликте в очередной раз высвечиваются существующие проблемы в отношениях России и Запада. К сожалению, многое из того, что предпринимает Россия на международной арене (да и во внутренней политике) рассматривается рядом западных политиков, как правило, в негативном свете, порой напоминая отголоски «холодной войны». Например, попытки наладить экономическую кооперацию между странами СНГ трактуются как реанимация имперских традиций. Напротив, предпринимаются периодические усилия по обращению или настраиванию бывших советских республик против РФ. Постоянным рефреном звучат обвинения России в нарушении демократии, прав человека и пр.

Сказанное относится и к российско-американским отношениям, которым в ежегоднике «Север – Юг – Россия» уделяется постоянное внимание. Так, нынешняя американская администрация устами заместителя госсекретаря Виктории Нуланд прямо противопоставила евроинтеграцию Украины ее отношениям с Москвой (с. 34). Существует ряд других позиций, по которым у наших стран обнаруживаются противоречия, подчас острые. От «перезагрузки», некогда объявленной президентом Б. Обамой, на сегодня, пожалуй, мало что осталось.

Между тем, у России и США, несомненно, имеются точки соприкосновения и общие интересы, что показали, в частности, и события 2013 года. Речь идет о взаимодействии по вопросу о Сирии и ликвидации там химического оружия, о взаимопонимании в отношении подвижек по вопросу о ядерной программе Ирана. Есть точки для возможного сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Видимо, обеим сторонам необходимо расширять подобные возможности сотрудничества и исходить из большой значимости российско-американских отношений не только для обеих сторон, но и для всей планеты.

Если во внешней политике России минувший год был отмечен определенными достижениями, то во внутренней ситуации, прежде всего экономической, существуют немалые проблемы. Некоторые из них связаны с членством России в ВТО, что уже принесло первые негативные последствия. Становится убыточным свиноводство, тарифная защита которого снизилась в 8 раз. В результате снижения ввозных пошлин произошло значительное падение производства тракторов и кормоуборочных комбайнов. В целом итог первого года пребывания России в ВТО диктует необходимость защиты интересов национальной индустрии (по крайней мере, на начальный период), исходя из конкретных условий той или иной отрасли. О том, что это вполне возможно в рамках ВТО, свидетельствует опыт других стран, «старожилов» этой международной организации, как отмечается в ежегоднике.

Главной же проблемой является давно назревшая корректировка экономической политики государства и обеспечение эффективной модернизации. Выступая недавно на заседании «Меркурий-клуба» в Центре международной торговли в Москве, академик Е.М. Примаков подверг критике тенденции неолиберализма, до сих пор проявляющиеся в деятельности государственных органов, осуществляющих экономическую политику. Эти тенденции выражаются в чрезмерном доверии к рыночным факторам как «свободной игре экономических сил», установках на уменьшение роли государства в народном хозяйстве, предпочтение задач финансовой стабилизации экономическому росту, стремление к жесткому сокращению расходов бюджета и др. В противовес этому Е.М. Примаков

поддержал те начинания и установки руководящих органов, которые отходят от неолиберальных принципов и способствуют экономическому росту, реиндустриализации страны и устранению или смягчению существующих социальных дисбалансов³.

Политическая деятельность, если использовать известную формулу Н.Г. Чернышевского об истории, – не тротуар Невского проспекта. Соответственно результаты деятельности тех или иных политиков могут быть различны, так же как отношение к ним современников и потомков. В 2013 году не стало таких крупных, хотя и различных по своей ориентации, политических деятелей, как Маргарет Тэтчер и Уго Чавес, отношение к которым во время и после их пребывания во власти было неоднозначным. Но есть политики, вызывающие практически у всех признание и позитивные чувства. Таков был последовательный борец с апартеидом и основатель Южноафриканской республики Нельсон Мандела, ушедший из жизни в прошедшем году. Мы отдаем дань его памяти в ежегоднике.

Очередной выпуск «Север-Юг-Россия» содержит немало других материалов, могущих заинтересовать читателя в связи с событиями мирового и регионального масштаба (Ближний и Средний Восток, Южная и Юго-Восточная Азия и др.). Как обычно, представлена экологическая проблематика, мероприятия научной жизни, рецензии на новые книги и библиография новых книг по тематике нашего ежегодника.

³ См. <http://www.wtcmoscow.ru/merk/news.aspx?=9129>

«ОСНОВНУЮ ЧАСТЬ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ, КАК ПРАВИЛО, ФИНАНСИРУЕТ ГОСУДАРСТВО, А БИЗНЕС РЕШАЕТ ПО БОЛЬШЕЙ ЧАСТИ ПРИКЛАДНЫЕ ЗАДАЧИ»

**Беседа с первым заместителем директора ИМЭМО РАН, академиком РАН,
доктором экономических наук Н.И. Ивановой**

В.Г. Хорос: *Согласно теории «созидательного разрушения» Й. Шумпетера и последовательности кондратьевских циклов примерно каждые полвека в мировой экономике происходит смена ведущих технологий, определяющих дальнейшее развитие. Если исходить из этого исторического «графика», сейчас как раз время зарождения нового технологического цикла. Есть даже предположение, что с некоторой задержкой его начала отчасти связан и нынешний мировой финансово-экономический кризис. Хотелось бы узнать Ваше мнение как видного специалиста по проблемам научно-технического прогресса – можно ли говорить о том, что новый технологический цикл начался, и как он будет разворачиваться в дальнейшем?*

Н.И. Иванова: Вопрос о периодизации технологического развития, смене этапов, укладов или целых эпох является дискуссионным. Для Шумпетера главным в концепции «созидательного разрушения» были не столько вопросы периодизации, сколько мысль о непрерывности процесса конкурентной борьбы экономических агентов за доминирующее положение на рынках. При этом он одним из первых обратил внимание на революционизирующее значение новых технологий, сметающих старые производства и вместе с ними компании. Классическим является пример компании, бесконечно повышавшей эффективность, дизайн и качество фитиля своих керосиновых ламп, но пропустившей появление электрических лампочек. Такую конкуренцию Шумпетер сравнивал с бомбардировкой, которая расчищает экономический пейзаж для новых компаний.

Последователи Шумпетера пытались представить экономическую историю как закономерную смену базовых и вспомогательных технологий, сменяющих друг друга. Это полезный подход, но он хорошо работает с прошлым, и не очень – с настоящим и будущим. Соответственно, сейчас одни авторы уверены, что пришло время смены технологического уклада (с пятого на шестой, где возобладают нано и биотехнологии), но оно задерживается из-за кризиса. Другие, наиболее восторженные поклонники новых технологий обрабатывающей промышленности (особенно трехмерных принтеров и многофункциональных роботов) считают, что мы живем в эпоху третьей (или второй, или четвертой – зависит от теории) промышленной революции. Важнее другое – бесконечное число новаторов, которые постоянно придумывают, изобретают, внедряют свои новинки, не особенно задумываясь о том, какой они делают уклад. Социальные сети и сланцевая революция, молекулярная фармацевтика и генетическая медицина, прояснение принципов работы мозга человека – вот далеко не полный перечень новых научно-технических прорывов.

В.Г. Хорос: *Наука «подпитывается» как государством, так и бизнесом (прежде всего крупным). Насколько последний заинтересован сегодня в*

новаторских изобретениях? Казалось бы, ответ очевиден: новации обеспечивают бизнесу конкурентные преимущества. Но на практике дело обстоит не так просто. Скажем, традиционный автопром может ставить палки в колеса производству электромобиля, защищая свой привычный рынок. Или, допустим, бизнес поощряет лишь прикладные разработки, игнорируя фундаментальные поиски, не сулящие быструю отдачу. Как, по Вашему, все это выглядит сегодня?

Н.И. Иванова: Капитализм как общественно-экономическая система потому и жив до сих пор, что бизнес не может не заниматься новаторскими изобретениями. Институты, обеспечивающие механизмы саморазвития, дают преимущества технологическим новаторам и наказывают тех, кто этому препятствует, например, монополистов, искусственно сдерживающих конкуренцию. Вы упомянули автопром. Действительно автомобилестроение – один из отраслевых лидеров по масштабам финансируемых компаниями НИОКР (речь идет о миллиардах долларов). Представление о том, что традиционный автопром может тормозить производство электромобилей, не вполне верно. Мы знаем, что сейчас каждый лидер отрасли имеет собственный проект создания электромобиля или гибрида. И они конкурируют между собой. Но сейчас ясно, что эта технология не готова к массовому внедрению в силу ряда причин. Впрочем, нишевые рынки электромобилей для особо охраняемых природных, спортивных или досуговых зон, – уже вполне успешный бизнес. Вторая часть Вашего вопроса – соотношение фундаментальных и прикладных исследований. В принципе, конечно, основную часть фундаментальных исследований, как правило, финансирует государство, а бизнес решает по большей части прикладные задачи. Но есть две особенности. Во-первых, далеко не всегда можно четко различить фундаментальные и прикладные проекты – это сообщающиеся сосуды. Во-вторых, есть ряд наукоемких бизнесов, прежде всего фармацевтический, где уровень и масштаб фундаментальных исследований может быть намного выше, чем в лучших соседних университетах. Современные лекарства – прибыльный бизнес, удержаться в нем можно, только постоянно продвигая передний край химии, физики, генетики, биотехнологий, информационного обеспечения.

В.Г. Хорос: Наверное, не секрет, что в научно-техническом прогрессе импульс по большей части задавали «секретные», военные отрасли. Изменилась ли эта тенденция в наше время? И какие перспективные области для открытий вырисовываются сегодня (лазер, нанотехнологии, геновая инженерия и т.п.), которые придали бы новую динамику мировой экономике?

Н.И. Иванова: Через министерства обороны развитых стран (кроме Японии и Германии) финансируется широкий спектр научно-технических программ. В США, например, это ведомство является самым крупным государственным заказчиком НИОКР. Часть исследований и разработок имеет двойное назначение. Из недавних примеров – Google Map. Компания получили финансирование из МО США, когда была еще малоизвестным стартапом в Кремниевой долине. Продукт оказался весьма полезным для военных и коммерчески успешным. Понятно, что разработка новейших систем вооружений дает меньше прямой экономической отдачи, но первоклассное оружие хорошо продается на мировых рынках (в том числе, кстати, и российское).

В.Г. Хорос: В последние десятилетия происходит быстрый индустриальный рост некоторых стран Юга (Востока) – Китая, Индии, Бразилии, Южной Кореи и др. Однако технологическая дистанция между ними и странами Севера (Запада) сохраняется. Как Вы думаете, могут ли эти новые индустриальные страны ликвидировать указанный разрыв самостоятельно, или это окажется возможным лишь с помощью (или «с согласия») развитых держав? Или это не произойдет вообще?

Н.И. Иванова: С помощью развитых держав новые индустриальные страны совершают первый стартовый рывок к современному индустриальному хозяйству. Передача технологий идет как по специальным, часто международным, программам содействия развитию, так и по более универсальным каналам мировой торговли, прямых иностранных инвестиций, импорта патентов, лицензий и т.д. В дальнейшем технологическая дистанция сокращается более медленно и, как показывает опыт, далеко не всегда развивающиеся страны могут сформировать устойчивые механизмы саморазвития – национальные инновационные системы, способные генерировать новые знания, изобретения, экономически значимые новшества. Это самый сложный этап экономического развития – переход от первичной индустриализации к постиндустриальному типу развития, где ценность нематериальных благ, интеллектуального капитала становятся ресурсами развития.

Китай сформулировал эту задачу на партийно-государственном уровне, поставлена цель к 2050 г. создать инновационную экономику и инновационное общество. Существенных успехов в решении более частной задачи – создание крупных компаний, национальных чемпионов на решающих направлениях технологического развития – добилась республика Корея. Успешен Самсунг, который почти на равных конкурирует с американскими и японскими корпорациями в производстве современной электроники и средств связи. Корейские автомобилестроители также нашли свою нишу и успешно ее удерживают. В Бразилии есть несколько успешных крупных компаний на передовых технологических направлениях, но задачу формирования сбалансированной инновационной системы еще предстоит решить.

В.Г. Хорос: В обеспечении современного хозяйственного прогресса очень важен учет экологического фактора. Это связано с разработкой соответствующих технологий – как их называют, *appropriated technologies*, «зеленых технологий». Есть ли здесь уже какие-то ощутимые достижения или пока дело ограничивается теоретизированием по поводу «устойчивого развития»?

Н.И. Иванова: Зеленые технологии – это важный инновационный контур, т.е. группа взаимосвязанных технологий, решающих общие задачи сохранения природы в условиях интенсивной хозяйственной деятельности. Одновременно следует отметить, что пока зеленые технологии находятся в «тепличных условиях» протекции со стороны государства (налоговые и инвестиционные льготы и т.д.). Так что «ощутимость» достижений нужно строго ранжировать по линейке «технологические возможности – доходность». Достижения в собственно технологиях – гигантские, а рыночные успехи пока минимальны (в результате, например, при видимом всеобщем покрытии Европы ветроэлектростанциями растет выработка энергии из сравнительно дешевого угля). Но если не вкладываться в поиск новых, более «зеленых» технологий, будущее вообще не наступит.

В.Г. Хорос: Сейчас очень остро стоит вопрос о перспективах модернизации России. Ряд аналитиков отождествляют эту модернизацию с ростом инноваций, с развитием хай-тека. Но вопрос в том, как хай-тек будет связан с основными народнохозяйственными отраслями, как может выглядеть «цепочка развития», которая обеспечит подъем отечественной экономики?

Н.И. Иванова: Инновации и хай-тек это совсем не одно и то же. С точки зрения экономической теории невозможно предсказать вид конкретной «цепочки развития» – такой вопрос был бы уместен в советском Госплане. В рыночной экономике «мы» (государство, научное сообщество) можем лишь создавать институциональные базовые условия для свободной честной конкуренции со справедливой рыночной наградой победителям этой конкуренции без отъема успешного бизнеса. Повышение социального статуса учителей и ученых, защита прав интеллектуальной собственности, бережное отношение к академическим свободам – хорошо известные рекомендации формирования основ полноценной инновационной системы. К сожалению, ничего более созидательного современная экономическая теория предложить не может. Можно только утверждать, что вне России такой подход работает во многих странах.

ЭКОНОМИКА

А.А. Рогожин

ТРАНСТИХООКЕАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЯМИ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

На протяжении последнего десятилетия мировые энергетические рынки пережили глубинные изменения вследствие бурного роста азиатского спроса, открытия новых коммерческих возможностей предложения североамериканских энергоносителей (сланцевый газ, труднодоступная и тяжёлая нефть), бума в области возобновляемых технологий, прогресса в сфере повышения энергоэффективности. Эти изменения открывают обширные возможности для увеличения торговли энергоносителями между Северной Америкой и Азиатско-Тихоокеанским регионом (АТР), а также в сфере создания более чистой энергетики будущего. Транстихоокеанская торговля энергоносителями и формирование в будущем более интегрированных и эффективных энергетических рынков может принести значительные выгоды странам по обеим сторонам Тихого океана.

Поскольку производство энергоносителей в Северной Америке продолжает расти, США, как и Канада, постараются обеспечить долгосрочные источники спроса на эти ресурсы в международном масштабе. Это, возможно, идеальный ответ на растущий запрос со стороны Азии на более безопасный и экологически чистый источник энергии. Изменения в значительной мере будут зависеть от политической поддержки этих инициатив, что связывается с инвестициями в критически важные объекты инфраструктуры, с объемом экспорта энергоносителей из Северной Америки, с развитием конкурентоспособных, гибких и прозрачных энергетических рынков в Азии.

Сам этот регион влияет на бурные изменения мировых энергетических рынков, поскольку спрос на энергию в Азии растёт, подпитывая активный экономический рост и подъём уровня жизни населения. В своём ежегодном докладе "Перспективы мировой энергетики" (World Energy Outlook) за 2012 г. Международное энергетическое агентство прогнозирует увеличение мирового спроса на энергию на 1/3 в период с 2010 по 2035 гг., причём на долю Азии придётся 2/3 этого роста. Только лишь Китай и Индия обеспечат половину мирового роста спроса на энергию. На участников Ассоциации стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в последние пять лет приходится 20% мирового роста спроса на энергию, и, по мнению МЭА, энергетический спрос в Юго-Восточной Азии в следующие два десятилетия будет быстро расти. Азия, как ожидается, обеспечит почти 2/3 роста мирового спроса на нефть и почти половину – на природный газ.

С ростом спроса увеличивается и зависимость региона от импортируемой энергии. Примерно 2/3 всей потребляемой нефти в Азии импортируется из других регионов, преимущественно с Ближнего Востока. В ближайшие двадцать лет зависимость Азии от импортируемой нефти увеличится до 75-80%, из которых 2/3 будет обеспечиваться странами Ближнего Востока. Эта тенденция ещё сильнее увеличит подверженность Азии рискам политической нестабильности, свойственной ключевым ближневосточным странам-производителям. Опасной станет транспортировка нефти в Азию через всё более загруженные и становящиеся предметом разногласий морские пути, проходящие через Индийский океан, Малаккский пролив и Южно-Китайское море.

Китай уже полагается на импорт в удовлетворении более половины своих потребностей в нефти, и эта доля, как ожидается, продолжит рост. Япония на 100% зависит от импорта нефти, природного газа и угля, а фактическая ликвидация мощностей атомной энергетики после катастрофы на АЭС Фукусима в значительной степени углубила обеспокоенность по поводу роста зависимости внутренних потребностей в электроэнергии от импортной нефти и дорогого сжиженного природного газа (СПГ). Южная Корея, Тайвань и большая часть Юго-Восточной Азии столкнутся в долгосрочной перспективе с аналогичными дилеммами энергетической безопасности. Чтобы удовлетворить свои быстрорастущие потребности в электроэнергии и диверсифицировать структуру первичных энергоносителей, уменьшив долю угля, Азия с большой степенью вероятности обеспечит большую часть мирового спроса на СПГ. К этому прибавляется неожиданно резкое увеличение потребностей Японии в СПГ, а также преобладание в регионе системы ценообразования на СПГ на основе привязки к нефти, что в совокупности обуславливает сохранение в азиатском регионе высокой стоимости СПГ: она вчетверо превышает цены на газ в Северной Америке и более чем на 50% – средние европейские цены на газ.

Регион заинтересован как в сокращении такой "азиатской наценки", так и в развитии новых, более гибких форм ценообразования. Нуждается Азия в доступе к новым источникам поставок СПГ, в том числе и из США, в привязке цен к американскому рынку, что позволит уменьшить различия между ценами на газ в Азии и других регионах. Новые поставки канадского СПГ также ещё больше диверсифицируют азиатское предложение СПГ и усилят энергетическую безопасность. Как было отмечено в ходе Тихоокеанского энергетического саммита в Джакарте в 2011 г., природный газ и СПГ сыграют важную роль не только в удовлетворении будущих энергетических потребностей Азии, но и в снижении углеродоёмкости энергетики региона.

Удовлетворение регионального спроса на энергию критически важно для сохранения здоровья глобальной экономики и улучшения уровня жизни населения азиатского региона. Его ведущие страны стремятся снизить выбросы парниковых газов, переходя на источники энергии, меньше загрязняющие окружающую среду. С этой целью государства региона активно инвестируют в неископаемые источники энергии, такие как ветряная, солнечная и атомная энергетика, а также в наращивание парка электромобилей, намереваясь стать мировыми лидерами в этих областях.

В наше время 1,3 млрд. человек всё ещё не имеют доступа к электроэнергии. Обеспечение растущего спроса на электроэнергию и поддержание экономического роста потребует огромных объёмов инвестиций. Глобальная инфраструктура обеспечения предложения электроэнергии потребует инвестиций в размере 38 трлн. долл. в период с 2011 по 2035 гг., причём на долю нефтегазового сектора придётся 20 трлн. долл., учитывая, что необходимость инвестиций в добычу и издержки увеличиваются.

В то время как Азия сталкивается с ростом спроса на энергию, Северная Америка переживает энергетический ренессанс. Длительное структурное сокращение американской добычи нефти с начала 1970-х гг. резко и неожиданно развернулось вспять с 2008 г., благодаря новой технологии гидроразрыва пласта, применяемой для добычи "лёгкой, но труднодоступной" сланцевой нефти в США, что ранее считалось коммерчески непривлекательной технологией. Американский спрос на нефть при этом снизился по сравнению с пиковым значением 2005 г., что явилось следствием стремительно растущих цен на это сырьё, а также глубокой рецессии,

вызванной начавшимся в 2008 г. финансовым кризисом. В будущем американский спрос на нефть, скорее всего, будет расти очень медленно и даже может снизиться ещё больше из-за слабого экономического роста и внедрения новых, более жёстких стандартов экономии топлива.

Согласно прогнозам министерства энергетики США и других ведущих институтов, зависимость США от импорта нефти будет постепенно снижаться – с пикового уровня в 60% в 2006 г. и до 42% в настоящее время, достигнув к 2035 г. 32%. По прогнозу МЭА США, благодаря росту добычи труднодоступной нефти, к 2020 г. могут стать крупнейшими в мире производителями нефти. Ожидается также, что возрастет добыча нефти в Канаде в результате расширенного освоения нефтеносных песков на западе страны и разработки новых месторождений труднодоступной нефти – аналогично тому, что происходит в США. Бум в области добычи сланцевого газа и сопровождающее этот процесс падение североамериканских цен на природный газ также создали возможность превращения США и Канады в экспортёров СПГ уже в следующем десятилетии. Более того, стремительный рост добычи нефти и газа в США побуждает Канаду пристальнее присматриваться к новым рынкам экспорта энергоносителей в Азии.

Совпадение роста энергетического изобилия и низких цен в Северной Америке, с одной стороны, и роста потребностей Азии в импортируемой энергии и взлетевших до небес цен – с другой, создаёт возможность связать их вместе в рамках "идеальной пары". Неудивительно, что энергетические рынки и инвесторы в Северной Америке, Азии и других регионах уже начали реагировать на эти возможности. Так, например, с ростом добычи нефти США быстро превратились во второго по размерам экспортёра нефтепродуктов в мире; соответственно, в ответ на рост американской и канадской нефтедобычи НПЗ США столкнулись с большим избытком предложения нефти из центральных регионов, который они превратили в нефтепродукты для экспорта в Азию и Европу.

В настоящее время в Канаде и США строится новая трубопроводная инфраструктура для расширения мощностей поставок нефти из центральных районов континента к побережью Мексиканского залива, чтобы заменить ею падающее предложение тяжёлой нефти из Венесуэлы и Мексики, а также, возможно, к НПЗ Восточного побережья. Трубопроводный канадский проект Keystone XL реализуется благодаря новым инфраструктурным инвестициям, направленным на открытие более гибких североамериканских рынков нефти, которые смогли бы в конечном итоге поддержать экспорт нефти из США.

Практически все крупные глобальные энергетические компании уже инвестируют в разработки сланцевой нефти и газа в США. Американские и канадские производители природного газа, а также многие их иностранные партнёры также инвестируют в создание целого ряда новых экспортных СПГ-терминалов для поставок за рубеж сланцевого газа. Несколько проектов на побережье Мексиканского залива уже получили одобрение министерства энергетики, а ещё, по меньшей мере, четырнадцать заявок на строительство СПГ-терминалов находятся в стадии рассмотрения.

В Канаде изучают предложения по строительству крупномасштабной трубопроводной инфраструктуры для доставки нефти и газа из Западной Канады к тихоокеанскому побережью страны с целью последующего экспорта в Азию. В эти проекты включен нефтепровод "Северные Врата" (Northern Gateway). Рассматривается также возможность продления действующего нефтепровода Trans Mountain до побережья и строительство огромного газопровода до предполагаемого СПГ-терминала Китимат (Kitimant). Неудивительно, что азиатские нефтегазовые

компании (многие из которых являются государственными), принадлежащие Японии, Южной Корее, Китаю и Малайзии, стремятся инвестировать в западноканадские проекты по добыче тяжёлой нефти и сланцевого газа, а также в трубопроводные проекты, поскольку надеются обеспечить транспортировку этих ресурсов на остро нуждающиеся в них азиатские рынки. Эти компании активно инвестируют и в проекты по добыче сланцевого газа в США, в потенциальные экспортные СПГ-терминалы. Япония, столкнувшаяся с кризисом в своей атомной энергетике и испытывающая потребность в увеличении поставок СПГ, особенно активна в поисках партнёров и долей участия в этих новых проектах, в обсуждении соглашений купли-продажи.

Однако же потенциал новой энергетической торговли по линии Северная Америка – Азия до последнего времени ограничивали политические реалии. В США со времён нефтяных шоков 1970-х гг. преобладает традиционно настороженное отношение к резким изменениям направление экспорта. Для Канады свойственна длительная зависимость от США как постоянно растущего рынка экспорта энергоносителей. Существуют в Канаде также ограничения, выдвигаемые экологическими организациями, региональными группами и представителями коренных народов, и эти требования должны получить адекватный ответ, прежде чем канадский экспорт энергоносителей будет переориентирован в западном направлении.

В то же время в самой Азии энергетические отрасли, ориентированные на государственное присутствие, не спешат переходить к более конкурентоспособным и прозрачным рыночным отношениям, которые позволили бы облегчить доступ к североамериканским энергоносителям и стимулировали бы утверждение в Азии более конкурентных цен. Заметное присутствие азиатских энергетических госкомпаний в крупных инвестиционных проектах в США и Канаде усилило политическую озабоченность в отношении стратегических последствий участия азиатских госкомпаний в североамериканских нефтегазовых проектах и добавило неопределённости в вопрос о том, будет ли найден достаточный инвестиционный капитал для финансирования энергетического бума.

Эти общие и фундаментальные тенденции глобальной энергетики позволяют предположить, что Азии и Северной Америке необходимо приспособить свое взаимодействие в сфере энергетики к широкому спектру потенциальных возможностей в области торговли и инвестиций. Эти возможности включают в себя повышение энергетической безопасности через диверсификацию, рост экспорта нефти и газа, а также сокращение тарифов на благоприятствующие окружающей среде товары и услуги. Рынки межрегиональной торговли нефтью и газом остаются резко сегментированными из-за становящейся всё более не соответствующей современным реалиям политики, сдерживающей более гибкую торговлю энергоносителями.

Огромные выгоды от увеличения торговли энергоносителями между Северной Америкой и Азией могут быть достигнуты лишь в том случае, если удастся реализовать новые подходы, связанные с увеличением инвестиций в добычу, инфраструктуру и формирование более интегрированных и взаимозависимых рынков. Потребуется огромные усилия для обеспечения широкой общественной и политической поддержки новой парадигмы энергетической торговли между регионами, согласования интересов многих заинтересованных сторон, включая и тех, что связан с вопросами национальной энергетической безопасности, внутренней экономики, конкуренции, энергетической отрасли, защиты окружающей среды, региональных и местных интересов, а также сообществ коренных народов.

Факторы, которые определяют траекторию развития транстихоокеанских энергетических связей, будут развиваться как результат совокупного воздействия решений, принятых как на национальном так и на субнациональном уровне. Если эти задачи могут быть разрешены в пользу обеспечения сильных транстихоокеанских связей, выгоды для всех сторон могут быть очень большими. Они включают образование более гибких и здоровых рынков, формирование конкурентных систем ценообразования, быстрое внедрение критически важных технологий снижения выбросов углерода и защиты окружающей среды, приток в Тихоокеанский регион, являющийся сегодня локомотивом мировой экономики, энергоносителей, столь необходимых для поддержания здорового роста экономик.

Азиатско-тихоокеанская торговля энергоносителями несет в себе потенциально огромные выгоды как для Азии, так и для Северной Америки. При этом необходимо принять ключевые политические решения, которые обеспечат рынкам возможность воспользоваться этими выгодами. В Северной Америке и Азии сильно сегментированные и зачастую неконкурентные рынки должны стать более интегрированными, а поток инвестиций должен быть увеличен, обеспечив создание необходимой инфраструктуры. Это потребует новых политических и общественных договорённостей и достижения консенсуса между заинтересованными сторонами, позиции которых сильно различаются.

А.И. Салицкий, В.В. Тацуй

КИТАЙ В 2013 ГОДУ: СТАБИЛЬНОСТЬ И ПОДГОТОВКА К НОВЫМ РЕФОРМАМ?

Прошедший год был третьим в двенадцатой пятилетке (2011-2015). Он застал китайскую экономику на этапе завершения передачи власти⁴. Новое поколение лидеров, костяк которого был определен XVIII съездом КПК (2012), будет решать непростые задачи. Их кратко можно сформулировать так обеспечение плавного перехода от ускоренного экономического роста к сбалансированному развитию и новому качеству жизни населения.

В течение года, впрочем, китайское хозяйство продолжало движение в привычном темпе. Итоговый показатель прироста ВВП составил 7.7%, повторив достижение предыдущего года⁵. Таким образом, говорить о замедлении экономического роста в Китае в минувшем году не приходится – ни в относительном выражении, ни с точки зрения динамики ВВП внутри периода.

В абсолютных же параметрах прирост продукта существенно превзошел индикатор 2012 года. Объем ВВП страны вплотную приблизился к отметке 57 трлн. юаней (свыше 9.3 трлн. долл. по курсу на конец года⁶). Это свыше 14 трлн. долл., если считать по паритету покупательной способности.

По итогам минувшего года прирост потребительских цен составил 2.6% –

⁴ Первая сессия ВСНП двенадцатого созыва (март 2013) утвердила, в частности, состав нового кабинета во главе с Ли Кэцяном.

⁵ Незадолго до конца 2013 года ГСУ КНР подтвердило пересмотр прироста ВВП за 2012 год: с 7.8% показатель был впервые в истории китайской статистики в новом веке пересмотрен в сторону понижения и составил 7.7% (здесь и далее данные ГСУ).

См.: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201402/t20140224_515103.html.

⁶ В конце 2013 года курс юаня (жэньминьби) к доллару составил 6.1. За год китайская валюта подорожала примерно на 3%. В результате годовой прирост ВВП, взятого в текущих ценах и по валютному курсу, составил более 1 трлн. долл.

против точного такого же показателя в предыдущем году и 5.4% годом ранее (2011). Столь стабильная динамика хозяйства КНР, безусловно, положительно сказалось на общемировой конъюнктуре, которая продолжала оставаться весьма неустойчивой.

Хозяйственное положение и внешнеэкономические связи. В минувшем году костяк китайской экономики – крупные промышленные предприятия, продолжая наращивать выпуск продукции, существенно улучшили финансовые результаты хозяйственной деятельности. Их прибыли возросли на 12.2%, тогда как в 2012 году данный индикатор составил лишь 5.3%.

За истекший год на 7.5% увеличилось производство электроэнергии (против 4.8% в 2012 году). Более 11% составил прирост производства проката, чуть менее 10% – цветных металлов и цемента (против прошлогодних показателей в 5-7%). Производство автомобилей за год увеличилось на 18.4% (4.7%), в том числе на 16.6% – легковых (6.4%).

Вместе с тем китайские аналитики отмечают рост избыточных мощностей в целом ряде индустриальных отраслей. Реагируя на ситуацию, Государственный комитет по развитию и реформам в конце 2013 года, упростив процедуру утверждения по большинству инвестиционных проектов на местах, сохранил за собой право запрета в таких отраслях, как производство алюминия, стали, оконного стекла и судостроение. В ряде случаев установлен нижний предел по мощности создаваемых предприятий (производство цемента).

Индустрия Китая стремительно преобразуется, что хорошо показано в исследовании McKinsey (2013). Аналитики компании провели, в частности, сравнение структуры китайской промышленности (включая предприятия с иностранным участием) с мировой индустрией⁷. Выяснилось, что по доле трудоемкой продукции в добавленной стоимости обрабатывающей промышленности (10%) китайский показатель теперь не очень намного отличается от глобального индикатора (7%). Удельный вес технически сложной массовой продукции, произведенной крупными корпорациями для внутреннего рынка страны, в Китае такой же, как и в среднем по миру (около трети). Среди китайских игроков в этой сфере выделяются Bohai Chemical, ChemChina, China Resources Pharmaceutical Group, First Automotive Works (FAW), Midea, Shanghai Automotive Industry Company (SAIC), Shanghai Electric, Sinochem.

Третья группа, выделенная экспертами McKinsey, – энергоемкие и ресурсоемкие товары. Их китайская промышленность производит больше (25%), чем в среднем по миру (22%). Основные китайские игроки – Baosteel, Chalco, China Minmetals, China National Petroleum (CNPC), Shandong Chenming Paper, Sinopec.

Четвертую группу образует сравнительно простая стандартная продукция, производимая ТНК для местных рынков – продовольствие, напитки, печатная продукция, табачные изделия. Здесь китайская промышленность (20%) значительно уступает мировому индикатору (28%). Крупные китайские производители: China Tobacco, COFCO, Mengniu Dairy, Wahaha.

И, наконец, пятая группа товаров – высокотехнологичная продукция. Здесь доля китайской промышленности – такая же, как и среднемировой индикатор (9%). Достойны упоминания Hisense, Huawei, Lenovo, Mindray, Semiconductor Manufacturing International (SMIC), Shinva Medical, Spreadtrum, ZTE. Добавим, что по доле высокотехнологичной продукции в экспорте обрабатывающей промышленности

⁷ http://www.mckinsey.com/insights/manufacturing/a_new_era_for_manufacturing_in_china

(26%) Китай в конце нулевых годов догнал Южную Корею, превзошел США и Японию (18 и 17%), уступая, впрочем, Малайзии (43%) и Сингапuru (45%).

Иначе говоря, можно смело говорить об успешном преодолении китайской промышленностью технической отсталости. В свою очередь комплексная промышленная структура в сочетании с масштабом хозяйства и внешней торговли, а также энергичной экспансией китайских корпораций за рубеж дала другой важнейший итог – преодоление зависимого положения в мировом хозяйстве или, по крайней мере, асимметричной зависимости от промышленно развитых стран и их ТНК. Не менее важно и то, что крупная промышленность КНР является мощным генератором платежеспособного спроса на разного рода новации, с одной стороны, и средством их массового тиражирования, с другой.

Таким образом, индустриальное становление Китая, вписав одну из самых ярких страниц в мировую историю промышленной революции, в известном смысле завершено⁸. При этом доля обрабатывающей промышленности (наиболее производительного сектора хозяйства) в ВВП КНР составляет 30% (2011) против 24% в Индонезии, 16% в России, 14.5% в Бразилии и лишь 14% в Индии. Возможно, столь высокий показатель – один из основных секретов высокой экономической динамики в КНР.

В связи с этим вызывает естественный интерес вопрос о нынешней энергоемкости экономического роста в КНР, поскольку представить себе слишком значительные изменения в сложившейся структуре хозяйства и промышленности довольно трудно.

Заметим, что высокие темпы промышленного роста сопровождались в 2013 году скромным увеличением производства топлива и энергии (табл. 1) и значительным увеличением импорта угля и природного газа. Так, ввоз нефти составил 282 млн. т, увеличение физического объема – 4.0% к 2012 году. Возрос ввоз угля (327 млн. т, прирост 13.4%) и природного газа, сжиженного и трубопроводного (53 млрд. куб. м, прирост 25%).

Таблица 1.

Отдельные показатели развития энергетики КНР в 2013 г.

	Единица измерения	2013 г.	В % к 2012г.
Производство энергоносителей	млн. тут	3400.0	2.4
Уголь	млн. т	3680.0	0.8
Сырая нефть	млн. т	209.0	1.8
Природный газ	млрд. куб. м	117.1	9.4
Производство электроэнергии	млрд. кВт/ч	5397.6	7.5
в том числе: - на ТЭС	млрд. кВт/ч	4235.9	7.0
- на ГЭС	млрд. кВт/ч	911.6	23.2
- на АЭС	млрд. кВт/ч	110.6	13.6

Источник:

http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201402/t20140224_515103.html.

КНР динамично наращивала мощности в новой энергетике: их прирост на ВЭС составил свыше 24%, в солярной генерации они выросли более чем втрое. В

⁸ Одно из свидетельств – начавшееся сокращение доли промышленности в ВВП Китая.

результате суммарная мощность в этих двух отраслях возобновляемой энергетики превысила 90 млн. кВт. Заметным было и увеличение мощности АЭС (16%), составивших к концу года 14.6 млн. кВт. Общее потребление энергоресурсов в 2013 году, по предварительным оценкам, составило 3 млрд. 750 млн. т условного топлива (рост на 3.7%). Прирост потребления угля составил 3.7%, нефти – 3.4, природного газа – 13%. Потребление энергоресурсов в расчете на единицу ВВП сократилось на 3.7%, что чуть хуже показателя, предусмотренного планом на 12-ю пятилетку (4%), но несколько лучше показателя предыдущего года (3.6%). Существенная экономия электроэнергии достигнута в промышленности.

Таким образом, можно констатировать дальнейшее успешное продвижение страны по пути снижения удельных расходов энергии, позволяющее, помимо прочего, облагораживать структуру потребления за счет опережающего роста использования относительно чистых источников, включая природный газ.

Благоприятным переменам явно поспособствовал третий пленум ЦК КПК, состоявшийся в ноябре 2013 года и обозначивший линию на постепенное снижение темпов экономического роста, стимулирование внутреннего спроса, ускоренное развитие сферы услуг, а также новой энергетики. Как предполагают китайские коллеги, в нынешнем десятилетии потребление энергии будет расти примерно на 4% в год. При таком режиме роста структурная перестройка энергетики несколько облегчается. Не исключено, что и прежние планы ввода новых мощностей на угольных ТЭС также будут значительно сокращены.

Одним из двух главных двигателей экономического роста в КНР остается высокий показатель накопления. Общий объем освоенных инвестиций в основные фонды в 2012 году превысил 46 трлн. юаней, увеличившись на 18.9% по сравнению с предыдущим годом. Это ниже прошлогоднего прироста. Существенно и то, что в течение года прирост инвестиций имел выраженную тенденцию к снижению: по-видимому, регулятор ощущал некоторый перегрев экономики. Наиболее высокие приросты инвестиций (порядка 30%) зарегистрированы в сельском хозяйстве, оптовой и розничной торговле, а также банковской отрасли.

При этом Китай продолжал политику выравнивания уровней развития регионов. Во внутриконтинентальных провинциях и западных районах прирост инвестиций был несколько выше среднего по стране. Но разрыв в приростах инвестиций с восточными регионами по сравнению с предыдущим годом существенно уменьшился, что, возможно, повышает финансовую эффективность вложений.

Устойчивой остается ситуация в сельском хозяйстве. Десятый год подряд в Китае наблюдалось увеличение производства зерновых. На этот раз прирост составил 2.1% (3.2% в 2012 году), а суммарный урожай перевалил за отметку 600 млн. т. Увеличилось производство мяса – на 1.8% (5.4%) и хлопка – на 7.7% (3.8%).

Продолжает набирать обороты и второй двигатель хозяйства – потребление. Розничные продажи потребительских товаров выросли в Китае в 2013 году на 13.1% (14.3% – в 2012 году), а с учетом инфляции – на 11.5% (12.1%). На 10.4% (7.3%) в текущих ценах выросли продажи автомобилей, на 21% (27%) мебели. Число пользователей интернета достигло 618 млн. Из них 500 млн. человек пользуются им еще и с мобильных устройств.

Финансовые доходы государства продолжили увеличение в опережающем темпе: в 2013 году они выросли на 10.1% и превысили 12.9 трлн. юаней (более 22.6% ВВП), налоговые поступления составили более 11 трлн. юаней (рост на 9.8%).

За 2013 год было введено в строй 6.6 тыс. км новых железнодорожных путей (из них 1.7 тыс. км – скоростных магистралей), электрифицировано почти 5 тыс. км.

железных дорог, построено более 8 тыс. км автомагистралей. Эти показатели оказались чуть ниже уровня предыдущего года.

Темп роста экспорта совпал с прошлогодним показателем, импорта – выше прошлогоднего. На 30 млрд. долл. увеличился актив в торговле товарами, достигший почти 260 млрд. долл., пассив в торговле услугами оказался чуть меньше 120 млрд. долл. Валютные резервы в конце года превысили 3.8 трлн. долл., увеличившись за год на 500 млрд. долл.

Продолжалось снижение в китайском экспорте доли операций на давальческой (толлинговой) основе, связанных с изготовлением экспортных товаров из импортных полуфабрикатов, узлов и деталей, свидетельствуя об успехах страны в локализации экспортного производства и повышении доли стоимости, добавленной на территории КНР, в том числе по высокотехнологичной продукции.

Среди быстро растущих статей китайского сырьевого импорта в 2013 году оказались, помимо топлива, железная руда (819 млн. т, прирост 10.2%) и соевые бобы (64 млн. т., прирост 8.6%). Снизились закупки бокситов (на четверть) и растительного масла.

Таблица 2.

Внешняя торговля КНР с отдельными партнерами в 2013 г.

Страны	Экспорт КНР		Импорт		Сальдо, млрд. долл.
	млрд. долл.	прирост, %	млрд. долл.	прирост, %	
Всего	2210.0	7.9	1950.3	7.3	+259.7
ЕС	339.0	1.1	220.0	3.7	+119.0
США	368.4	4.7	152.3	14.8	+216.1
АСЕАН	244.1	19.5	199.6	1.9	+44.5
Гонконг	384.8	19.0	16.2	-9.3	+368.6
Япония	150.3	-0.9	162.3	-8.7	-12.0
Республика Корея	91.2	4.0	183.1	8.5	-91.9
Тайвань	40.6	10.5	156.6	18.5	-116.0
Россия	49.6	12.6	39.6	-10.2	+10.0

Источник:

http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201402/t20140224_515103.html

Внешняя торговля КНР, перевалив в 2013 году за отметку в 4 трлн. долл., по-прежнему складывалась с крупным активом в торговле с США, ЕС и Гонконгом, превысившим в сумме 700 млрд. долл.

Объем прямых иностранных инвестиций, реализованных в экономике КНР в 2013 году, вырос на 5.3% – до 117.6 млрд. долл. Значительно увеличились капиталовложения в недвижимость и жилищно-коммунальные услуги, продолжилось сокращение инвестиций (на 6.8%) в обрабатывающую промышленность, которая, впрочем, остается крупнейшей сферой их приложения (40%).

Значительно (на 16.8%) вырос экспорт капитала из Китая, составивший за год (только прямые инвестиции в нефинансовые отрасли) более 90 млрд. долл. Годовые доходы Китая от выполнения подрядно-строительных работ за рубежом составили в 2013 году 137.1 млрд. долл., увеличившись на 17.6%. К ним было привлечено почти 530 тыс. человек – на 3% больше, чем в предыдущем году.

Рынок недвижимости и финансовая сфера. Эти две сферы зарубежные аналитики, как правило, считают наиболее проблемными зонами китайской экономики. Заметим, что китайская статистика все более подробно освещает состояние рынка недвижимости в стране. Напомним, что со второй половины 2012 года в Китае наблюдалось оживление продаж⁹.

Эта тенденция захватила и весь 2013 год. В натуральном выражении прирост продаж жилой недвижимости составил свыше 17%, в стоимостном – почти 27%.

Некоторый перегрев данного рынка очевиден уже по росту цен на жилье – предмету постоянного беспокойства населения и регулятора¹⁰. Добавим, что соотношение между строящимся и проданным жильем в натуральном выражении несколько улучшилось и составило 4.2 против 4.35 в 2012 году (табл. 3). Но это существенно хуже ситуации 2010 года, когда аналогичный показатель составлял 3.4.

Таблица 3.

Отдельные показатели рынка недвижимости КНР в 2013 г.

	Млн. кв. м.	Прирост, %
Продажи недвижимости	1306	17.3
- в том числе жилья	1157	17.5
Начато строительство	2012	13.5
- в том числе жилье	1458	11.6
Всего в стадии строительства	6656	16.1
- в том числе жилье	4863	13.4

В течение года в функционировании китайской финансовой системы было отмечено два сбоя, когда на рынке отмечался недостаток ликвидности и резкое повышение ставок межбанковского кредитования. Но они были кратковременными и в целом не нарушили картины постепенного снижения темпов прироста М2 и объемов нового кредитования (примерно с 900 млрд. в месяц в первом квартале до 700 млрд. юаней в третьем). М2 за год в целом увеличился на 13.6% (уровень предыдущего года) и достиг 110.7 трлн. юаней (193% ВВП).

Общий объем кредитов на конец года составил 76.6 трлн. юаней (134% ВВП), увеличившись на 13.8% к показателю предыдущего года. Сбережения населения превысили 46.5 трлн. юаней (прирост на 13.5%). Накопленный объем потребительских кредитов подошел к отметке 13 трлн. юаней – за год он увеличился на 2.5 трлн. юаней.

В целом кредитная система выглядит сбалансированной. В то же время в течение года печать КНР не раз обращала внимание на проблему «плохих долгов» в банковской системе. Их общий объем превысил 300 млрд. юаней (около 50 млрд. долл.). Немалые сомнения вызывают и способность местных правительств своевременно рассчитаться с накопившимися долгами. Свыше 3 трлн. юаней в 2014 году предстоит выплатить крупным китайским предприятиям по выпущенным корпоративным облигациям. Все это создает определенное напряжение. Вместе с тем низкий уровень государственного долга, значительные резервы и наличие у

⁹ В первой половине 2012 года ситуация резко ухудшилась: сокращение продаж недвижимости против сопоставимого периода предыдущего года составило 10.7%, причем в первом квартале года падение было еще более глубоким.

¹⁰ Меры, принимаемые властями с целью ограничения спекулятивной составляющей на рынке недвижимости, нередко приводят к неожиданным результатам. К таковым, например, можно отнести рост числа разводов в крупных городах из-за введения дополнительного налога на вторую квартиру.

государства (в том числе местных правительств) крупных активов в виде земли и других прав собственности позволяют, на наш взгляд, продолжать достаточно активную кредитную экспансию, тем более что высокими остаются и показатели сбережений населения.

В КНР продолжают работу над созданием своеобразного «строенного» (Шанхай, Шэньчжэнь, Гонконг) финансового центра глобального уровня. В минувшем году продолжились эксперименты с либерализацией валютного режима и регулированием банковской сферы в шанхайской зоне свободной торговли. Приняты решения о начале регистрации частных банков.

В минувшем году Пекин с успехом проводил в жизнь политику интернационализации юаня. В октябре 2013 года доля китайской валюты в международных платежах за товары и услуги достигла 8.66% – против 81.1% у доллара США и 6.6% – у евро. Лидируют по использованию юаней, помимо Китая, на который приходится 60% платежей в китайской валюте, Гонконг и Сингапур – расчетные центры по операциям с офшорными юанями (суммарно 32% оборота)¹¹.

Тренды развития. Впервые в истории китайского хозяйства доля индустрии в ВВП (44%) оказалась по итогам 2013 года ниже, чем доля сферы услуг, на которую пришлось 46%. Иными словами, продолжилось постепенное продвижение страны по пути сервисизации экономической структуры. Этот магистральный тренд свидетельствует о столь же постепенном завершении этапа, на котором главным двигателем экономического развития выступало создание комплексной системы национальной промышленности, а также форсированное инфраструктурное строительство¹². Несложно предположить, что начинающаяся фаза будет характеризоваться и некоторым снижением доли накопления, и замедлением темпов экономического роста. Постепенность (плавность) этому тренду будет придавать сохраняющаяся неравномерность в развитии регионов (и потребность поддержания высоких показателей накопления для подтягивания внутриконтинентальных и западных районов¹³), а также неизбежное продолжение урбанизации, автомобилизации и механизации сельского хозяйства.

Китай продолжает движение к инфраструктурной, информационной, потребительской и экологической революции. В ходе этого движения на первый план выходят сложные социальные проблемы, в том числе неравенства доходов, разрывов в уровне развития между регионами, пенсионного обеспечения и здравоохранения, коррупции и т.д. Это отчетливо представляет себе новое поколение руководителей. Как показали дискуссии о путях дальнейшего развития страны, развернувшиеся в минувшем году в ходе подготовки третьего пленума ЦК КПК (ноябрь 2013) восемнадцатого созыва, Пекин стремится к проведению взвешенного курса. Дальнейшая, но достаточно умеренная либерализация экономической политики пока обозначена в качестве основной линии. Такой выбор, на наш взгляд, продиктован, по крайней мере, двумя императивами. Первый –

¹¹ <http://www.kommersant.ru/doc/2412530>

¹² В докладе бывшего премьера Вэнь Цзябао на сессии ВСНП (март 2013) отмечено, что за последние пять лет в КНР было проложено 19.7 тыс. км новых железнодорожных путей, включая 9 тыс. км скоростных магистралей. Сданы в эксплуатацию скоростные железнодорожные магистрали Пекин – Шанхай, Пекин – Гуанчжоу и Харбин – Далянь и другие междугородные линии. Построено 609 тыс. км новых автодорог, в том числе 42 тыс. км скоростных, что довело общую протяженность последних до 95.6 тыс. км. Сооружен 31 новый аэропорт.

¹³ Темпы промышленного роста во внутриконтинентальных и западных районах в последние годы неизменно превышают показатели прибрежных провинций, откуда в западном направлении начался и перенос части индустриальных мощностей.

борьба с коррупцией путем снижения административных барьеров. Второй – консолидация китайских территорий и зарубежной диаспоры вокруг задачи «возрождения Китая».

Отражая выросшую роль негосударственных секторов в экономике, новый курс позволяет государству и госсектору (особенно в лице ведущих корпораций и банков) переключить внимание на некоторые острые внутренние проблемы (в частности, экологическую), а также сконцентрировать усилия на наиболее перспективных направлениях, включая экономику новаций, создание финансового центра глобального уровня и продолжение внешней экспансии. Ресурсы для выполнения этих задач предполагается получить и за счет продажи части пакетов государственных корпораций.

Явно усиливается поддержка малого предпринимательства и микробизнеса, которые стимулируются с помощью налоговых послаблений, кредитной поддержки, программ профессиональной подготовки и т.п.

В постоянном фокусе общества и государства находится сфера образования и науки. Для КНР характерна пропорциональность между высшим и средним специальным образованием. В высшие учебные заведения в 2013 году поступило почти 7 млн. абитуриентов, общее число студентов превысило 24.7 млн. человек. Столько же новых учащихся набрали средние специальные заведения, где учится 19.6 млн. человек.

Расходы на НИОКР составили в 2013 году 1190 млрд. юаней (почти 2.1% ВВП) и выросли почти на 15.6%. Около 5% этой суммы было направлено на фундаментальные научные исследования.

Общая стоимость контрактов на передачу технологий за год составила 746 млрд. юаней – на 16% больше, чем в предыдущем году. За год произведено 14 успешных запусков искусственных спутников и двух пилотируемых кораблей.

Сохраняет свое значение и стимулирование роста путем реализации крупных инфраструктурных проектов. Предусматривается, в частности, увеличение протяженности высокоскоростных железных дорог до 15 тыс. км к концу 2015 года – с нынешних 9 тыс. км. Амбициозная программа, похоже, себя оправдывает: ежедневно услугами этого вида транспорта пользуются более 1.3 млн. человек.

* * *

Стабильное развитие Китая хорошо показало возможность энергичного развития хозяйства в периоды вялой внешней конъюнктуры. Это имеет международное значение. Так, авторы доклада о торговле и развитии ЮНКТАД (2013) прямо пишут о невозможности возвращения к предкризисным стратегиям ориентации на экспорт из-за стагнации спроса в развитых странах¹⁴. Альтернатива видится им как раз в развитии внутреннего и регионального спроса в отстающих странах, стимулировании собственной промышленности, работающей на эти рынки. В рамках этого видения, кстати, находятся и многие программы развитых стран (insourcing, reshoring), фактически означающие замещение импорта.

Китайский опыт преодоления последствий финансового кризиса на Западе (теперь его уже смело можно охарактеризовать как успешный) привлек многих своевременным стимулированием реального сектора. Именно разрыв между ним и финансовикой признается большинством экспертов главным пороком сложившихся во многих странах кредитно-финансовых систем. Для преодоления разрыва уже

¹⁴ Trade and Development Report 2013. UNCTAD: New-York and Geneva, 2013.

упоминавшиеся выше эксперты ЮНКТАД считают, например, очень важным пересмотр роли центральных банков в развитии и, в частности, лишение их независимого статуса (по аналогии с КНР). Среди других рецептов – необходимость сохранения в трудные времена достаточного уровня государственных расходов (и в том числе за счет дефицита бюджета) для поддержания потребления и занятости.

М.В. Матюхин

КИТАЙСКИЕ ИНВЕСТИЦИИ В США – ПРЕУВЕЛИЧЕННЫЕ ОПАСЕНИЯ

Как известно, в настоящее время и в ближайшем будущем значительную часть китайских инвестиций в США составят вложения в казначейские облигации. Такие инвестиции оцениваются в 50 млрд. долл., и, по мнению американских экспертов, потенциально они могли бы уже достигать 75 млрд. долл., а в течение ближайших нескольких лет – возрасти до 100 млрд. долл. Учитывая, что вывод денежных средств из китайской экономики по-прежнему осуществляется централизованно, эти расходы естественным образом порождают в США вопросы относительно того, не могут ли эти инвестиционные стратегии Китая нанести ущерб американским интересам?

Ответ на этот вопрос в США даётся, как правило, утвердительный, однако природа «китайской угрозы» для экономики США зачастую явно преувеличивается. Существует отчётливое стратегическое измерение китайских инвестиций за рубежом, и в нём, естественно, содержатся некоторые тревожные элементы. Государственные предприятия КНР получили инструкции покупать активы, которые воспринимаются Пекином как ценные. Эти предприятия активно субсидируются государством, что, естественно, оказывает негативное влияние на конкурентные позиции американских компаний. Однако КНР не делает тайны из такого традиционного для китайской экономики подхода, и в нём нет особого «коварства». Реалистически мыслящие и более компетентные эксперты советуют американским политикам избегать «отпугивания» китайских инвестиций на основе преувеличенных слухов. И только если факты показывают, что какие-то китайские инвестиции представляют собой вполне очевидные вызовы для интересов США, они рекомендуют спокойно подумать, какие шаги необходимо предпринять, чтобы увеличить прозрачность инвестиционных усилий китайских компаний в американской экономике.

Пока же факты говорят о том, что ситуация отнюдь не зашла так далеко, чтобы оправдывать жёсткие протекционистские действия, к которым призывают некоторые «особо озабоченные» аналитики. Об этом свидетельствуют в первую очередь статистические исследования Фонда "Наследие", который традиционно стоит на страже американских интересов во всём мире и далёк от «снисходительности» в оценках внешней и внешнеэкономической политики КНР. Созданный фондом The Heritage Foundation сервис China Global Investment Tracker является первой публичной базой данных, включающей в себя ограниченные предложения со стороны правительства КНР. Она охватывает исходящие инвестиции, не считая вложения в облигации. Tracker носит глобальный характер и включает в себя данные, начиная с 2005 г., когда начались первые крупномасштабные китайские инвестиции в США и другие страны мира. Эта база использует корпоративные данные и обновляется два раза в год.

Говоря о китайских инвестициях в США, Tracker отмечает тенденцию – пусть и неустойчивую – к наращиванию китайских инвестиций, не связанных с покупкой облигаций Казначейства США, и планка для этих инвестиций в 100 млрд. долл. будет преодолена, по-видимому, уже в 2015 или 2016 гг.

База данных Tracker содержит информацию, начиная с 2005 г., о 58 китайских капиталовложениях в США размером от 100 млн. долл. на общую сумму около 50 млрд. долл. Это 13% от общего объёма китайских глобальных инвестиций. Лишь в 2012 г. США уступили первенство Канаде в деле привлечения китайских инвесторов, хотя всё равно привлекли рекордный объём китайских инвестиций на общую сумму 14,7 млрд. долл. Тем не менее, необходимо учесть, что эта сумма составила менее 0,1% ВВП страны в 2012 г. В будущем рост китайских инвестиций в США может опередить их рост в целом по миру, хотя в этом процессе всё равно будут свои взлёты и падения. Совокупные китайские инвестиции в США могут достичь 100 млрд. долл. в течение пяти лет, однако всё равно это будет относительно небольшой объём.

Ведущим сектором для китайских инвестиций в США были финансы, на долю которых пришлось чуть более 20 млрд. долл. Эта цифра составляет более половины всех мировых китайских инвестиций в финансовый сектор, не связанных с покупкой облигаций. Множество крупных поглощений было сделано до финансового кризиса, поэтому многие из этих инвестиций значительно потеряли в цене. В последнее время более активные вложения делаются в энергетику и электроэнергетику, их совокупный объём составил 11,4 млрд. долл. Это всего 6% китайских мировых инвестиций в энергетику, что свидетельствует о том, что американский рынок располагает значительным потенциалом в этом отношении.

Удивительно, но транспортный сектор является третьим по размеру привлечённых китайских инвестиций сектором в США, получив 6,5 млрд. долл., что составляет почти 40% глобальных китайских инвестиций в транспортный сектор (строительные контракты являются наиболее популярной формой китайских зарубежных транспортных проектов). Однако этот успех оказался обусловлен единственной транзакцией – поглощением подразделения AIG по лизингу самолётов в декабре 2012 г.

Недвижимость и сельское хозяйство также считаются многообещающими секторами с точки зрения привлечения китайских инвестиций. В связи с политическими и экономическими условиями в КНР, в последние два года был отмечен всплеск покупки китайцами недвижимости в США, и в будущем этот процесс лишь усилится. Большинство подобных сделок достаточно скромны, однако ожидаются и крупномасштабные покупки. Сельское хозяйство является упущенной возможностью – вложения в сельхозугодия в США могли бы быть более активными. В области высоких технологий, несмотря на ограничения, инвестиции китайских компаний в США составляют 2,5 млрд. долл., что равно примерно 30% глобальных инвестиций китайских компаний в этот сектор.

С точки зрения объёмов инвестиций в США доминируют государственные предприятия. В период с 2005 по 2012 гг. на их долю пришлось 86% всех инвестиций в США, тогда как частные компании инвестировали лишь 14%. Тем не менее, в одном лишь 2012 г. доля частных инвестиций почти удвоилась, что, возможно, свидетельствует о возникновении новой тенденции в области китайских инвестиций в США. Пока основным реципиентом инвестиций из КНР является Нью-Йорк. Однако всё большее число штатов активно ищут китайские инвестиции, и, скорее всего, именно поэтому американские политические дебаты по поводу китайской политики изменят своё направление.

Китайские фирмы пока что не готовы обслуживать американский рынок с помощью крупномасштабных инвестиций. США не разрешают большинство китайских инвестиций в технологический сектор, за исключением медицины. Это также снижает возможности использования квалифицированной рабочей силы. Американские энергетические активы изначально также оградялись от покупки, и даже сейчас существует неопределённость относительно доступности крупных долей участия в сланцевых проектах и угольном секторе. Банковский сектор привлёк значительные инвестиции до кризиса, однако фактически китайские инвестиции в США стимулируются в основном лишь финансовой отдачей в банковском секторе и секторе недвижимости, интересом к американскому опыту освоения сланцев.

Существуют несколько причин фактически низкой активности китайских инвесторов на американском рынке.

Во-первых, это неопытность многих китайских компаний, что со временем может измениться: чем больше китайских фирм появляется на американском рынке, тем лучше они смогут в будущем приспособиться к запросам американских потребителей.

Во-вторых, это барьеры, воздвигаемые американской стороной и препятствующие использованию инвесторами из КНР американского рыночного потенциала. Именно политика американского правительства привела к срыву сделки CNOOC-Unocal и ещё шести контрактов, которые блокировали китайские инвестиции на сумму в 4 млрд. долл. Были и другие нереализованные проекты.

В-третьих, в США остаётся непонятой инвестиционная политика КНР за рубежом в целом и на американском рынке в частности, и эта политика вызывает в США опасения. Американское правительство не ожидало, что на выбор китайской стороной целей для инвестиций в США влияет государство, и они реализуются в рамках некоего государственного плана. Но в КНР этого и не скрывали. Там по объёмам исходящих из страны инвестиций доминируют государственные компании, и это даёт возможность государству реализовывать скоординированную стратегию, а не просто искать источники спроса или более высокой финансовой отдачи. Пекин неоднократно давал понять, что права собственности на зарубежные сырьевые ресурсы являются ценным средством гарантировать устойчивый импорт тех товаров, в которых остро нуждается китайская экономика. Таким образом, нет ничего удивительного в том, что инвестиции в товарно-сырьевые активы доминируют в структуре зарубежных вложений китайских госкомпаний, политика которых не является такой уж особенно изощренной или опасной, если, разумеется, не идет речи о стремлении получить доступ к технологиям двойного использования.

Именно поэтому национальным интересам США в гораздо большей степени способствовала бы политика стимулирования китайских инвестиций, а не их сдерживания под любым, зачастую откровенно надуманным, предлогом. Такой подход на деле подкреплял бы декларации о «стратегическом партнёрстве» с КНР, на которые так щедры американские политики.

Е.А. Брагина

ЭКОНОМИКА ИНДИИ ПЕРЕД ВСЕОБЩИМИ ПАРЛАМЕНТСКИМИ ВЫБОРАМИ

В 2013 г. в индийской экономике под давлением мирового финансового кризиса и внутренних причин продолжались негативные тенденции. Темпы роста

ВВП снизились, хотя и в меньшей степени, чем в развитых экономиках, но по сравнению со среднегодовым ростом Индии в 2002-2010 гг., 7,7% падение до 5,5%, а в отдельные периоды до 4,4% сильно ухудшало положение страны и её перспективы. В 12-м пятилетнем плане Индии были намечены ежегодные темпы 8-9%. Для многонаселенной Индии с высокой долей бедноты (по разным оценкам 25-30% общей численности) такое замедление роста угрожает снижением уровня жизни большинства населения.

Правительству не удалось справиться с ростом цен на основные продовольственные товары. Инфляция достигла 9-10% годовых, вдвое превысив показатель, ранее установленный планом. Свидетельством ухудшения положения в Индии, как и в других развивающихся экономиках, стало резкое падение курса рупии по отношению к доллару – 44,9 в 2011г., 62 рупии за доллар к концу 2013 г., что повлекло увеличение расходов на импорт и рост бюджетного дефицита.

Индия, наряду с остальными растущими азиатскими рынками, не может рассчитывать в краткосрочном периоде на увеличение притока прямых иностранных инвестиций, поскольку оживление американского рынка делает его более привлекательным после имевшего место экономического спада. Мировое снижение цен на металлургическую продукцию, возросшая конкуренция на рынке высокотехнологичных товаров ослабили экспортные возможности Индии. Показательно, что наибольшие финансовые потери понес Лакшми Миттал, крупнейший производитель и экспортёр металлургической продукции. Вместе с тем представители крупных зарубежных компаний, давно обосновавшихся в Индии, например, руководители представительств Google, Coca-Cola оптимистически смотрят на будущее своего бизнеса, полагаясь на скорое восстановление покупательной способности массового потребителя.

В годы экономического подъёма Индией не были преодолены значительные диспропорции в экономике, прежде всего отставание инфраструктуры. Хотя имели место определенные успехи – например, строительство современного аэродрома в Дели, улучшение сельских дорог в ряде штатов. Но в целом средняя скорость движения автомобильного транспорта остается порядка 20 км., гибнет до 25% перевозимой аграрной продукции из-за невозможности доставить её в срок, не хватает элеваторов, холодильного и современного складского оборудования. Из-за плохого дорожного покрытия, устаревшего автотранспорта на дорогах страны ежегодно гибнет более 80 тыс. человек. В экономике остро ощущается нехватка электроэнергии, растут издержки из-за частых перебоев и отключения электроснабжения. Для банков и крупных промышленных предприятий сохраняется необходимость создавать собственные энерго мощности.

Коалиционное правительство Манмохана Сингха, завершающее ныне второй срок, не смогло устранить эти глубокие дисбалансы, корни которых уходят в прошлое страны. Его кабинет критикуют за замедление экономических реформ, рост коррупции и бюрократизацию, которые тормозят расширение бизнеса, особенно малого и среднего, способного создавать новые рабочие места, в том числе на сельской периферии. Правительство не решилось реформировать систему субсидий сельскохозяйственным производителям, которая по общему признанию отличается низкой эффективностью и нецелевым использованием бюджетных средств. Но близость парламентских выборов 2014 г. не позволила пойти на их сокращение, что вызвало бы массовое недовольство крестьян как потенциальных избирателей политикой правительства.

Как показала дискуссия в ходе встречи на Бали 139 стран – членов ВТО по вопросам международной торговли 4–7 декабря 2013 г., отмена правительственных

субсидий фермерам, стоявшая в повестке дня, вызвала острое противостояние развитых и развивающихся стран. Представитель Индии, министр торговли Ананд Шарма, отстаивал право своего правительства закупать у производителей зерно по фиксированным ценам ниже мировых. Он заявил, что не подпишет итоговое соглашение, если в нём сохранится пункт о сокращении или даже отмене субсидий. Поскольку решения таких встреч на высоком уровне требуют по установившимся правилам консенсуса всех участников, после долгих согласований было решено ввести переходный период для дальнейшего обсуждения спорной позиции, на которой настаивали представители развитых стран¹⁵.

В Индии обостряется проблема массовой безработицы, размеры которой точно не определены. Называется цифра 9,9% - 10% как показатель по отношению к трудоспособному населению, но из-за неполноты учета он занижает реальные масштабы незанятости. Ежегодно на рынок труда выходят миллионы работников с предложением неквалифицированного, чаще всего сельского, труда. Эта ситуация долгосрочна, поскольку в Индии медианный возраст населения к 2020 г. составит 28 лет (в США 38, Западной Европе 45, Японии 49 лет). Это означает, что предложение труда будет нарастать, хотя Индии удалось снизить темпы роста населения до 2%. Производительное использование имеющихся резервов рабочей силы создало бы Индии мощный стимул развития, но оно в сложившихся условиях лишь увеличит бедность. В промышленности сохраняется высокая (до 34%) текучесть рабочей силы, особенно на предприятиях с современным уровнем оборудования.

Структура занятости в стране отличается глубоким дисбалансом. 56% занятых по-прежнему приходится на аграрный сектор, сфера услуг обеспечивает 26% и промышленность 18%. (Для сравнения – в Бангладеш в промышленности занято 28% общей занятости). Возможности экспорта рабочей силы Индией, как и другими странами её поставщиками, снижаются из-за законодательного ограничения притока мигрантов в развитых экономиках (возраст, определенный уровень образования, профессиональной подготовки и т.д.). Традиционная эмиграция индийцев в нефтедобывающие страны Персидского залива грозит им тяжелыми условиями труда и утратой здоровья. В Катаре при строительстве гигантского стадиона к предстоящему в 2022г. первенству мира по футболу используются индийские рабочие. В 2013 г. десятки из них скончались из-за непосильного труда и свыше полутора тысяч жаловались на постоянные перегрузки¹⁶.

Комплекс экономических трудностей, переживаемых Индией, оживил дискуссии о необходимости дальнейшей индустриализации страны, особенно в связи с тем, что в последние годы рост промышленности неуклонно снижался до менее чем трех процентов в год (в 2013 г. 2,2%). Определенную роль в возрождении интереса к индустриализации играет опыт ряда стран Юго-Восточной Азии, а также Китая с его политикой агрессивного промышленного экспорта. Речь идет о «новой индустриализации» с учетом качественных сдвигов в промышленном производстве, а не о классической «железной индустриализации», пройденной когда-то странами Запада.

Эта проблема станет одной из многих в ходе предвыборной борьбы. Действующее правительство еще несколько лет назад предприняло попытки привлечь в новое промышленное строительство крупных местных и зарубежных предпринимателей. Из-за острого земельного голода в стране и нехватки свободных площадей для промышленных предприятий оно пошло по пути принудительного

¹⁵ <http://news.mail.ru/economics/15991875/?frommail=1>

¹⁶ Профиль. №38/2013. М., С.52.

выкупа земель у крестьян, но натолкнулось на их активное сопротивление. Как и с проблемой субсидий, проведение этой политики в предвыборный год тормозилось политическими соображениями.

Несложно предположить, что внутренние экономические проблемы Индии займут основное место в программах партий на предстоящих всеобщих парламентских выборах 2014 г. Их отличительной чертой станет активная, можно сказать наступательная позиция лидеров, выдвинувшихся в штатах Индии, хорошо знающих местные проблемы и активно создающих свой электорат. Годы экономического подъема способствовали их формированию и обретению политического опыта, а спад в экономике сделал правительство М.Сингха удобной мишенью для критики.

Сама структура нынешнего правительства изначально предопределила его нерешительность, нежелание идти на кардинальные реформы, поскольку две основные партии в коалиции Объединенный прогрессивный альянс, Индийский Национальный Конгресс (ИНК) и Бхаратия Джаната Партия (БДП) придерживаются во многом противоположных взглядов. Позиция ИНК ослаблена отсутствием в её рядах сильного перспективного лидера, в отличие от БДП, член которой Нарендра Моди уже заявил о себе при широкой поддержке населения штата в ходе выборов в декабре 2013 г., как кандидат на пост будущего премьер-министра страны после выборов.

Показателем крепнущего политического сознания в индийском обществе стало создание новой партии – Аам Аадми Парти (Common Man Party), иными словами, «партии рядового человека». Её организатор и руководитель Арвинд Кейривал, имеющий высшее техническое образование, ранее возглавлял популярное движение за создание в Индии антикоррупционного агентства, что в значительной мере обеспечило успех молодой партии на городских выборах в Дели, на которых она завоевала 30% голосов избирателей. Кроме того, в её программе присутствовали такие актуальные и беспроигрышные для 17 миллионного Дели обещания, как снижение на половину цен на электричество, бесплатное обеспечение питьевой водой каждого домохозяйства, а также борьба с загрязнением воздуха и насилием против женщин¹⁷. Трудно предположить, насколько удачно новая партия проявит себя на парламентских выборах, у неё мало опыта, неясны её финансовые возможности. Нужно также учитывать определенный консерватизм индийского избирателя, ориентацию на известные партийные брэнды. Но острота политической борьбы в Индии усиливается, концентрируясь прежде всего на внутренних экономических проблемах.

¹⁷ www.nytimes.com/2014/01/02/opinion/new/-politicalfaces-in-ind...03.01.2014

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

М.В. Братерский, Д.В. Суслов, Я.Ю. Шеметова

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 2013 ГОДУ: ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ПРАГМАТИЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО¹⁸

В 2013 г. в российско-американских отношениях закрепились модель избирательного прагматичного сотрудничества. В соответствии с ней Москва и Вашингтон не ставили перед собой, как при перезагрузке, задачи по целенаправленному улучшению отношений и поиску новых возможных слагаемых позитивной повестки дня. Отношения были пущены на самотек. Стороны сотрудничали там, где их интересы по тем или иным причинам сходились или совпадали, и соперничали в тех вопросах, где их интересы противоречили друг другу.

Одна из главных тенденций 2013 г. для российско-американских отношений состояла в понижении их места в иерархии внешнеполитических приоритетов обеих стран. Москва и Вашингтон не видели моментов, где они могли бы быть полезны друг другу для продвижения своих значимых интересов. Причем если российское руководство уже вошло с таким настроем в 2013 г., то администрация Обамы сделала для себя подобный вывод именно в этом году. Это произошло после того, как Москва отвергла ее предложение пойти на новый раунд сокращения ядерного оружия, превратив это в новый позитив двусторонних отношений на ближайшие три-четыре года.

28 января 2013 г. Россия остановила действие соглашения с США о сотрудничестве в правоохранительной деятельности и сфере контроля над оборотом наркотиков. Подписав в 2002 году это соглашение, РФ рассчитывала, что сможет вместе с США бороться с организованной преступностью и наркобизнесом по всему миру. Однако когда российская сторона начинала обсуждать с американцами проблемы борьбы с наркобизнесом в Афганистане, американцы напрямую говорили, что их больше интересует проблема «экспорта» наркотиков из Колумбии и Боливии. В качестве ответной меры на действия российской стороны, 28 января 2013 г. США объявили о выходе из группы по развитию гражданского общества, которая входила в российско-американскую президентскую комиссию, созданную в 2009 году в рамках «перезагрузки». Решение США выйти из рабочей группы по гражданскому обществу президентской комиссии – признак нынешнего тренда на ухудшение отношений между Москвой и Вашингтоном, так как сама комиссия была, по сути, одним из главных символов «перезагрузки».

Разумеется, в 2013 году в отношениях РФ-США были и весьма значительные позитивные моменты. Прежде всего, это блистательная российская дипломатическая инициатива по установлению международного контроля над сирийским химическим оружием и, на этой основе, ускорение подготовки

¹⁸ Братерский Максим Владимирович - профессор НИУ-ВШЭ; Суслов Дмитрий Вячеславович - старший преподаватель НИУ-ВШЭ, Зам.директора исследовательских программ Совета по внешней и оборонной политике; Шеметова Яна Юрьевна - студентка НИУ-ВШЭ.

Данная статья подготовлена при поддержке гранта НИУ-ВШЭ НУГ 14-05-0042 «Анализ влияния структурных проблем отношений США с Россией, Китаем, Индией и Бразилией на развитие глобального управления»

конференции «Женева-2» по политическому урегулированию гражданского конфликта в Сирии, а также серьезный прогресс по разрешению проблемы иранской ядерной программы. Эти эпизоды усиливают позитивный потенциал российско-американских отношений, показывают, что стороны, несмотря на разочарование в высшем руководстве обеих стран, все же нужны друг другу и что их сотрудничество способно приносить зримые и важные позитивные результаты.

Российско-американское взаимодействие касательно конфликта в Сирии разворачивалось вокруг вопросов о поставках вооружений режиму Башара Асада и оппозиции, о возможной роли действующего сирийского президента после урегулирования противостояния и о созыве международной конференции «Женева-2».

В Тунисе 22 февраля 2013 г. прошла конференция «Друзей Сирии» — группы государств, поддерживающих сирийскую оппозицию. 28 февраля 2013 г. в Риме состоялась дополнительная встреча наиболее активных участников (США, некоторых западноевропейских и ближневосточных стран). Встречи обозначили поворот в политике США в сирийском конфликте. Патовая ситуация в Сирии, вызванная провалом попыток оппозиции свергнуть режим, вынуждала президента Обаму отказаться от невмешательства в конфликт.

25 апреля 2013 г. власти США заявили, что во время конфликта в Сирии применялось химическое оружие и что администрация Барака Обамы считает такие действия «красной чертой» для режима Башара Асада. 5 мая 2013 г. министр обороны США Чак Хейгел заявил, что Вашингтон не исключает, что начнет поставлять оружие отрядам сирийской оппозиции. Комитет сената США по международным отношениям одобрил 21 мая 2013 г. законопроект, разрешающий такие поставки.

В начале сентября госсекретарь США Джон Керри выразил уверенность, что Конгресс США в ближайшее время одобрит запрос президента Барака Обамы по военному вмешательству в Сирию. 9 сентября 2013 г. Россия призвала Сирию передать свое химическое оружие под международный контроль, если это позволит избежать военного удара со стороны США. Также 9 сентября 2013 г. стало известно, что администрация Барака Обамы может не получить одобрения Конгресса на удар по Сирии. Дамаск согласился с призывом Москвы поставить свое химоружие под международный контроль.

Главы внешнеполитических ведомств России и США 26 сентября 2013 г. согласовали проекты резолюций по сирийскому химоружию в Совете Безопасности ООН и в ОЗХО. Стороны в проекте предусмотрели план действий в случае, если правительство Сирии или силы оппозиции все-таки нарушат достигнутые договоренности. Компромиссный вариант документа содержит упоминание о 7 статье Устава ООН, но лишь в виде предостережения о возможности применения этой статьи в случае, если Сирия не выполнит требования международного сообщества по передаче своего химического арсенала под международный контроль. 27 сентября 2013 г. голосование по проекту резолюции прошло в СБ ООН. Совету Безопасности ООН удалось согласовать резолюцию по Сирии, добившись тем самым, по словам госсекретаря США Джона Керри, исторического прорыва. Компромисс стал возможен после того, как США, Великобритания и Франция перестали настаивать на включении в текст документа положения, допускающего автоматическое применение силы в случае нарушения Дамаском достигнутых ранее договоренностей. Россия и Китай, в итоге, тоже пошли на уступку, дав добро на расширенные инспекции сирийских химических объектов.

На протяжении всего года РФ и США также участвовали в обсуждениях возможного проведения международной конференции по Сирии «Женева-2», на которую стороны делали главную ставку в плане прекращения войны. Главным фактором, затрудняющим созыв конференции, стала позиция и провокации стран Персидского залива. РФ настаивала на приглашении Ирана, союзники США — Катар и Саудовская Аравия — выступали категорически против.

Крайне удачная инициатива РФ по Сирии позволила администрации Обамы сохранить лицо и заложила основу для постепенного изменения подхода США к арабским проблемам в целом в менее идеологизированную сторону.

Другим позитивным моментом в российско-американских отношениях в 2013 г. было взаимодействие двух стран по вопросу об иранской ядерной программе. Именно Москва изначально выступала за то, что обвинение Ирана в военной ядерной программе бездоказательно, и что санкции в отношении Ирана нужно снимать частично, а не добавлять новые.

Благодаря во многом активной позиции Москвы 7-9 ноября 2013 г. в Женеве состоялись переговоры между Ираном и «шестеркой» международных посредников (Франция, Великобритания, Китай, США, Россия и Германия). Впервые с момента избрания президентом Ирана реформатора Хасана Роухани Тегеран и «шестерка» показали готовность выйти на конкретные договоренности. Тем временем 11 ноября 2013 г. в Тегеране было заключено рамочное соглашение между Ираном и МАГАТЭ. Согласно документу, Иран и МАГАТЭ будут далее сотрудничать в вопросах проведения проверок, которые должно предпринять МАГАТЭ для разрешения всех существующих вопросов. В подписанном гендиректор МАГАТЭ Юкио Амано и главой Организации по атомной энергетике Ирана Али Акбаром Салехи соглашении указывается, что Иран предоставит информацию и управляемый доступ к месторождению Гачин на юге страны и реактору на тяжелой воде в Араке. Также будет подготовлена информация о всех новых исследовательских реакторах, 16 участках, выделенных для строительства новых атомных электростанций. Также будут даны пояснения относительно заявлений Ирана о дополнительных объектах обогащения и лазерной технологии обогащения.

23-24 ноября 2013 г. в Женеве состоялись очередные переговоры между Ираном и «шестеркой». На них было достигнуто промежуточное соглашение по иранской ядерной проблеме. Договор, рассчитанный на полгода, предусматривает введение ограничений на развитие ядерных программ в обмен на ослабление антииранских санкций. В случае успешного выполнения соглашения стороны могут заключить договор о всеобъемлющем урегулировании иранской ядерной проблемы.

Отмечая позитивные моменты в российско-американском взаимодействии в 2013 г. следует все же заметить, что общий климат и философия российско-американских отношений оставались на начало 2014 г. прежними — основанными на недоверии и носящими циклический характер. Основа без изменений — прежде всего приверженность обеих стран, особенно России, двустороннему стратегическому сдерживанию в том виде, как он сложился в годы «холодной войны». Россия увязывает свою безопасность и статус великой державы с сохранением стратегического баланса с США (в его классическом виде периода «холодной войны», т.е. учета возможности гарантированного взаимного уничтожения), и малейший шаг в сторону воспринимается как угроза безопасности вне зависимости от того, создает ли он действительно какие-либо военные риски для России или нет. Воплощением такого подхода является российская позиция по ПРО, где нынешняя политика США на деле серьезных угроз для РФ не создает. Как отметил министр

иностранных дел России Сергей Лавров, проблема ПРО остается главным раздражителем в российско-американских отношениях.

Согласно озвученному 15 марта 2013 г. заявлению главы Пентагона Чака Хейгела, США начали проводить реструктуризацию размещения ракет-перехватчиков SM-3 IIB, предусмотренных для плана поэтапного создания системы ПРО в Европе (четвертая фаза ЕвроПРО). Пентагон принял решение перебросить средства, запланированные на программу размещения SM-3 IIB в Польше, на размещение дополнительных ракет-перехватчиков на территории США и разработку новейших видов наземных перехватчиков и новых версий SM-3.

После отказа США от планов развертывания четвертого этапа ЕвроПРО, одним из возможных вариантов урегулирования конфликта стало предложение Вашингтона РФ обменяться политическими гарантиями на высшем уровне по ПРО в форме президентского исполнительного соглашения (executive agreement). Для подписания такого документа президенту Бараку Обаме не нужно запрашивать согласие Конгресса. Недостаток исполнительных соглашений состоит в том, что они, по сути, являются обязательными лишь для администрации, подписавшей их: преемник Обамы имеет полное право отказаться от их выполнения. Москве таких гарантий мало. Кремль хочет долгосрочных юридически обязывающих гарантий, а исполнительные соглашения считает не более чем политическими декларациями.

В 2013 г. Россия сделала, первые, хотя и недостаточные шаги для преодоления этого устаревшего подхода и отказалась от дальнейшего сокращения ядерного оружия. Этот отказ продемонстрировал, что прежняя российско-американская повестка дня – повестка дня, основанная на контроле над вооружениями, – себя исчерпала. Пытаться продолжать эту линию в отношениях РФ-США сейчас, когда центром гравитации мировой экономики и политики становится АТР, где интересы Москвы и Вашингтона преимущественно совпадают, когда Россия и США объективно не угрожают друг другу, а вероятность войны между ними равна нулю, абсурдно. В этой связи можно утверждать, что в долгосрочном плане отказ Москвы от такой ориентации содействует постепенному оздоровлению российско-американской повестки.

Однако, в условиях негативной политической атмосферы, когда ни Россия, ни США в полной мере не осознают, для чего они по большому счету нужны друг другу, отказ от сокращения ядерного оружия не компенсируется ничем другим. Старая повестка отмирает, новая же не появляется. В результате образуется вакуум, в условиях которого на первое место выступают раздражители. Причем как новые, так и «хорошо забытые старые».

К сожалению, 2013 г. как раз характеризуется возвращением некоторых из таких старых раздражителей, которые за последние несколько лет, казалось, отошли на второй план. А именно, соперничество Соединенных Штатов и России на постсоветском пространстве. Обострение российско-европейской конкуренции за Украину и срыв подписания ее соглашения об ассоциации с ЕС спровоцировали администрацию Обамы к тому, чтобы впервые с 2010 г. громко провозгласить свою позицию, которая при этом входила бы в острое противоречие с позицией РФ. Вашингтон четко и открыто противопоставил евроинтеграцию Украины ее отношениям с Москвой, заявил, что Украина должна интегрироваться с Евросоюзом, а если нынешнее украинское руководство пойдет другим путем или будет медлить, то его ждет «хаос и насилие» (слова замгоссекретаря США Виктории Нуланд, сказанные в Киеве в начале декабря 2013 г.).

Одной из главных предпосылок позитивной «перезагрузки» в российско-американских отношениях стало именно ослабление их открытого геополитического

соперничества на постсоветском пространстве. В 2010 г. администрация Обамы совершенно спокойно восприняла отказ Украины от вступления в НАТО и продление базирования черноморского флота в Крыму до середины 21 века, а также не стала вмешиваться во внутривнутриполитический кризис в Киргизии в 2010 году. Именно это открыло путь к другим позитивным достижениям «перезагрузки». Если же сейчас Соединенные Штаты вернутся к активному перетягиванию каната на постсоветском пространстве с Россией, это обречет их отношения на деградацию, вплоть до нового сползания к фарсовой конфронтации.

Также в 2014 году к этому может добавиться обострение соперничества России и США в Центральной Азии на фоне вывода большей части американского контингента из Афганистана. В Москве опасаются, что вслед за выводом основной части иностранного контингента ухудшится обстановка в Центральной Азии, а это будет уже напрямую угрожать безопасности южных рубежей РФ. Россия исходит из того, что намерение США оставить в этой стране недостаточный для проведения военных операций, но слишком большой для просто обучения афганских вооруженных сил контингент связано с его стремлением усилить влияние на страны Центральной Азии, подрывая там российские интересы. Тем более, часть оборудования и военной техники, выводимой из Афганистана, США намерены передать правительствам центральноазиатских стран, также ослабляя там российские позиции. На сегодняшний день Россия не согласна ни с одним из аспектов политики США по Афганистану на период после 2014 г. (безопасность, экономическое развитие, методы борьбы с наркотрафиком), при этом накал и глубина этих несогласий продолжают нарастать.

Дополнительным раздражителем в двусторонних отношениях стала ситуация, сложившаяся вокруг бывшего сотрудника ЦРУ и Агентства национальной безопасности Эдварда Сноудена. В начале июня 2013 г. он передал газетам The Guardian и The Washington Post секретную информацию АНБ, касающуюся тотальной слежки американских спецслужб за информационными коммуникациями между гражданами многих государств по всему миру при помощи существующих информационных сетей и сетей связи, включая сведения о проекте PRISM (программа разведки АНБ). Москва укрыла Сноудена на своей территории, что спровоцировало небывало резкую, хотя и беспомощную реакцию США.

В целом, Москва извлекла политические дивиденды из разоблачений Эдварда Сноудена. В Первом комитете Генассамблеи ООН консенсусом одобрена выдвинутая Москвой резолюция «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникации в контексте международной безопасности». За этим названием скрывается ряд позиций, имеющих для РФ принципиальное значение. Во-первых, в документе широко используется термин «информационная безопасность», который Москва продвигает вместо применяемого американцами понятия «кибербезопасность». Разница в терминологии отражает принципиальные разногласия в подходе к проблемам Интернета: США говорят прежде всего о физических угрозах сетям (вирусах), РФ — о потенциально опасном контенте (дестабилизирующем политическую ситуацию, к примеру). Во-вторых, документ предусматривает выработку норм, правил или принципов ответственного поведения государств в информпространстве.

Понижение уровня значимости российско-американских отношений - очень серьезная проблема для взаимодействия России и США. Тактически тренд на понижение уровня отношений может обострить давние противоречия российско-американских отношений, которым в последние годы не позволяли выйти на острие повестки дня. Стратегически же отсутствие у сторон политической воли продвигать

отношения вперед погружает Россию и США на несколько лет в период упущенных возможностей. Ведь у сторон есть безусловный потенциал для взаимодействия и даже объективная потребность в нем.

Предотвратить доминирование негатива в российско-американских отношениях можно только одним способом: менять повестку дня отношений и выстраивать диалог с США по тем вопросам и регионам, где стороны могут сотрудничать и это сотрудничество объективно востребовано для обеих сторон. Именно к таким относится Азиатско-тихоокеанский регион. Россия желает избежать попадания в одностороннюю зависимость от Китая и заинтересована в наращивании комплексного сотрудничества с другими странами Восточной и Юго-Восточной Азии, а также в том, чтобы придать импульс развитию Сибири и Дальнего Востока. Без конструктивного участия США это попросту нереализуемо. США же не выгодна усиливающаяся поляризация региона, которая может быть предотвращена в случае превращения России в «третью великую державу» региона.

Диалог Россия – США по АТР – это масштабная повестка дня как на 2014 г., так и на последующие годы, а то и десятилетия. Одновременно следует продолжать наметившееся сотрудничество по Сирии и Ирану и согласовать более общие принципы подходов России и США в отношении «арабской весны», отталкиваясь при этом от начавшегося дрейфа американских оценок и действий в более реалистическую сторону. Наконец, следует избежать открытого столкновения двух стран на постсоветском пространстве. В частности, важно добиться согласованности взаимодействия России и США по Афганистану, а также убедить американский политический истеблишмент, что действия РФ и в отношении Украины и на постсоветском пространстве в целом не означают восстановление российского классического доминирования в регионе и уж подавно не влияют на безопасность и международное положение США.

Н.П. Скороходова

«КРУГИ ПО ВОДЕ» ОТ ЭДВАРДА СНОУДЕНА

Одним из важнейших мировых событий 2013 года стали разоблачения Эдварда Сноудена. Никому до этого неизвестный американский технический ассистент, бывший сотрудник ЦРУ и Агентства Национальной безопасности (АНБ) США в начале июля 2013 года передал газетам The Guardian и The Washington Post информацию, касающуюся тотальной слежки американских спецслужб за коммуникациями граждан по всему миру. Согласно предоставленным им данным, под колпаком американских спецслужб находятся многие страны. Эти сообщения всколыхнули мировую общественность и вызвали большой резонанс. Оценки шпионской практики АНБ и поступку Сноудена давались самые разные, зачастую диаметрально противоположные. Сноудена называли человеком года, борцом за мировую справедливость и мировые демократические ценности, шпионом, предателем, перебежчиком и т.д. Так или иначе, на первый план международных отношений вышли проблемы, которым раньше не придавалось большого значения.

В конце XX – начале XXI веков скорость информатизации общества увеличилась многократно. Потенциал мобильной связи и Интернета превосходит сегодня совокупные возможности радио, телевидения, бумажных СМИ. Преимущества Сети заключаются не только в более быстром получении информации, но и в «обратной связи», т.е. пользователь может не только

запрашивать информацию, но и сам может ее передавать. В начале интернет – мобильной эры Сеть воспринималась как зона полной свободы. Не исключено, что на первом этапе так оно и было. Однако признания Эдварда Сноудена развеяли миф о «цифровой свободе». Для пользователей «обратная связь» стала главным моментом их уязвимости в мобильном и веб-пространстве.

На сегодняшний день лидирующие позиции в киберпространстве занимают США. Там зародился Интернет, появились первые поисковые системы Google и Yahoo, первые социальные сети Facebook, Twitter, LiveJournal, бесплатные сервисы электронной почты Gmail, Hotmail и многое другое. Еще до разоблачений Эдварда Сноудена было известно о создании американцами суперсети «Эшелон» (ECHELON). Разбросанные по планете станции суперсети собирают колоссальное количество информации, буквально высасывая эфир. Вся электронная почта, все телефонные переговоры, включая сотовые, пейджинговые сообщения, телексы, телеграммы, факсы, радио и Интернет, являются информационным пространством, тщательно зондируемым «Эшелоном». Всё, что передаётся по наземным, подземным, подводным, оптоволоконным кабелям, все радиокommunikации — всё от болтовни по телефону до радарных подписей на запуск ракет перехватывается этой сетью.

Фактически каждый человек в мире, использующий телефон, факс или электронную почту, попадает под контроль «Эшелона». Работу американской системы поддерживают спецслужбы четырех англоязычных государств: Англии — Правительственный штаб коммуникаций (GCHQ), Канады — Учреждение безопасности коммуникаций (CSE); Австралии — Управление защиты связи (DSD); Новой Зеландии — Правительственное бюро безопасности коммуникаций (GCSB)¹⁹.

Документы, предоставленные Сноуденом, открыли новые страницы деятельности американских спецслужб и их союзников. Стало широко известно, что ФБР и АНБ США, начиная с 2007 года, обладают прямым доступом к центральным серверам девяти ведущих интернет-компаний планеты (Microsoft, Yahoo, Google, Facebook, PalTalk, AOL, Skype, You Tube, Apple), откуда извлекают информацию, позволяющую отслеживать передвижения и контакты людей. Если учесть, что около 80% всех посетителей Интернета пользуются этими системами, а общее количество интернет-пользователей уже достигло 2 млрд. человек, то можно сказать, что многие цели, которые США ставили перед собой в эпоху цифровой революции, достигнуты.

Сноуден предал гласности информацию о секретной программе электронной слежки под кодовым названием PRISM. АНБ является главным оператором программы, распределяя полученную информацию (по сферам интересов) между ЦРУ, ФБР, Управлением по борьбе с наркотиками и другими спецслужбами. Главной мотивировкой при разработке этой программы является обеспечение национальной безопасности: борьба с международным терроризмом, организованной преступностью, наркокартелями, шпионскими сетями. С помощью этой программы американцы получили возможность составлять детализированные портреты практически любого человека, интегрируя сведения о нем, его интересы, мысли в единый информационный блок.

После материалов Сноудена внутри США наметился раскол по вопросу о правомерности деятельности американских спецслужб. Это видно, например, из противоположных друг другу постановлений федеральных судей США. Федеральный окружной суд в Вашингтоне вынес в декабре 2013 года решение о

¹⁹ Седов Д. Тень АНБ над миром. <http://continentalist.ru/2014/01/ten-anb-nad-mirom/>

прекращении сбора информации о телефонных переговорах, удовлетворив тем самым иск двух американцев к правительству и АНБ. Федеральный судья Ричард Леон, вынесший такое решение, заявил, что деятельность спецслужб была незаконной и нарушала права американцев на неприкосновенность частной жизни. Однако другой федеральный судья в окружном суде в Манхэттене принял постановление, в котором деятельность спецслужб была признана правомерной. А группа внешних экспертов, назначенных Бараком Обамой, выразила сомнения в том, что программа по сбору информации о телефонных переговорах является вторжением в частную жизнь американцев. Экспертная группа предложила внести некоторые изменения в программу, но никак не отменять её²⁰.

В конце октября 2013 года на Капитолийском холме в Вашингтоне собралось несколько тысяч человек, протестуя против тотальной слежки со стороны АНБ. Акция прошла под лозунгом: «Прекратите следить за нами!». Ее организатором выступила инициативная группа, в которую вошли представители примерно ста правозащитных организаций. В их числе Американский союз защиты гражданских свобод, движение «Оккупируй Уолл-стрит», либерально-консервативная организация Freedom Works. Участники демонстрации несли лозунги со словами «Спасибо тебе, Эдвард Сноуден» и требованиями «Остановить шпионаж АНБ!», «Прекратить массовую слежку». Протестующие намерены потребовать от Конгресса отчета о том, чем именно на самом деле занимается АНБ, а также внести поправки в законодательство США.

Дискуссии об оправданности использования подобных программ американскими спецслужбами будут продолжаться и дальше. Возможно, будут внесены какие-то ограничения слежки, но вряд ли США и их союзники откажутся от этого полностью. В октябре 2013 года был отправлен в отставку возглавлявший АНБ в последние девять лет Кит Александер. На его место Барак Обама назначил вице-адмирала Майкла Роджерса, возглавлявшего до этого Киберкомандование военно-морских сил США. Как считают эксперты, это ровным счётом ничего не меняет. Роджерс, например, принимал участие в запуске специальной программы «Олимпиада», целью которой было нарушение работы иранских центрифуг для обогащения урана в 2010 году.

Лондонская The Guardian опубликовала карту, составленную на основе материалов Эдварда Сноудена, на которой цветом показана интенсивность цифровой слежки США и Великобритании за различными странами мира²¹. Судя по этой карте, в Европе под самым пристальным наблюдением англосаксов находится их партнёр по НАТО Германия. А немецкий еженедельник Spiegel утверждает, что АНБ США отслеживает ежемесячно около 500 миллионов контактов немецких граждан в телекоммуникационных сетях, включая переписку в интернет-чатах, использование электронной почты, а также телефонные звонки и СМС-сообщения. При этом информация об адресате сообщения, времени и длительности контактов хранится на компьютерах в штаб-квартире АНБ²².

Можно сказать, что Германия буквально «задохнулась» от возмущения, когда выяснилось, что даже за первыми лицами государства ведется интенсивное электронное наблюдение. Прослушивался, например, мобильный телефон канцлера Ангелы Меркель. Выяснилось, что британские спецслужбы располагали целой сетью кибершпионажа в нескольких шагах от Бундестага и офиса канцлера.

²⁰ <http://www.reuters.com/article/2014/01/04/us-usa-security-idUSBREA020Z520140104>

²¹ theguardian.co. 11.06.13 <http://www.guardian.co.uk/world/2013/jun/08/nsa-boundless-informant-global-datamining#zoomed-picture>

²² <http://ria.ru/world/20130701/946870739.html#ixzz2s5q8DfV>

Ангела Меркель потребовала, не только извинений от Барака Обамы, но и заключения соглашения с Берлином и Парижем об отказе от шпионажа в отношении друг друга. «Дружба и партнерство между странами ЕС, включая Германию, и США – это не улица с односторонним движением, – заметила Меркель. – Ведь у США есть веские причины иметь друзей в мире»²³.

Германия расторгла соглашения с США и Великобританией, позволявшие спецслужбам этих государств заниматься на ее территории электронной разведкой. Договоры были заключены в 1968-м и 1969 годах в интересах безопасности американских и британских войск, расквартированных в ФРГ. А в немецких социальных сетях появились сравнения американских и британских спецслужб со Штази (бывшим Министерством безопасности ГДР) и Гестапо – самыми распространенными образами диктатуры в Германии.

Главным в том, что произошло после разоблачений Э.Сноудена, считает руководитель Объединения немецкой Интернет-индустрии Харальда Зумма, является то, что безопасность «теперь засела в головах у людей». Скорее всего, теперь немецкое правительство пойдет навстречу предложениям по поддержке национальной интернет-индустрии. Это подтверждают и слова канцлера Ангелы Меркель, которая заявила, что «европейцам нужно преодолевать зависимость от США и Китая и самим предлагать свои технологии»²⁴. Скорее всего, Германия пойдет по пути тех стран (Китай, Иран), которые уже добились больших успехов в деле защиты своего национального кибер-пространства. По утверждению экспертов, в Германии начался бум IT-индустрии. После скандала с PRISM число пользователей компании Cloudsafe, предлагающей услуги хранения электронных данных за две недели выросла на 20%. Число абонентов немецкой компании Posteo, обеспечивающей безопасную электронную почту, за два месяца со дня начала шпионского скандала выросло в 2 раза.

Видимое ухудшение во француско-американских отношениях вызвала публикация 21 октября 2013 года в Le Monde статьи о массированном электронном шпионаже АНБ за гражданами Французской республики. В статье утверждалось, что только за тридцать дней, с 10 декабря 2012 года по 8 января 2013 года, АНБ записало более 70 миллионов телефонных контактов французов, перехватывая около 7 млн. телефонных звонков и СМС в день. Разведывательная деятельность АНБ против Франции велась по программе под кодовым названием US-985D.

За этой публикацией в Le Monde последовала мгновенная реакция французских властей. Министр внутренних дел Франции Манюэль Вальс в интервью радиостанции Europe 1 Radio назвал опубликованную информацию «шокирующей», а глава французского МИД Лоран Фабиус вызвал к себе посла Соединенных Штатов Чарльза Ривкина для дачи объяснений. М.Вальс в интервью заявил: «Если союзное государство шпионит за Францией – это совершенно неприемлемо. Подобного рода практики между партнерами совершенно неприемлемы, и мы должны быть уверены, что их больше не будет», – было заявлено послу Ривкину в стенах французского МИД. По словам премьер-министра Франции Жана-Марка Эро, он был «глубоко шокирован» информацией о том, что Агентство национальной безопасности США тайно перехватывало десятки миллионов телефонных разговоров в пределах Франции. Ж.-М.Эро в свою очередь потребовал от американцев объяснений²⁵.

²³ <http://www.golos-ameriki.ru/content/merkel-us-spying/1776673.html>

²⁴ <http://www.dw.de/скандал-вокруг-prism-и-tempora-дал-импульс-немецкому-it-рынку/a-17040936>

²⁵ <http://www.regnum.ru/news/polit/1723032.html>

Реакция французских властей на фоне других стран, как Германия или Бразилия, выглядела немного запоздалой. Дело в том, что в июне 2013 года после публикаций в Guardian и Spiegel об электронном шпионаже АНБ за дипломатическими представительствами французов в Вашингтоне и Нью-Йорке, президент Франции Франсуа Олланд уже был вынужден откликнуться на инцидент. Он раскритиковал тогда американскую программу, заявив, что Франция «не может согласиться с таким поведением между партнерами и союзниками». Реакция Олланда была в какой-то мере нейтрализована в июле публикацией все в той же Le Monde о наличии у французов собственных программ электронного шпионажа. Газета сообщила, что французские спецслужбы «коллекционируют» у себя телефонные звонки и «просеивают» большую часть интернет-трафика как внутри Франции, так и за пределами страны. Ранее американская разведка и правоохранительные органы США неоднократно обвиняли Францию в регулярном ведении шпионажа в США.

В публикациях Spiegel сообщалось, что АНБ отслеживало не только телефонное и интернет-общение европейских граждан, но шпионило также в офисах Евросоюза. В одной из бумаг с грифом «строго секретно», датированной сентябрем 2010 года описано, как в дипломатическом представительстве ЕС в Вашингтоне были установлены подслушивающие «жучки» и организован доступ к внутренней компьютерной сети ведомства. Таким образом, подчеркивал Spiegel, американцы могли не только «слушать» все переговоры внутри здания, но и просматривать электронную переписку и внутренние документы.

После всех этих разоблачительных сообщений в СМИ заговорили о том, что возникшие проблемы в отношениях между союзниками могут поставить под угрозу проект создания трансатлантической свободной зоны торговли США и Европейского Союза. Правда, переговорный процесс начался, как и было запланировано, 8 июля, но Европарламент принял решение пересмотреть базовые нормы о защите личных данных в странах ЕС, которые не менялись с 1995 года, когда Интернетом пользовался всего один процент европейцев.

Надо сказать, что и европейские страны не кажутся в данном вопросе «невинными» на фоне информации о том, что спецслужбы Германии, Франции, Испании и Швеции совместно с Британской спецслужбой «Центром правительственной связи» (GCHQ) последние пять лет занимались созданием техники для массового сбора данных на линиях телефонной связи и в Интернете. Неизвестно, использовались ли эти технические разработки на практике, но, по данным Сноудена, GCHQ в рамках операции под кодовым названием Темрога скачивала информацию о контактах в Интернете с более чем 200 оптоволоконных каналов связи.

Среди обиженных шпионажем АНБ оказался и такой стратегический союзник США, как Израиль. Слежка за израильянами осуществлялась с территории британской военной базы «Декелия» «, расположенной на Кипре, вблизи линии разделения острова на греческую и турецкую части. «На протяжении длительного времени с военной базы «Декелия» на Кипре осуществлялся перехват сообщений электронной почты, телефонных звонков и банковских реквизитов, принадлежащих как высокопоставленным военным, так и гражданским чиновникам»²⁶. АНБ следило, прежде всего, за высшими должностными лицами Израиля. В частности, в 2009 году американская разведка проявляла большой интерес к Эхуду Ольмерту, который до февраля того года был премьер-министром, а также к бывшему министру обороны

²⁶ <http://9tv.co.il/news/2013/11/05/162201.html>

Эхуду Бараку и к главе канцелярии Барака - Йони Корену. Следило АНБ и за Беньямином Нетаньяху.

Сейчас Израиль, как и другие страны, встал на путь создания собственного киберпространства. Появились сообщения, что в ответ на информацию Сноудена израильская компания Nyotron создала новую антивирусную технологию Paranoid – способную противостоять абсолютно любым.

Вообще, история со Сноуденом создает впечатление, что сегодня все следят друг за другом, вопрос лишь в том, кто обладает более мощным киберресурсами. Самое интересное, что члены так называемого англосаксонского блока «Союза пяти глаз» (Five Eyes, FVEY), куда входят США, Великобритания, Канада, Новая Зеландия и Австралия, участвовали в слежке не только за другими странами, но и друг за другом. Этот союз был создан в 1946 году с целью тесного взаимодействия разведывательных ведомств и активного обмена секретной информацией, касающейся стран, не входящих в объединение, в частности для совместной разведки против СССР. При этом принципы работы FVEY запрещали какую-либо слежку за гражданами самих США и Великобритании, а также жителями стран, входящих в альянс.

Однако, по сведениям Guardian, полученным от Сноудена, АНБ заключило со спецслужбами Объединенного Королевства соглашение, согласно которому получило право устанавливать слежку за британскими гражданами. В рамках этого соглашения сотрудникам американского ведомства разрешили отслеживать и анализировать электронную переписку, IP-адреса, а так же телефонные переговоры жителей Великобритании. Как следует из опубликованных документов, договор между спецслужбами был заключен в 2007 году.

Пожалуй, наиболее жестко из всех стран на американское вмешательство в национальное киберпространство отреагировала Бразилия. После публикаций материалов Сноудена выяснилось, что АНБ прослушивало телефоны Дилмы Руссеф и изучало ее личную электронную переписку. Президент Бразилии Дилма Руссеф отменила свой визит в Вашингтон, который должен был состояться 23 октября 2013 года. Из-за несостоявшегося визита бразильского президента в Вашингтон сорвалась крупная сделка между двумя этими странами: на встрече двух президентов планировалась подписать договор о покупке Бразилией американских истребителей на сумму 4 млрд. долларов.

Бразильская телекомпания Globo, ссылаясь на документы Сноудена, сообщила, что АНБ вела слежку за бразильской нефтяной компанией Petrobras, взламывая ее компьютерные сети, а так же за другими компаниями. Полученная информация использовалась для получения преимуществ в тендерах на добычу нефти на бразильском шельфе. Кроме того спецслужбы США и Канады проникли в бразильское Министерство горнодобывающей промышленности.

Реакция бразильского руководства после обнародования этой информации была незамедлительной. Американский и канадский послы были вызваны в бразильский МИД, где от них потребовали разъяснений в связи с «серьезными нарушениями» суверенитета Бразилии и вторжением в тайну коммерческой деятельности бразильских компаний. Официальные разъяснения Барака Обамы, который в телефонном разговоре с Дилмой Руссеф утверждал, что деятельность АНБ преследует цель «исключительно предотвращение террористических угроз и не мотивируется коммерческими интересами», не удовлетворили президента Бразилии. Наблюдатели заметили, что во время саммита G-20 Санкт-Петербурге Руссеф крайне отрицательно отнеслась к тому, что на первом заседании ее посадили рядом с Обамой.

В настоящее время Бразилия поставила задачу достижения независимости в электронной сфере. Пока большая часть международного бразильского интернет-трафика проходит через США. Президент Русеф дала указания разработать ряд мер, направленных на обретение большего суверенитета в онлайн-пространстве. В частности, они касаются необходимости хранения данных бразильцев на местных серверах, чтобы обеспечить защиту от американской слежки. Кроме того, планируется проложить подводный оптоволоконный кабель в Европу, который будет связан со всеми странами Южной Америки. По мнению экспертов, если другие страны Южной Америки последуют примеру Бразилии, существующая в США индустрия «облачных услуг» (удаленное хранение данных) может потерять к 2016 году десятки миллиардов долларов.

Германия и Бразилия объединили свои усилия для разработки проекта резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о недопустимости электронного шпионажа. Эта резолюция, принятая в декабре 2013 года, призывает «защищать права на неприкосновенность личной жизни, в том числе и в контексте цифровой коммуникации», а также «принимать меры, с тем, чтобы положить конец нарушениям этих прав и создавать условия для предотвращения таких нарушений», в том числе на законодательном уровне». Еще одним ключевым компонентом этой резолюции стало поручение верховному комиссару ООН по правам человека Наванетхем Пиллэй в течение года подготовить доклад, на основе которого будет проведена оценка последствий программ слежки.

Бразилия не единственная страна в Латинской Америке, которая подверглась электронному шпионажу со стороны США и ее союзников. Следили за правительствами Венесуэлы, Эквадора, Мексики (кстати, на долю северного соседа приходится 80% мексиканского экспорта). Мексиканские власти были возмущены тем, что американские спецслужбы просматривали почту президента их страны и также выразили свой протест Вашингтону. Как сообщал «Шпигель», специалистам АНБ удалось проникнуть в центральный сервер президентской администрации и получить доступ к дипломатической и экономической информации. Операция проводилась с территории США, участвовало в ней и посольство США в Мексике. Помимо этого АНБ шпионило и за мексиканскими силовиками, в частности, в 2009 году была взломана почта сотрудников секретариата общественной безопасности. На основе полученной информации были подготовлены 260 секретных докладов, которые позволили американским политикам провести успешные переговоры по политическим проблемам и спланировать международные инвестиции²⁷.

Подводя итог, можно сказать, что разоблачения Эдварда Сноудена вскрыли колоссальные, поражающие воображение масштабы и возможности электронного вторжения во все сферы жизни международного сообщества. На сегодняшний день долгосрочные международные последствия этих разоблачений представляются двоякими. Во-первых, необратимым, по всей видимости, образом подорвано доверие как между США и Европой, так и между Соединёнными Штатами их партнёрами в других частях света, особенно в Латинской Америке. Во-вторых, представляется необходимым, чтобы в практику международных отношений была введена идея необходимости разработки новой отрасли международного права по защите от кибернетического вторжения и от возможности психологического воздействия на человеческое сознание через электронные технологии. Мировое сообщество должно объединить свои усилия, выступив против «исключительного

²⁷ http://www.gazeta.ru/politics/2013/10/21_a_5716457.shtml

права» некоторых стран на монопольное владение мировым информационным пространством.

С.И. Лунев

БРИКС В 2013 Г. И ПРОЦЕССЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В марте 2013 г. в Дурбане (ЮАР) прошел пятый саммит БРИКС по теме «БРИКС и Африка: партнёрство в целях развития, интеграции и индустриализации». По его итогам были подписаны Этеквинская декларация и Этеквинский план действий, в которых были зафиксированы единые подходы пяти стран по глобальным политическим и экономическим проблемам и конкретизированы совместные действия на текущий год, в т.ч. в области новых для БРИКС направлений: информационная безопасность, совместная борьба с наркоугрозой и терроризмом, активизация молодёжных и образовательных обменов. В ходе саммита были подписаны соглашения о сотрудничестве в сфере «зелёной экономики» и софинансировании инфраструктурных проектов в Африке и Декларации о создании Делового совета БРИКС, об учреждении Консорциума экспертных центров стран БРИКС и о выходе совместной статистической публикации стран БРИКС.

Страны вновь поддержали создание банка развития БРИКС (на четвертом саммите в 2012 г. министры финансов получили указание рассмотреть возможность появления данного образования с начальным капиталом в 100 млрд. долларов. По мнению министра финансов России А. Силуанова, Китай мог бы предоставить 41 миллиард долларов, Россия, Индия и Бразилия – по 18 миллиардов, ЮАР – 5 миллиардов. Некоторые эксперты полагают, что новый банк со временем мог бы стать альтернативой МВФ.

Реального прорыва на саммите все же не произошло, и БРИКС по-прежнему не превратился в полномасштабную организацию. Явно пробуксовывает идея появления нового банка, поскольку пять стран по-разному видят его деятельность и механизм управления. Только в начальной стадии находится и идея о создании Резервного фонда БРИКС, который мог бы выполнять страховочные функции в финансовой сфере. Дальше лозунгов не продвинулись и тезисы об укреплении технологической и промышленной кооперации, стимулировании развития огромных внутренних рынков. Видимо, не случайно, средства массовой информации наибольшее внимание уделили техническим накладкам, сопровождавшими работу всего саммита (постоянное отключение света, ошибки перевода, несогласованные действия охраны и т.д.). В ходе мероприятий, проведенных в течение года согласно Этеквинскому плану действий, серьезных подвижек также не произошло.

Вместе с тем потенциал развития БРИКС достаточно велик. Страны БРИКС представляют основную глобальную силу, противостоящую превращению мировой системы в монополярную. Весьма сходны параметры их внешнеполитической деятельности. Гегемония Севера отвергается азиатскими гигантами и их партнерами по политическим, экономическим и цивилизационным причинам. Для них независимый внешнеполитический курс всегда являлся главной целью, и подчинение кому-либо никак не вписывается в их планы. Не случайно, что при существовании давних противоречий в отношениях между Индией и Китаем, их позиции азиатских держав по глобальным вопросам весьма близки. При анализе частоты совпадений голосования Индии, КНР и других стран на Генеральной Ассамблее ООН по всему комплексу мирополитической проблематики выясняется,

что Индия в отдельные годы входит в тройку основных держав мира, которые имеют наименьшее количество расхождений с КНР. Практически полностью совпадают позиции азиатских гигантов по проблематике глобального устойчивого развития и стратегической стабильности; только Россия, как правило, голосует с Китаем чаще, чем Индия, по вопросам международной безопасности.

При этом азиатские сверхкрупные страны (это касается также Японии и Индонезии) проявляют крайнюю осторожность при осуществлении внешнеполитических действий. Жесткая, иногда сверхжесткая позиция занимает исключительно в случае реальной угрозы базовым национальным интересам. Притом что Индия и КНР, бесспорно, уже вошли в состав мировых держав и превратились в особые подсистемы международных отношений. Их формирование, как представляется, было ускорено развалом мирового социализма. В ближайшем будущем они могут стать соперниками США в борьбе за лидерство. История повторяется – соперники появляются на Периферии. Но сможет ли кто-либо из них стать лидером, зависит от взаимодействия очень многих факторов. Менее вероятными кандидатами на статус глобального центра влияния являются Россия, Бразилия, ЕС и Япония.

Правда, КНР стала занимать все более активные внешнеполитические позиции за последние 2-3 года. Это, видимо, связано как с осознанием своей реальной экономической мощи, так и недовольства Севером, который, по мнению Пекина, недостаточно адекватно реагировал на линию Дэн Сяопина, завещавшего преемникам «не высовываться». Подобное же характерно и для Бразилии. Страна, являясь полюсом антиамериканской политики в Западном полушарии, предпочитает «оппозиционные» действия осуществлять в рамках БРИКС, Меркосур или группы Рио, а не самостоятельно.

Интересно, что все государства БРИКС можно также назвать региональными державами (под этим термином подразумевается государство, способное корректировать политику соседних стран с использованием преимущественно «мягкой силы»), к которым сейчас относится очень небольшое количество стран. В эту группу можно отнести Индию, Китай, Австралию, Бразилию и в какой-то степени Мексику, а также Южную Африку и Нигерию (возможности формирования региональных держав в Африке все-таки еще весьма ограничены). В конце XX века ряды региональных держав пополнились Россией.

Следует учитывать, что под термином «регионализация» понимаются два различных явления – возрождение региональных держав и формирование региональных интеграционных группировок. Параллельное существование двух процессов – явление достаточно противоречивое. С одной стороны, региональные державы заинтересованы в придании формального статуса своим отношениям с сопредельными государствами. С другой стороны, наличие региональных отношений первого типа может препятствовать перерастанию их во второй тип, так как это способно нарушить характер отношений в системе ведущая держава – подчиненные (зависимые) государства, что и происходило в биполярный период. Ныне эти процессы могут не противоречить друг другу (в биполярный период наличие региональной державы по существу препятствовало эффективности создававшихся региональных ассоциаций), и в последнее время азиатские гиганты принимают самое активное участие в процессе регионализации. В становлении региональной державы, помимо политических, определенное значение, видимо, имеют и другие факторы – экономические, культурные и даже конфессиональные.

Региональные державы препятствуют реализации планов Вашингтона, особенно в военно-политической сфере. Так, если бы КНР не превратилась в

подобный центр, вряд ли Белый дом так долго мирился с существованием такой страны - «изгоя» как Северная Корея. Наличие региональной державы, как правило, ядра крупной цивилизации, способствует и нарастанию культурологического отчуждения. Региональный лидер в определенном аспекте также замыкает на себя внешнеэкономические потоки. Поэтому формирование региональных держав и регионализма налагает существенные ограничения на поведение мирового лидера.

Глобализация и регионализация являются взаимосвязанными и в то же время противоречащими друг другу тенденциями, поскольку все страны являются как объектами, так и субъектами глобализации и регионализации. Как известно, процессы глобализации вызываются, прежде всего, неограниченной конкуренцией и требуют от экономических субъектов повышения эффективности всех видов операций (именно поэтому она ущемляет интересы менее развитых стран). Процессы же в рамках регионализации в большей мере отвечают интересам индивидуальных стран – не только экономическим, но и политическим, социальным, культурным. За каждым процессом стоят довольно мощные силы, обладающие большим экономическим и политическим потенциалом.

Представляется, что экономические и политические факторы определяют регионализацию как ведущую тенденцию мирового развития, и весьма вероятен переход мировой системы к именно многополярному и многоцивилизационному миру, с усилением интеграции внутри регионов и проявлением противоречий между регионами - культурными, экономическими, политическими и иными. При этом, видимо, можно согласиться и с точкой зрения, что регионализация может проходить одновременно с глобализацией. Ярким примером здесь выглядит Китай, который входит в глобальную экономику и одновременно становится лидером в экономическом развитии своего региона, что происходит одновременно, а инструменты используются разные.

В процессе адаптации к проблемам экономической глобализации страны БРИКС, прежде всего, азиатские гиганты, часто идут по сходному пути, особенно, в социально-экономической сфере. Главный инструмент Запада в обеспечении своего экономического первенства – финансы. Поэтому именно в этой сфере государства БРИКС проявляют наибольшую неуступчивость. Пекин не идет на серьезные уступки в отношении курса юаня, несмотря на колоссальное давление со стороны США. При этом следует отметить достаточно высокий рейтинг азиатских гигантов. В «Докладе о мировой конкурентоспособности» за 2013-2014 г. Индия по развитию финансового рынка заняла 30-е место, КНР – 38 (Бразилия – 44-е, а Россия – 89-е)²⁸. Хотелось бы отметить, что Китай занимает первое место в мире по количеству свободных золотовалютных резервов, а Россия – третье. Гонконг/Сянган резко укрепляет позиции КНР на мировом финансовом рынке, а в последнее время Шанхайская биржа сокращает свое отставание от Гонконгской. По всей видимости, финансовая сфера станет самым главным полем для борьбы.

В настоящее время, отказавшись от конвертации юаня, Пекин конвертирует валютные активы и открывает эту сферу для индивидуальных инвесторов. Данный процесс будет очень долгим, и крайне напряженным, но Китай станет ледоколом, пробивающим брешь в современной мировой финансовой системе, а остальные валюты будут следовать этому же курсу по мере ослабления доллара, который уже не выдерживает той нагрузки, которая на него ложится. Декларации же России о возможном превращении Москвы в мировой финансовый центр пока не наполнены реальным содержанием. Совместные же действия в рамках БРИКС должны

²⁸ The Global Competitiveness Report. 2013–2014 / ed. by Klaus Schwab. World Economic Forum: Geneva, 2011.

принести огромную выгоду ее странам и в плане укрепления положения в международных экономических организациях, и в ослаблении валютного давления на них.

БРИКС мог бы стать для его участников важным фактором и для укрепления их положения в мировой экономической системе, и для реализации конкретных проектов. БРИКС может быть полезными для тех направлений сотрудничества, которые являются «сквозными» для всех участников клуба. Однако особо следует выделить экономические отношения в рамках треугольника Россия – Китай – Индия, реализация которых облегчается соседством стран в Евразии. Учитывая как серьезные опасения Пекина по поводу вхождения Индии в создаваемое США «окружение Китая», так и начавшееся сотрудничество России, Китая и Индии в рамках БРИКС, следует предложить КНР проекты по активизации экономического сотрудничества в треугольнике Россия – Индия – Китай. При этом, естественно, речь не может идти об автаркии от Запада, отказа от экономического взаимодействия с ним, связанного прежде всего с получением и адаптацией высоких технологий.

Последние годы, в том числе и 2013 г., были не очень удачными для стран БРИКС в экономическом плане. Поэтому назвать Индию, Бразилию и ЮАР (наряду с Турцией и Индонезией) иногда стали называть «хрупкой пятеркой»²⁹. Огромный экономический потенциал стран БРИКС сомнению не подвергается, что предполагает возможность крупных иностранных инвестиций. Вместе с тем для той же Индии они всегда имели крайне ограниченное значение. Так, в 2004 г. Индия считалась третьей по привлекательности в мире для зарубежных капиталовложений (после Китая и США), а в 2005 г. – второй державой, а получала прямых иностранных инвестиций по 5-5,5 млрд. долларов в год, менее 1 % мировых заимствований³⁰.

Информационная глобализация в современном мире развивается наиболее активно. Произошло невероятное ускорение всех процессов, начиная от скорости передвижения до скорости получения информации, «сжатие» земного шара благодаря электронным средствам связи, возрастание объема информации в геометрической прогрессии и т. д. При этом, вкупе с необычайным усложнением современной жизни, это ставит в тяжелейшее положение человека как биологическое существо. Он оказался не готов так быстро адаптироваться: за XX век произошло в этих областях больше перемен, чем за весь предыдущий исторический период³¹.

Все страны БРИКС принимают весьма активное участие в информационных процессах, которые затрагивают не только не только непосредственно информатику, но и интеллектуальные, образовательные, культурные, психологические, идеологические и пропагандистские процессы. Во всех государствах резко возрастает количество персональных компьютеров, мобильных телефонов и прочих атрибутов информационного общества. По количеству мобильных телефонов Китай занимает первое место в мире (986 млн.), Индия – второе (894 млн.), Россия – пятое (236 млн.), ЮАР – девятнадцатое (64 млн.). На первом месте в мире КНР находится и по числу Интернет-пользователей (389 млн.). Бразилия здесь занимает третье

²⁹ Landon T. Jr. "Fragile Five" Is the Latest Club of Emerging Nations in Turmoil // NewYork Times, 28.01.2014.

³⁰ 2005 Foreign Direct Investments Confidence Index. Global Business Policy Council. 2005, vol. 8. URL: http://www.atkearney.com/shared_res/pdf/FDICI_2005.pdf

³¹ См. A. Toffler. The Future Shock. NY, 1970.

место (76 млн.), Россия – девятое (41 млн.), а ЮАР – пятьдесят третье (4,5 млн.)³². Как отмечалось, очень большое значение придается развитию образования, в том числе и технического высшего образования. Относительно высокие места страны БРИКС занимают и по всемирному индексу удовлетворения собственной жизнью (самый высокий показатель для стран – 8,5, самый низкий – 2,6): у Бразилии 7,5, у Китая – 6,3, у ЮАР – 5,8, у России и Индии – 5,5³³.

Что касается активной позиции в идеологической и пропагандистской сферах, то это характерно исключительно для КНР. Здесь существует политическая цензура, население ограждается от «неверной», с точки зрения властей, информации, целенаправленно пропагандируются китайский образ жизни и политика Пекина. Китай пытается принимать специальные меры для защиты своей культуры, традиций и духовных ценностей от чуждого информационного влияния. В КНР отлично осознают, что никогда ранее не существовало такой прямой зависимости безопасности от информации. Если ранее объективная дополнительная информация давала только некоторое преимущество стороне, ею обладавшей, то ныне эта информация прямо определяет ход и результат борьбы, непосредственно влияет на противника или конкурента. Как подчеркивают военные эксперты, основными объектами поражения в новых войнах будут информационная инфраструктура и психика противника (появился даже термин “human network”). В качестве реакции Пекина отметим, что здесь начал создаваться специальный новый род войск – информационный (в США он уже создан).

Большинство в России еще не осознало той угрозы, которую несут информационные войны и информационное воздействие. При этом есть основания полагать, что против РФ такая война уже ведется. В постбиполярный период РФ по существу не предпринимала и никаких действий по улучшению собственного имиджа за рубежом. Ее облик для всего мира формировал (и формирует) по большей части Запад, чьим основным методом было и остается очернение российской действительности и истории. Электронные и печатные средства массовой информации Запада поражают своей недоброжелательностью к России. Вся эта информация переправляется в страны не-Запада, где в связи с этим также ухудшается отношение к России. Дискредитация РФ опасна не только в политическом плане. Это – один из факторов, обеспечивающих устранение страны как экономического конкурента Запада. Видимо, было бы сложнее отстранить российские компании от участия в многомиллиардных контрактах на реконструкцию предприятий, построенных Советским Союзом в тех же Китае и Индии, если бы местные СМИ лоббировали интересы нашей страны.

Для примера можно сравнить деятельность российского и французского ВПК в отношении Индии, главного в мире импортера оружия и основного партнера РФ. Целый ряд индийских газет и журналов, издающихся миллионами экземпляров, регулярно публикуют антироссийские статьи, которые, как известно, обычно оплачиваются Францией. Россия же даже не считает необходимым отвечать на эти

³² Официальный сайт ЦРУ – CIA. The World Factbook - <https://www.cia.gov/cia/publications/factbook/geos/> - <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/index.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/ch.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/in.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rs.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/br.html>

<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/sf.html>

³³ Veenhoven R. World Database of Happiness. Erasmus University Rotterdam, Happiness Economics Research Organization - http://www1.eur.nl/fsw/happiness/hap_nat/nat_fp.php?mode=8

заказные материалы, а ведь целый ряд трагедий с российской военной техникой связан с закупкой индийской стороной контрафактной продукции для российских изделий, недостаточной подготовкой личного состава и т.д. Представители российского ВПК практически игнорируют индийские профессиональные военно-технические журналы, которые во многом формируют мнение и национальной военной элиты, и лиц, принимающих решение по военно-техническому сотрудничеству.

Практически не ведется работа с пророссийски настроенными кругами и организациями. Особенно удивляет пренебрежительное отношение к сотням тысячам лиц, получивших образование в Советском Союзе и России, хотя многие из них являются представителями элиты (интересно, что многие американские центры, направляя своих сотрудников за рубеж, обязывают их встречаться там с бывшими выпускниками).

Между тем, опросы общественного мнения показывают, что в странах БРИКС РФ по-прежнему находится среди самых популярных стран, хотя отношение к ней постепенно ухудшается,

Культурно-цивилизационная глобализация показывает очевидную негативную динамику. В Лету канули все утверждения двадцатилетней давности о «конце истории» и создании моноцивилизационного мира. Наступление европейской техники, науки, образования и массовой (американизированной) культуры в настоящий момент, напротив, вызывает на Юге реакцию отторжения. Данное отторжение может принять форму исламского фундаментализма, африканского негритюда, воинствующего индуизма и прочее. Даже в Японии происходит оживление традиционных религиозно-культурных представлений.

Культурно-цивилизационные параметры очень важны для деятельности БРИКС. С одной стороны, страны, входящие в организацию, отличаются друг от друга. Для них характерна различная цивилизационная парадигма. С другой стороны, многое объединяет страны БРИКС. Анализируя цивилизационные факторы, обосновывающие претензии Китая и Индии на мировое лидерство, следует учитывать, что в этих странах нет комплекса неполноценности перед цивилизациями Запада. Индийцы и особенно китайцы относились к его диктату как к временному явлению (кстати, понятие времени отличается от европейского у китайцев в корне, а у индийцев – в некоторой степени). По существу подобная ситуация стала складываться и во многих других странах Юга, в том числе в Бразилии и ЮАР. Успехи в экономическом развитии, наряду с рядом политических событий (корейская, вьетнамская, афганская и др. войны), изменили отношение афро-азиатских народов к цивилизации Запада. Более того, быстрое экономическое развитие крупнейших азиатских стран является базой для появления даже определенного комплекса их цивилизационного превосходства.

Важную роль здесь играет и то обстоятельство, что общая история и единство задач, проистекающее из исторического развития и неравноправного положения в международном разделении труда, безусловно, цементируют узы стран Юга. Все это приводит к тому, что другие крупнейшие державы зоны Юга (Бразилия, Индонезия и т. д.) с геополитической и психологической точки зрения скорее склонны к сотрудничеству с Китаем и Индией, чем с Западом. Прежняя модель участия в мирохозяйственном разделении труда препятствует пока образованию подобной коалиции, но по мере экономического роста лидеров Юга подобные препятствия будут постепенно сниматься.

В принципе по культурно-цивилизационному параметру положение России выглядит предпочтительнее, чем у других стран «белого мира». Россия всегда в

корне отличалась от любой другой империи – от Римской до Британской. В ней никогда не существовало народа-эксплуататора, а русские не имели больших прав, чем неславянские национальности. Российская периферия не грабилась, зачастую дотировалась, а местные элиты целиком включались в общероссийскую. Если и была определенная дискриминация, то – практически исключительно по религиозному принципу. В советский период страна неизменно поддерживала Юг в его противостоянии Западу (другое дело, по каким мотивам). Все это предопределяет достаточно доброжелательное отношение к России и русским в зоне Юга, что показывают все социологические опросы.

При этом деятельность БРИКС может стать действительно полезной для России не только в вопросах глобального управления, но и в двусторонних отношениях, если РФ окажется способной использовать организацию для укрепления существующих и создания новых направлений взаимосвязей с государствами БРИКС.

И.Н. Куклина

АФГАНСКАЯ НАРКОУГРОЗА – ЕСТЬ ЛИ ВЫХОД ИЗ ТУПИКА?

Вывод из Афганистана Международных сил содействия (МСС), как известно, планируется завершить к концу 2014 г. Финал начатой в 2001 г. операции «Несокрушимая свобода» предполагает подписание соответствующего договора между США и афганскими властями, касающегося, в том числе, режима «остаточного» военного присутствия американцев в стране. Переговоры по условиям договора продолжаются; в целом он должен хотя бы формально зафиксировать передачу афганским властям всей полноты ответственности за безопасность в стране. Характерно, что при этом президент Афганистана Хамид Карзай открыто говорил о том, что цели международной операции не достигнуты: масштабы наркотрафика растут, а лагеря подготовки террористов успешно функционируют. Помимо вывода иностранных войск, весной 2014 г. в стране должны пройти президентские выборы. Предстоящие события существенно меняют внутривнутриполитическую ситуацию в Афганистане и характер сплетения межгосударственных интересов вокруг афганской проблемы в мире и регионе.

Оценивая многочисленные прогнозы как российских, так и зарубежных экспертов относительно перспектив дальнейшего развития Афганистана, важно подчеркнуть: в обозримом будущем, вне зависимости от состояния внутренней безопасности, Афганистан останется генератором угрозы, разросшейся за последнее десятилетие до глобальных масштабов, а именно — главным поставщиком опиатов на планете. По данным ООН, динамика роста афганского наркопроизводства такова: в начале прихода к власти талибов оно составляло 3600 тонн, в 2001 г. — упало до 185 тонн, а уже к 2006 г. возросло в 40 раз до 8000 тонн и продолжает расти. Только в 2013 г. засеянные маком площади возросли на 36% по сравнению с 2012 г. — до 209 тыс. гектаров. Афганистан стал рекордсменом в производстве опиатов, он поставляет на рынок свыше 90 процентов общего объема производства героина в мире (около 1000 тонн). В денежном исчислении доходы от сбыта наркотиков достигают 80% объема ВВП страны.

Резкий рост наркопроизводства в Афганистане, сопровождавший операцию «Несокрушимая свобода», вполне объясним. Изначально объявленной целью операции являлась война с терроризмом, а стратегия решения этой задачи

включала, помимо уничтожения Аль-Каиды и разгрома Талибана, формирование демократизированной системы государственного управления, способной самостоятельно противостоять террору и экстремизму. Антинаркотические акции проводились лишь в том случае, если удавалось нащупать прямые связи между наркопроизводителями и террористическими группировками. Ни в военно-политическом, ни в экономическом плане США и НАТО не были заинтересованы в развертывании широкой антинаркотической кампании, поскольку это грозило неизбежной дестабилизацией и обострением отношений с крестьянством, для которого выращивание и сбыт опиумного мака являются единственным средством выживания. Поэтому антитеррористическая международная коалиция избегала нарушения прав крестьян на распоряжение земельной собственностью, позволяя им использовать земельные наделы для возделывания опиумных культур. К тому же афганский героин не представляет серьезной наркоугрозы для Северной Америки: в США в общем объеме потребляемых наркотиков он составляет не более 8-15%.

Необходимо отметить также, что борьба с наркоугрозой не была обусловлена и соответствующими резолюциями Совета Безопасности ООН. Поэтому политика «нейтралитета» США и НАТО по отношению к разрастанию наркопроизводства в стране опиралась на некоторые международно-правовые обоснования, в известном смысле оправдывавшие невмешательство в этот процесс. Таким образом, бурный рост производства наркотиков по существу не только не противоречил интересам инициаторов и участников международной коалиции, но и облегчал военно-экономическое положение сил МСС, поскольку «наркоподдержка» фактически обеспечивала существование основной массы афганского населения. В итоге наркотическая угроза превратилась в важную и наиболее сложную составляющую всего комплекса внутренних и внешних проблем развития страны.

Очевидно, что афганская наркоугроза непосредственно и весьма остро затрагивает интересы России. Напор наркотрафика и рост наркопотребления требует безотлагательных решений. По данным, приведенным председателем Государственного антинаркотического комитета, директором Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков (ФСКН) В. Иванова, в России насчитывается 8 млн. наркопотребителей и 30 млн. их родственников. Численность только героинозависимых достигает 1,5 млн. человек. Если же подсчитать, учитывая и гарантированно неслабую коррупционную составляющую, численность всех жертв и участников преступного наркобизнеса, то получится и вовсе мрачная картина. Как подчеркивает директор ФСКН В. Иванов, «...мы потеряли время... Мы как общество даже не заметили, что подсели на героиную иглу».³⁴ По данным ООН, Россия занимает первое место в мире по потреблению героина и второе, место после европейского рынка, по потреблению опиумных наркотиков. Она также стала одним из мировых лидеров по числу людей, употребляющих наркотики путем инъекций.

В последнее десятилетие Россия приложила немало усилий в целях смягчения угрозы безопасности страны, которую представляет афганский наркотрафик. В 2009 г. с Афганистаном были подписаны соответствующие межправительственные и межведомственные соглашения по взаимодействию в борьбе с наркотиками. В 2010 г. Россия выступила с инициативой создания «Центральноазиатского антинаркотического квартета», призванного объединить деятельность заинтересованных сторон в борьбе с наркотрафиком. В состав этого объединения входят Афганистан, Таджикистан, Пакистан и Российская Федерация. В качестве наблюдателей представлены ООН, ОДКБ, США, НАТО.

³⁴ МК, 29 октября 2010 г.

Используя потенциал ОДКБ, Россия с 2003 г. проводит международную антинаркотическую операцию «Канал». В 2008 г. ей был придан статус Региональной антинаркотической операции, работающей на постоянной основе. В 2012 г. в этой трехдневной операции, охватывающей пространство от Белоруссии до Китая, участвовало 44 тысячи сотрудников антинаркотических служб и силовых структур государств-членов ОДКБ. В операции «Канал» принимают также участие спецслужбы Китая, Узбекистана, Украины, Прибалтики, Азербайджана, Ирана, а в качестве наблюдателей выступают эксперты США, ЕС, ОБСЕ. Только в 2013 г. Координационным советом операции «Канал» во главе с В. Ивановым были трижды организованы учения правоохранительных и силовых структур. Кроме того, в рамках ШОС было принято решение о создании структуры, ответственной за координацию антинаркотической деятельности.

Российские инициативы включали также проект создания оперативно действующего объединенного штаба по борьбе с наркокартелями. Оказывая помощь в подготовке афганских наркополицейских, Россия обоснованно полагала, что разрушение наркопроизводства в афганских условиях невозможно без участия военной силы. Сосредоточение усилий исключительно на борьбе с отдельными звеньями организованной наркопреступности, например, на перекрытии наркотрафика, по выражению главы российского антинаркотического ведомства В. Иванова, равносильно предложению борьбы с пулями вместо уничтожения пулеметного гнезда. Именно поэтому Россия предлагала объединить международные усилия, в том числе МСС, ШОС и ОДКБ, в разработке антинаркотической стратегии, которая, при согласии заинтересованных сторон и прежде всего Афганистана, позволила бы афганским силам безопасности расширить масштабы и повысить эффективность борьбы с наркопроизводством в стране.

Россия стремилась убедить мировое сообщество в назревшей необходимости поднять международно-политический статус проблемы борьбы с организованной преступностью, связанной с производством и распространением наркотиков, и признать их на уровне Совета Безопасности угрозой международному миру и безопасности. Директор ФСКН В. Иванов отмечал, что аналогичное решение способствовало определенному обузданию сомалийского пиратства, ущерб от которого в сравнении с наркоущербом соотносится как pistolетный выстрел с ядерным взрывом. По данным ООН, за последние 10-11 лет только от афганского героина умерло свыше миллиона человек.³⁵

Российские представители подчеркивали также необходимость финансово-экономической блокады производства наркотиков. Наркоденьги стали необъемлемым элементом современной монетарной системы и становятся, особенно в условиях кризиса, движущей пружиной финансово-экономического и социального заказа на продолжение наркопроизводства. Так, в период 2008-2009 гг. в банковскую систему Европы было закачано \$352 млрд.³⁶, производных от наркобизнеса.

Наркотрафик идет в Россию через слабо охраняемые и практически не обустроенные афгано-таджикские и российско-казахские границы. Общее протяжение этих границ составляет более 3000 км. По свидетельству российского эксперта, чувствителен для России и наркотрафик, пролегающий через афгано-туркменскую границу, затем через Каспий в Азербайджан и далее в Европу. Так, по

³⁵ «Российская газета», 5 июня 2013 г.; «Красная звезда», 16 апреля 2013 г.

³⁶ «Красная звезда», 4-19 апреля 2012 г.

данным ФСКН, при досмотрах судов в астраханском порту примерно половина плавсостава находилась в наркотическом опьянении.³⁷

В апреле — июне 2013 г. прошла целая серия международных встреч (в формате ШОС, ОДКБ, СНГ и др.), на которых обсуждались проблемы, связанные с усугублением афганской наркоугрозы после вывода войск МСС из Афганистана. Так, в Бишкеке прошло заседание антинаркотических ведомств государств-членов ШОС. Там же состоялся саммит глав государств-членов ОДКБ — России, Казахстана, Киргизии, и Таджикистана. За ним последовала встреча министров обороны стран-членов ШОС, на которой министр обороны РФ объявил о начале в конце 2013 г. масштабных поставок в республику вооружений и военной техники, предназначенной для погашения афганской наркоугрозы. В разном формате состоялись также встречи руководителей погранслужб. Параллельно с этим активизировалась деятельность ОДКБ по развитию взаимодействия с Афганистаном в борьбе с наркопроизводством, укреплению силового и заградительного потенциала для перекрытия наркотрафика. В сентябре 2013 г. в Сочи состоялось заседание Совета министров иностранных дел, Совета министров обороны и Комитета секретарей Советов безопасности стран-членов ОДКБ, где Россия гарантировала Таджикистану поставки необходимого ему вооружения, предназначенного, в том числе для охраны границы с Афганистаном. Президент РФ В. Путин отметил, что борьба с наркотрафиком относится к числу первостепенных задач Организации.³⁸

Что касается переговоров России с США и НАТО о сотрудничестве в борьбе с афганским наркопроизводством в Афганистане, то о них уже можно забыть. Заявляя, что задачи военной операции МСС в Афганистане успешно выполнены, ни США, ни НАТО не намерены активизировать свои действия на антинаркотическом фронте. Наивысшим достижением сотрудничества России и МСС в борьбе с афганской наркоугрозой, вероятно, можно считать проведение трех совместных операций, в ходе которых удалось уничтожить около 15 нарколабораторий и 18 тонн наркотиков в героиновом эквиваленте.³⁹ Следует при этом отметить, что в Афганистане функционирует свыше 1,5 тысяч нарколабораторий.

Приходится признать, что, несмотря на значительную активизацию антинаркотической политики России, ее территория остается открытой для напора наркомафии. И в решении этой проблемы она не может рассчитывать на сильных, надежных и в равной мере заинтересованных партнеров или союзников на региональном или, тем более, глобальном уровне. Таджикистан и Киргизия слабы и сами по существу являются жертвами наркопроизводства и всеобъемлющей коррупции в этой сфере. Российская помощь в подготовке кадров и поставках вооружения недостаточна для кардинального усиления антинаркотической политики этих государств. Узбекистан и Туркмения находятся в Центральной Азии «на особом положении», тщательно дозируя свои отношения с Россией. Казахстан, по некоторым данным, из 70-75% героина, рекой текущего через страну, изымает всего около 1% его общего объема, несмотря на то, что казахские пограничники являются наиболее квалифицированными и хорошо оплачиваемыми. Азии. Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев высказывал несогласие и с российскими оценками общей наркотической ситуации в регионе. По его мнению, действия МСС на порядок

³⁷ См. С. Иванов. «На переднем крае борьбы с наркотрафиком». «Независимое военное обозрение», 14-20 декабря 2012 г.

³⁸ См. «Независимое военное обозрение», 27 сентября-4 октября 2013 г.

³⁹ «Российская газета», 21 января 2013 г. См. также А. Серенко. «Два дня дискуссий в Брюсселе», «Независимое военное обозрение», 4-10 октября 2013 г.

сократили масштабы афганской наркоугрозы и локализовали очаги наркопроизводства.⁴⁰ Китай, куда через Киргизию направляется тонкий ручеек афганского наркотрафика (около 1% его общего объема), высказывает готовность к сотрудничеству в борьбе с наркотиками, но отдает предпочтение использованию экономических средств, т. е., иными словами, расширению экономической экспансии в Афганистане и Центральной Азии. Что касается ОДКБ, то ее усилия на антинаркотическом фронте пока лишь немного выходят за декларативные рамки.

В настоящее время, по заявлению президента РФ В. Путина в России перехватывается примерно 40% афганского наркотрафика. Чтобы погасить тенденцию к его дальнейшему расширению, Россия не может полагаться исключительно на заградительные меры. Требуется сосредоточение усилий на жесткой борьбе с наркомафией и наркокоррупцией внутри страны, без всякой оглядки на статусность и неприкосновенность любого формата. Возможно ли это в российских условиях? Как показывает международный опыт, реальная борьба с наркомафией на внутреннем поле — дело чрезвычайно трудное, но все же, при упорных, целенаправленных усилиях, не безнадежное.

⁴⁰ См. «Независимое военное обозрение», 5-11 июля 2013 г.

РОССИЯ И МИР

А.В. Акимов

ТРУДОВАЯ ИММИГРАЦИЯ В МИРЕ И РОССИИ

В 2013 г. был подготовлен доклад Генерального секретаря ООН «Международная миграция и развитие».⁴¹ Это комплексное исследование последствий миграций и их влияния на экономическую и социальную сферы. Ранее такое исследование проводилось семью годами ранее, так что к 2013 г. выявлены определенные тренды развития.

В докладе констатируется, что в настоящее время международные миграции затрагивают практически все страны мира, и ни одно общество не может рассматривать свое будущее без учета последствий миграций. Вместе с тем отмечается, что для легальной миграции существует слишком мало каналов, и поток тех, кто хочет переехать в другую страну, направляется по многим каналам, лишь часть из которых является легальными. Это лишает многих иммигрантов правовой защиты, и в результате они оказываются в руках тех, кто их эксплуатирует и получает нелегальные доходы от иммигрантов и их работы в стране пребывания. В этой группе как коррумпированные чиновники, регулирующие миграционные потоки в принимающих странах, бизнесмены в этих странах, использующие нелегальную рабочую силу, а также международные торговцы людьми и вербовщики, а также национальные полулегальные и даже преступные группы, организующие эмиграцию из стран исхода. Таким образом, сфера международных миграций в ряде случаев становится сферой крупного преступного бизнеса.

В то же время, только официальные переводы трудовых мигрантов в развивающиеся страны в 2013 г. выросли до 401 млрд. долл. США.⁴² Эта величина косвенно отражает вклад иммигрантов в экономику принимающих стран.

Важной особенностью современной международной трудовой миграции является тот факт, что многие страны выступают во взаимоотношениях с одними партнерами как принимающие рабочую силу, а в отношениях с другими как страны исхода трудовых мигрантов. Это в определенной степени способствует сближению позиций в области политики регулирования миграций.

Сложились международные механизмы и форумы для обсуждения и решения проблем международной миграции. Создан Глобальный форум по вопросам международной миграции и развития, привлекающий ежегодно более 150 государств для обсуждения проблем международной миграции, и Группа по проблемам глобальной миграции, объединяющая 15 учреждений системы ООН и Международную организацию по миграциям для координации их действий.

Тем не менее в докладе генерального секретаря ООН подчеркивается, что «нет никакого единственного метода, который поможет нам решить проблемы и использовать возможности, связанные с миграцией. Нам нужны практические решения, дающие ощутимые результаты».⁴³

Масштабы и распространенность международных миграций в мире столь значительны, что говорить об универсальных методах решения проблем миграций

⁴¹ Международная миграция и развитие. Доклад генерального секретаря ООН, A/68/190. 25 июля 2013.

⁴² Там же. П. 2 текста доклада.

⁴³ Там же. П. 14 текста доклада.

не приходится. В настоящее время в мире насчитывается около 232 млн. международных мигрантов, то есть лиц, живущих за пределами своей страны рождения или гражданства. Из них 59% живут в странах, относящихся к категории развитых. Женщины составляют 48% международных мигрантов.⁴⁴ В 2013 г. международные мигранты составляли почти 11% общей численности населения развитых регионов притом, что в 2000 г. их доля не превышала 9%. В развивающихся регионах доля мигрантов в населении составила в 2013 г. менее 2%. Важной тенденцией последних лет стало увеличение потоков мигрантов в развивающихся странах (направление Юг-Юг). В 2000-2013 гг. численность мигрантов в развивающихся регионах и происходящих оттуда выросла почти на 23 млн. человек, а численность мигрантов, живущих в развитых странах, но приехавших из развивающихся (направление Юг-Север) увеличилось более чем на 24 млн. человек⁴⁵, то есть потоки по направлениям Юг-Юг и Юг-Север почти сравнялись.

Вместе с тем, по сравнению с 1990-ми годами в 2000-2009 гг. произошел более чем двукратный рост темпов числа мигрантов с 2 млн. до 4,6 млн. человек в год. В первом десятилетии XXI века самое крупное увеличение числа иммигрантов произошло в Азии (1,7 млн. человек в год), на втором месте Европа (1,3 млн. человек), на третьем Северная Америка (1,1 млн. человек). По темпам роста числа эмигрантов также лидировала Азия (2,4 млн. человек в год), на втором месте Латинская Америка, включая Карибский бассейн (1,0 млн. человек), на третьем Африка (0,6 млн. человек) и на четвертом Европа (0,5 млн. человек).⁴⁶

В докладе генерального секретаря ООН подчеркивается, что общераспространенное мнение о том, что одно рабочее место, занятое иммигрантом, означает уменьшение на одно рабочее место для коренных работников, неверно. Исследование, проведенное для 14 принимающих стран ОЭСР и 74 стран происхождения иммигрантов за период 1980-2005 гг. показало, что иммиграция увеличивает масштабы занятости один к одному за счет повышения общего объема производства и повышения общего спроса на товары и услуги. В США в 2000-2007 гг. на иммигрантов пришлось 32% прироста ВВП.⁴⁷

Что касается России, то она находится в русле общемировых миграционных трендов. Уже сейчас на территории РФ живут и работают более 10 млн. иностранных граждан, преимущественно из стран СНГ. Из них 42% прибыли с целями, не связанными с трудовой деятельностью, и лишь 17% законно работают на основании разрешения на работу или патента.⁴⁸ Ежегодно в Россию въезжает около 14 млн. иностранных граждан. Около 80% – из стран СНГ. При этом около половины выходцев из стран СНГ въезжают впервые⁴⁹, так что можно говорить о существенной доле повторных поездок.

Данные государственной информационной системы миграционного учета указывают, что около 20% находящихся в стране иностранцев превысили срок законного пребывания в России. Они скорее всего работают нелегально, не платя налогов.⁵⁰ В целом, трудовые мигранты составляют около 7% всех занятых в российской экономике.⁵¹ В ряде отраслей, таких, как строительство, коммунально-

⁴⁴ Там же. П. 21 текста доклада.

⁴⁵ Там же. П. 22 текста доклада.

⁴⁶ Там же. П. 25 текста доклада.

⁴⁷ Там же. П. 48 текста доклада.

⁴⁸ См. статью Егоровой Е., первого заместителя руководителя Федеральной миграционной службы РФ «Нелегальная миграция в России» http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=2003#top

⁴⁹ Там же

⁵⁰ Там же

⁵¹ Там же

бытовая сфера, розничная торговля доля иммигрантов в численности персонала намного выше, и одномоментное ужесточение иммиграционного законодательства может оказать резкое отрицательное воздействие на развитие этих отраслей.

Кроме того, попытка отгородиться от стран Центральной Азии и Закавказья может оказаться неблагоприятной для долгосрочных отношений России со странами СНГ. Эти государства либо станут зонами активного экономического влияния других крупных государств и экономических группировок, либо скатятся в категорию failed states и будут опасными соседями и источниками терроризма.

Вопросы иммиграции из стран Центральной Азии приобрели в последнее время в России политический характер. В целом преобладает мнение, что иммигранты России не нужны. (табл. 1).

Таблица 1

Отношение россиян к иммигрантам.

Распределение ответов на вопрос: «В каких мигрантах нуждается Россия?», %	РМЭЗН	ФОМ
Нашей стране нужны только те мигранты, которые хотят остаться здесь жить навсегда	15,4	15,0
Стране нужны лишь те мигранты, которые приезжают только на заработки и не собираются здесь жить постоянно	16,0	26,0
Стране нужны и те, и другие	14,4	11,0
Стране не нужны ни те, ни другие	37,5	39,0
Не знаю, нет ответа	16,7	9,9

Источники: Обследование Института социологии РАН и Центра этнополитических и региональных исследований на базе Российского мониторинга экономики и здоровья населения (РМЭЗН), ноябрь 2008 г., 11,8 тысячи респондентов (РМЭЗН); Миграционная политика. ФОМ. Июнь 2012 г. // Режим доступа: <http://fom.ru/obshchestvo/10490> (ФОМ).

Цитируется по: Политика интеграции мигрантов в России: вызовы, потенциал, риски. Рабочая тетрадь. В.И.Мукомель. РСМД, 2013. С. 8.

Нужно отметить, что в рекомендациях рабочих групп «Гражданской двадцатки» «Группе двадцати», выработанных в результате обсуждения в Москве в июне 2013 г., указывается: «Мы считаем одной из приоритетных задач обеспечение успешной интеграции мигрантов в принимающих странах, без ущемления их социальных и трудовых прав, а также прав местного населения. Изучение мигрантами местного языка, знание которого является ключевым условием, позволяющим мигрантам интегрироваться в общество принимающей страны, предоставляет их детям равные возможности для участия на рынке труда в будущем».⁵²

Таким образом, на уровне выработки рекомендаций правительствам находят отражения разные точки зрения, рассмотренные выше. Как указывается в докладе генерального секретаря ООН, упомянутом выше, «хотя люди имеют право покидать свою страну и возвращаться в нее, государства имеют суверенное право регулировать въезд и пребывание иностранцев на своей территории»⁵³, то есть

⁵² Рекомендации рабочих групп «Гражданской двадцатки» «Группе двадцати». М., С. 162.

⁵³ Международная миграция и развитие. Доклад генерального секретаря. ООН, A/68/190. 25 июля 2013. П. 69 текста доклада.

подчеркивается необходимость учета интересов всех сторон, участвующих в миграционном процессе.

Н.П. Скороходова

ПЕРВЫЙ ГОД РОССИИ В ВТО

Летом 2013 года начал отсчет второй год с тех пор, как Россия вступила во Всемирную Торговую Организацию (ВТО). Напомним, что пока Россия проходит семилетний переходный этап, в течение которого предполагается адаптировать внутреннее производство и рынок к новым условиям международной торговли.

В целом, выиграла или проиграла Россия от вступления в ВТО по совокупности всех параметров, пока говорить рано. Скорее всего, итоговый результат будет виден к концу адаптационного периода. Подводя итоги первого года, можно сказать, что положительных результатов пока мало, но проблемы уже налицо и стали предметом обсуждения.

Наиболее наглядным примером в этом плане являются отдельные отрасли производства. Например, свиноводство. Это одна из первых пострадавших отраслей от вступления России в ВТО. Дело в том, что таможенно-тарифная защита свиноводческого производства была значительно снижена – в восемь раз. А ведь в последние шесть лет до того, как Россия вступила в ВТО, это была одна из самых успешно развивающихся отраслей агропромышленного производства. С 90-х годов прошлого века и до 2005 года отечественное свиноводство было практически разрушено, производство упало почти в четыре раза. Были утеряны производственные, технологические, генетические, научные фонды и кадры. Поэтому Россия вынуждена была ввозить из-за рубежа до 40-45 % свинины. Только в 2006-2007 году, когда заработали национальные проекты и государство предприняло серьезные меры поддержки, началось возрождение свиноводства. Производитель получил возможность брать инвестиционные кредиты по субсидируемым процентным ставкам, например не под 15% , а под 5-6 %. Кроме того, государство ввело таможенно-тарифное регулирование. Так, пошлины на свинину составляли внутри квоты – 15 %, а сверх квоты – 75%. Как результат этого - производство свинины выросло в 4 раза, доля импорта в 2012 году сократилась до 25% . При таких темпах роста свиноводческая отрасль имела все шансы быстро рассчитаться с банками, вывести собственность из залогов и вкладывать средства в интенсификацию производства, например, в развитие разведения и селекционирования скота, привлечение современных технологий. Ведь отечественное сельскохозяйственное производство в этом плане еще сильно отстает.

Закономерно возникает вопрос, зачем было наносить удар по одной из немногочисленных, но успешно развивающихся отраслей агропромышленного комплекса. Именно в свиноводстве Россия пошла на наибольшие уступки при вступлении в ВТО. После вступления России в ВТО закупочные цены на свинину упали на 25-30%, а цены на корма из-за засухи 2012 года выросли почти в 2 раза. Причем вопреки всем ожиданиям экономические регуляторы не заработали, розничные цены на свинину понизились лишь на 0,4%. Отрасль становится убыточной. Выходом из сложившейся ситуации может стать только дотационная помощь государства.

О негативных последствиях от вступления России в ВТО заявили представители такой отрасли, как сельскохозяйственное машиностроение, в частности производства зерноуборочных комбайнов. Ввозные пошлины были снижены в три раза – с 15% до 5%. В итоге, по данным Минпромторга, производство тракторов в натуральном выражении упало на 56% против роста импорта на 12%, кормоуборочных комбайнов на 53% против 39%⁵⁴.

По мнению экспертов, отечественные зерноуборочные комбайны вполне конкурентоспособны по своим техническим характеристикам и ни в чем не уступают иностранным аналогам, а по ряду показателей даже превосходят их. Так комбайн АКРОС 580 опередил ближайших конкурентов по производительности, потерям зерна и расходу горючего. При правильной политике ценообразования отечественным производителям вполне по силам выдержать конкуренцию либо за счет временного сокращения рентабельности, либо путем снижения издержек производства и повышения его эффективности. Однако они пошли другим путем.

Отечественные производители – ООО «Комбайновый завод «Ростсельмаш» и ОАО «Производственное объединение «Красноярский завод комбайнов – обратились с просьбой провести специальное защитное расследование в Евразийскую экономическую комиссию (ЕЭК), наднациональный орган Таможенного союза (ТС), уполномоченный на проведение подобных расследований. В своем заявлении российские производители утверждали, что импорт зерноуборочных комбайнов подрывает их производство на территории ТС.

В результате было принято решение о введении с 25 июля 2013 г. специальной защитной пошлины на зерноуборочные комбайны сроком на три года. Кроме того, отечественные производители добились выделения 2 миллиардов рублей государственных субсидий на реализацию сельскохозяйственной техники. При этом, получив субсидии, они на 15% увеличили цену своей техники. На первый взгляд, производители сельхозтехники сохранили достигнутый уровень рентабельности фактически за счет государственных дотаций, вместо того, чтобы поддерживать его путем снижения издержек, модернизации производства и повышения производительности труда⁵⁵. Однако не будем судить поспешно.

Российские производители считают, что они могут существовать в рамках ВТО лишь при равных условиях с другими членами этого торгового клуба. Например, российское промышленное производство платит за электричество по ценам, сильно превышающим тарифы в таких странах Европы, как Германия, – на уровне самой дорогой в ЕС энергетики Италии, которая покупает всё электричество, не производя сама ни одного киловатта. Кроме того, российские предприятия платят столько налогов, сколько ни одна промышленность в экономически развитых странах: налоговая ставка составляет сейчас фактически 54% с добавочного продукта. Результат – 40% российской экономики находятся «в тени».

Ожидалось, что после вступления России в ВТО первой должна была пострадать российская автомобильная промышленность. Однако этого не произошло, благодаря тому, что Россия добилась длительного переходного периода. Удешевление импортных машин после снижения таможенных пошлин с 30% до 25 % не произошло из-за того, что Россия ввела утилизационный сбор на импортные новые и подержанные автомобили, который власти начали взимать с 1 сентября 2012 года. В июле 2013 года Евросоюз обвинил Россию в протекционизме и подал жалобу в суд ВТО по поводу утилизационного сбора. Несмотря на то, что с

⁵⁴ <http://www.arms-expo.ru/050049054050124051051049051053.html>

⁵⁵ Холодков В.М. Первый год членства России в ВТО <http://www.riss.ru/index.php/analitika/2111-pervyj-god-chlenstva-rossii-v-vto#.UvtKUh3HKhO>

1 января 2014 года вступили новые поправки в российское законодательство, выровнявшие условия платежа для автомобилей российского и иностранного производства, у ЕС, крупнейшего торгового партнера России, еще остаются претензии к методике расчета этого сбора.

В свою очередь, в конце 2013 года Россия в рамках ВТО подала иск к Евросоюзу по поводу так называемых энергокорректировок, из-за которых происходит дискриминация российских товаров на рынках ЕС. Суть энергокорректировок заключается в том, что Брюссель рассчитывает справедливую, по его мнению, цену на российские товары, исходя из стоимости европейских энергоресурсов. В России они дешевле, следовательно, ниже и цена товаров. Евросоюз производит расчет демпинговой маржи (разность между внутренними и экспортными ценами во внешнеторговой деятельности) с учетом якобы заниженной стоимости газа в России, поэтому увеличивает ввозные пошлины. Так, в частности, было с российскими удобрениями и продукцией металлургического производства.

Россия будет доказывать, что стоимость энергоресурсов влияет на цену конечной продукции незначительно. В черной металлургии доля стоимости энергоресурсов в стоимости товаров занимает лишь 10%, что близко к уровню США, но ниже, чем в Европе. Причем если газ в России действительно дешевле, то электроэнергия, как уже говорилось выше, намного дороже, чем в некоторых странах. У России хорошие перспективы в будущем судебном разбирательстве.

В начале декабря 2013 года глава Минэкономразвития Алексей Улюкаев заявил, что Россия готовит иски к ЕС не только против применения Брюсселем энергетических корректировок, но и против ограничений, установленных так называемым Третьим энергопакетом Евросоюза. Это серьезная проблема, по которой России и ЕС до сих пор не удаётся найти согласованное решение.

Строящийся в настоящее время российский газопровод «Южный поток» призван снизить зависимость России от транзита через украинскую территорию. Труба пройдет по дну Черного моря от компрессорной станции «Русская» под Анапой в болгарский порт Варна. Далее он должен быть разделен на две ветви, которые проложат через Балканский полуостров в Италию и Австрию.

Третий энергопакет, который является основным энергетическим законом Евросоюза, теоретически направлен на то, чтобы способствовать либерализации рынков газа и электроэнергии. В частности, он запрещает одной и той же компании одновременно являться их поставщиком и владеть распределительными сетями и газопроводами. Отметим, что страны-участницы Евросоюза должны были ввести положения Третьего энергопакета на своей территории еще в 2011 году, однако до сих пор это сделали далеко не все.

Россия неоднократно заявляла, что Третий энергопакет направлен против нее, и пыталась вывести из-под действия его норм «Южный поток». Точка зрения российской стороны состоит в том, что Евросоюз пытается перекрыть «Газпрому» все возможности развития в Европе, хотя, по большому счёту, альтернативы российскому газу у европейцев нет⁵⁶.

Следствием вступления России в ВТО можно считать принятие антипиратского закона, который направлен на борьбу с нелегальным использованием интеллектуальной собственности. Закон вступил в силу 1 августа 2013 года и подразумевает блокировку по решению суда нелегального контента. Сначала это касалось только видеопродукции в Интернете, но осенью были

⁵⁶ <http://www.gazeta.ru/business/2013/12/05/5785129.shtml>

рассмотрены аналогичные меры в отношении музыки, программ, книг и другого контента.

Опыт первого года пребывания России во Всемирной торговой организации показал, что государство сразу же, на начальном этапе, должно выработать взвешенный и продуманный подход к использованию условий всемирного торгового клуба, исходя из конкретных национальных условий производства в каждой отрасли. России необходимо также учитывать опыт «старых» членов ВТО, которые максимально используют в своих интересах протекционистские меры, применение которых специально оговорено в правилах ВТО. И, наконец, массе российских производителей придётся отказаться от привычки жить лишь ожиданиями государственной поддержки. Наиболее перспективный путь - постоянно стремиться к увеличению производительности труда, улучшению качества продукции, внедрению инновационных методов ведения хозяйства. Это суровые требования, но только их выполнение позволит выжить в условиях международной торговли.

СНГ

Г.И. Чуфрин

НА ПОРОГЕ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Согласно официальной информации, в мае 2014 года намечается подписание руководителями России, Белоруссии и Казахстана трехстороннего договора о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС), который сможет начать работу уже в начале 2015 года после ратификации этого документа национальными парламентами. Тем самым будет сделан очередной важный шаг в развитии процесса евразийской интеграции, начальными этапами которого явились формирование вышеуказанными странами Таможенного союза (ТС) с 2010 г. и Единого экономического пространства (ЕЭП) - с 2012 г.

Именно так и охарактеризовали значение готовящегося договора участники очередного заседания Высшего Евразийского экономического совета, состоявшегося в Москве в декабре 2013 года. Выражая их общее мнение, президент России В.В.Путин подчеркнул, что в результате подписания договора будут определены как международно-правовой статус Евразийского экономического союза, так задачи и механизмы его деятельности, а также зафиксированы базовые принципы евразийского экономического процесса, важнейшими из которых являются приверженность справедливому и взаимовыгодному сотрудничеству на равноправной основе и нацеленность на повышение благосостояния населения стран-участниц этого процесса.⁵⁷

Вместе с тем, если относительно необходимости поддержания позитивной динамики процесса евразийской интеграции и перехода на более высокий ее уровень в результате создания ЕАЭС сколько-нибудь заметных разногласий между странами-участницами не наблюдалось, то при обсуждении профильных направлений будущей деятельности формирующегося союза такие разногласия были вполне очевидны, отражая тем самым различия и в национальных стратегиях этих стран, и в конкретных угрозах и вызовах политическому и экономическому развитию каждой из них, а также в путях и способах их минимизации или устранения.

В первую очередь это касалось обсуждения вопросов взаимодействия участников евразийского интеграционного процесса по сугубо экономическим аспектам, включая развитие взаимной торговли, а также кредитно-финансовой, банковской и инвестиционной деятельности.

В частности, итоги первых лет функционирования Таможенного союза и Единого экономического пространства показали, что Белоруссия, сумевшая извлечь определенные выгоды из своего участия в этих интеграционных организациях⁵⁸, стремится не только закрепить, но и развить эти успехи, делая при этом основной акцент в своих предложениях на обеспечении максимальной свободы хозяйственной деятельности в рамках формирующегося Евразийского экономического союза.

Поэтому, с одной стороны, президент страны А.Г.Лукашенко настаивает на необходимости соблюдения неразрывности и преемственности осуществляемых интеграционных мероприятий, подчеркивая, что следует «в полном объеме реализовать договоренности, которые уже были достигнуты при формировании

⁵⁷ <http://www.kremlin.ru/transcripts/19918>

⁵⁸ Отражением этого стало, в частности, увеличение доли Белоруссии во взаимном товарообороте членов ТС в 2011-2013 гг. с 21,1 до 27,8%. (<http://www.eurasiancommission.org>)

Таможенного союза и ЕЭП, взять из них все лучшее, создать такую правовую систему и структуру будущего союза, которая обеспечит его высокую эффективность».⁵⁹

А с другой стороны Минск рассчитывает на то, что ему удастся за счет активизации торгово-экономического взаимодействия с членами ЕАЭС на выгодных для себя условиях существенно компенсировать значительные потери, которые он несет в отношениях с другими своими внешнеэкономическими партнерами, в особенности со странами Евросоюза.

Стремясь сохранить в этих целях максимальную свободу маневра при осуществлении хозяйственных мероприятий в рамках ЕАЭС, Минск выступает против закрепления в тексте договора о ЕАЭС положений, которые бы налагали на Белоруссию твердые обязательства формировать экономическую политику на единых принципах со своими партнерами по Евразийскому экономическому союзу и выполнять общие для всех решения.

Одновременно, считает А.Г.Лукашенко, к числу первоочередных задач, которые предстоит решить еще на стадии подготовки к подписанию договора о Евразийском экономическом союзе, следует отнести снятие до января 2015 г. всех тарифных и нетарифных ограничений в торговле между участниками евразийской интеграции. Речь, в частности, идет о таких товарах (имеющих, заметим, критически важное значение для экономики Белоруссии), как нефть, газ, нефтепродукты, лекарственные средства и медицинские изделия, автомобили, алкогольная и табачная продукция, торговля которыми, подчеркивает белорусский президент, все еще осуществляется со многими изъятиями и ограничениями.

Не оставляет без внимания необходимость устранения организационных и функциональных недостатков, выявившихся на предыдущих стадиях хозяйственной деятельности Таможенного союза и ЕЭП, и недопущения их повторения в формате Евразийского экономического союза, и руководство Казахстана. Весьма резко по этому поводу выступил Н. Назарбаев на заседании Высшего Евразийского экономического совета в октябре 2013г. в Минске, где он высказал острые критические замечания относительно недостатков действующего таможенного кодекса ТС, негативно влияющих, по его мнению, на торговые интересы Казахстана, как например, на продвижение казахстанских продовольственных товаров, включая мясо и мясопродукты, на российский рынок.

К числу других проблем, которые необходимо решить при создании Евразийского экономического союза, следует, по его мнению, отнести обеспечение свободного транзита электроэнергии, нефти и нефтепродуктов через территорию членов этого интеграционного объединения, а также достижение соглашения между ними по железнодорожным тарифам⁶⁰. В основе этих требований лежит одна из основополагающих идей, которую выдвигал Казахстан еще на начальных стадиях формирования евразийского интеграционного процесса, а именно необходимость создания трансконтинентального транспортного коридора между Восточной Азией и Европой через территорию России, Казахстана и Белоруссии.

Эти и другие вызовы и проблемы экономического характера, с которыми сталкивается Казахстан по мере становления и развития процесса евразийской интеграции, являются предметом серьезного беспокойства в политических и деловых кругах этой страны и, несомненно, влияют на их отношение к перспективам евразийского экономического сотрудничества.

⁵⁹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/19918>

⁶⁰ «Коммерсантъ». М. 24.10.13

Так, в Казахстане изначально рассчитывали, что участие в Таможенном союзе должно было едва ли не беспрепятственно открыть местным предпринимателям для реализации своей продукции объединенный 160-миллионный рынок трех стран-членов ТС. Вместе с тем в действительности эти надежды не оправдались или оправдались лишь частично. Более того, вопреки ожиданиям Казахстан не только не сумел сохранить, но даже стал уступать свои позиции на объединенном рынке, о чем свидетельствует сокращение его доли во взаимном товарообороте стран-членов ТС с 11,3% в 2011 г. до 9,4% к ноябрю 2013 г.⁶¹

Причины происходящего разнообразны и диктуются как внутренними, так и внешними факторами. Но, пожалуй, самая важная из них заключается в сохранении – даже на фоне российской и белорусской экономики – сугубо сырьевого характера национального производства и экспорта Казахстана и неспособности, по крайней мере, пока, его преодолеть. Именно поэтому казахстанские предприниматели ожидаемо и проигрывают конкурентную борьбу своим партнерам из России и Белоруссии по ТС и ЕЭП.

Впрочем, проблема эта не нова, и о ней говорили и писали не раз еще с самого начала формирования Таможенного союза. При этом обращалось внимание на то, что, во-первых, создание Таможенного союза как раз и преследует в качестве одной из своих важнейших целей поощрение наиболее конкурентоспособных производителей, независимо от их национальной принадлежности, сокращение на этой основе издержек производства и накладных расходов и, в конечном счете, снижение цен для потребителей. И, во-вторых, отмечалось, что в аргументах критиков Таможенного союза присутствует явное лукавство – ведь и Россия, и Белоруссия, и Казахстан, объявив о намерении вступить в ВТО, вряд ли могут рассчитывать, что по достижении этого рубежа конкуренция местным производителям со стороны, допустим, бизнесменов из США, стран Евросоюза или Японии будет менее жесткой, чем со стороны партнеров из стран-членов ТС.

Сказанное не должно вместе с тем означать пассивного отношения со стороны как национальных контрольных и регулирующих органов стран-членов ТС/ЕЭП, так и Евразийской экономической комиссии (ЕЭК) к угрозе поглощения рыночной стихией интеграционных начинаний на постсоветском пространстве. Нетрудно предсказать в этом случае неизбежный провал всего евразийского проекта. Поэтому его участникам следует самым решительным образом активизировать усилия по принятию и внедрению эффективного механизма регулирования рыночных отношений в рамках создаваемого ЕАЭС.

Важную роль в достижении позитивных результатов на этом направлении может сыграть принятие членами ТС/ЕЭП закона «О конкуренции», в который должны войти все положительные нормы, имеющиеся на данный момент как в их национальных законах о конкуренции, так и в мировой антимонопольной практике.

Упорядочению ведения финансовых операций в рамках Евразийского союза и усилению контроля над ними должно способствовать и намерение участников евразийского интеграционного процесса создать «по истечении некоторого времени с момента начала функционирования ЕАЭС, а именно до 2020 года, единый финансовый рынок трех стран-участниц». Комментируя эти планы, заместитель главы Минэкономразвития РФ А. Лихачев подчеркивает, что в результате предполагается синхронизация нормативной базы трех стран, включая взаимное признание лицензий, выдаваемых коммерческим банкам⁶². Председатель Национального банка Казахстана Г. Марченко также считает, что «необходимо к

⁶¹ <http://www.eurasiancommission.org>

⁶² “Zakon.kz.” 28.12.13

2020 г. выстроить схему единого финансового рынка, способного эффективно функционировать, в том числе в части противодействия проблемам, возникающим в период кризиса» и создать единый финансовый орган ЕАЭС.⁶³

Иными словами, учредители Евразийского экономического союза планируют проделать весьма значительный объем работы по созданию и принятию целого комплекса законов, которые должны стать общепризнанной правовой основой их эффективного хозяйственного взаимодействия. Следует, однако, учитывать при этом, что создание общей законодательной базы, при всей ее несомненной важности, является лишь отправной точкой в деятельности ЕАЭС, ибо, как вполне справедливо заметил председатель коллегии Евразийской экономической комиссии В. Христенко, выступая на Шестом Астанинском экономическом форуме в мае 2013 г., «Евразийский экономический проект – это стратегический долгосрочный проект. Ожидать моментальных эффектов в проекте такого рода – это значит питать иллюзии».⁶⁴

Вместе с тем, заметим попутно, завышенные ожидания (а то и откровенные требования) получения едва ли не немедленных крупных материальных выгод в случае присоединения к евразийскому интеграционному процессу демонстрируют некоторые постсоветские страны, еще только планирующие подобные шаги и не вышедшие за рамки выполнения предварительных условий, дающих им право претендовать на членство в уже созданных (ТС/ЕЭП) или создаваемых (ЕАЭС) интеграционных организациях.

К их числу относится, в частности, Киргизия, руководство которой еще недавно не раз подчеркивало, что вступление в Таможенный союз по существу предрешено и отвечает коренным интересам киргизского народа. Однако в декабре 2013 г. президент Киргизии А. Атамбаев неожиданно предостерег, что участие в этом интеграционном объединении может при определенных условиях угрожать социально-политической стабильности страны.⁶⁵

Одновременно премьер-министр Ж. Сатыбалдиев и министр экономики Т. Сариев выступили с требованиями проведения дополнительных переговоров с Таможенным союзом относительно сохранения действующих в Киргизии таможенных пошлин на длительный переходный период (от 5 до 10 лет) по более чем 1000 товарных позиций, объясняя это необходимостью обеспечения бесперебойного получения продукции, необходимой для внутренних производственных, инвестиционных и потребительских целей.⁶⁶

Кроме того, в Киргизии стали выдвигаться условия объявления трех оптовых рынков «Дордой», «Мадина» и «Кара-Суу», через которые в последнее время осуществляется массовая контрабанда из Китая, зонами свободной торговли. Наконец, киргизская сторона настаивает на получении от Таможенного союза ежегодных многомиллионных компенсаций.⁶⁷

Создается впечатление, что подобные действия киргизских властей фактически являются попыткой выторговать такие условия присоединения к Таможенному союзу, которые бы не только не учитывали должным образом действующие нормы и правила этой организации, но и фактически их нарушали.

⁶³ "Tengrinews.kz" 24.05.13

⁶⁴ ИА «Новости-Казахстан». 23.05.13

⁶⁵ «Большая игра. Политика, бизнес и безопасность в Центральной Азии». М. 2013. № 06 (33) с.35

⁶⁶ Подробнее см. Т. Дыйканбаева. Таможенный союз и Кыргызстан. «Россия и новые государства Евразии»

М.2013. № 4 с.24-31

⁶⁷ А. Князев. Прием Киргизии в Таможенный союз на условиях Бишкека уничтожит это объединение. «Независимая газета». М. 24.12.13

Вышесказанное поэтому лишь подтверждает ранее неоднократно высказывавшиеся предупреждения о необходимости воздерживаться от сколько-нибудь поспешного расширения состава Таможенного союза.

Более того, существенное расширение состава членов Таможенного союза в обозримой, во всяком случае – ближайшей, перспективе вообще вряд ли целесообразно, поскольку главной задачей в настоящее время является консолидация этой организации, преодоление существующих внутренних проблем и противоречий и достижение ощутимого прогресса в уже намеченных совместных программах и планах. Именно достижение такого прогресса, а отнюдь не рост численности членов организации, должно стать подлинным критерием авторитетности и привлекательности Таможенного союза. В свою очередь именно реальные успехи ТС будут способствовать укреплению центроостремительных сил, выступающих в пользу экономической интеграции в различных постсоветских странах.

Согласие именно с таким подходом к проблеме расширения ТС и ЕЭП высказал и В. Христенко в своем цитировавшемся выше выступлении на заседании Шестого Астанинского экономического форума. "Сегодня для нас ключевой задачей является углубление интеграции, мы стремимся не повторить ошибок наших коллег из других интеграционных объединений, когда широта была поставлена во главу угла в ущерб глубине, что с моей точки зрения и приводит к серьезным проблемам, особенно в бурные кризисные времена", - сказал он.⁶⁸

Возвращаясь к анализу позиции Казахстана относительно дальнейшего развития евразийской интеграции и создания Евразийского союза, а также факторов, на эту позицию влияющих, следует подчеркнуть, что при всей значимости сугубо экономических соображений едва ли не большая важность придается руководством страны политическим аспектам этой проблематики. Особое внимание при этом обращается на необходимость предотвращения попыток, как считают в Астане, излишне политизировать евразийский интеграционный процесс, избегая, в частности, намерений включить в готовящийся договор о Евразийском союзе положений, выходящих за рамки собственно экономического характера.

«Создание Евразийского экономического союза, – считает Н.А.Назарбаев, – это в подлинном смысле инновационный проект современности, и он не является попыткой реставрации распавшегося СССР, как нам хотят это навязать... Мы идем не назад, а вперед, туда, куда ведут сегодня весь мир доминирующие интеграционные тренды. Сегодня глобализация и регионализация – это мейнстрим XXI века». «В нашем объединении, – продолжает Н. Назарбаев, – политический суверенитет государств прочен и незыблем, это аксиома. Более того, экономические интеграции развиваются именно для того, чтобы укрепить национальную государственность, сделать ее более устойчивой через устойчивую экономику».⁶⁹

Иными словами, казахстанский руководитель не скрывает своей озабоченности по поводу того, что евразийская интеграция может превратиться из сугубо экономического в геополитический проект, явно подразумевая при этом влияние Москвы, преследующей особые стратегические интересы на постсоветском пространстве.

В этой связи России необходимо не только не ослаблять, но и всемерно активизировать информационно-пропагандистское обеспечение своих планов проведения евразийских интеграционных мероприятий, акцентируя при этом

⁶⁸ ИА «Новости-Казахстан». 23.05.13

⁶⁹ <http://www.kremlin.ru/transcripts/19918>

внимание на том, что развитие именно экономического сотрудничества в результате создания Евразийского экономического союза является и будет оставаться на обозримую перспективу магистральным направлением ее взаимодействия с партнерами по интеграции.

Некая же политическая трансформация Евразийского экономического союза, членов которого объединяли бы общие цели не только в экономической сфере, но и в вопросах внутренней и внешней политики и безопасности, гуманитарной и культурной областях, по всей видимости, реально может рассматриваться лишь как параллельно идущий эволюционный процесс, скорость развития которого, равно как и его результативность будут определяться формированием достаточно благоприятных для этого условий во всех государствах-членах ЕАЭС.

В.А. Оленченко

УКРАИНСКИЙ ВОПРОС В ЕВРОСОЮЗЕ

С середины 2013 г. и по настоящее время на Украине наблюдается обострение внутривнутриполитической обстановки, что генерирует турбулентность и вокруг нее. Главным раздражителем выступает вопрос возможной ассоциации Украины с Евросоюзом, а точнее размежевание мнений в украинском обществе по этому вопросу. Украинское большинство в ноябре 2013 г. высказалось за то, чтобы пока не подписывать договор об ассоциации и дополнительно изучить условия ассоциированного партнерства с ЕС. Украинское же меньшинство инициирует массовые уличные беспорядки и настаивает на безоговорочном принятии условий, предлагаемых Евросоюзом. Украинский внутривнутриполитический конфликт приобрел затяжной характер, в котором конфликтующие стороны занимают непримиримые позиции.

Украина испытывает серьезное политическое и экономическое давление со стороны Евросоюза и США, которым не удается придерживаться в украинской внутривнутриполитической дискуссии нейтральной позиции, вытекающей из норм международного права и дипломатической этики поведения. Напротив, высокопоставленные чиновники и политики ЕС и США систематически посещают Киев, участвуют в митингах сторонников ассоциации, где публично высказываются в поддержку украинского меньшинства. Одним словом, происходит то, что называется необъективной оценкой происходящего на Украине и вмешательством в ее внутренние дела.

Неоднозначно и восприятие ситуации на Украине у ее ближайших соседей. Так, в России демонстрируется уважение к независимой политике Украине и считается, что она в ноябре 2013 г. приняла решение в пользу самостоятельной внешнеполитической линии вопреки предлагаемому евроатлантическим концепциям дискурсу о необходимости обязательного выбора между Западом и Россией. Другие государства – соседи Украины, в частности, некоторые восточноевропейские государства, несмотря на свое членство в Евросоюзе, сдержанно относятся к активности Еврокомиссии на украинском направлении. Они склонны считать, что тактика ЕС на Украине не отличается признания достоинства Украины, и в этой связи некоторые комментаторы в странах Вышеградской группы допускают формулировки о том, что со стороны Евросоюза имеет место грубое вмешательство в славянское цивилизационное пространство.

Для объективного восприятия сложившейся на Украине ситуации важно уяснение нескольких принципиальных моментов. Первый из них – то, что вопрос возможной ассоциации Украины с Евросоюзом был генерирован Брюсселем в одностороннем порядке и в дальнейшем инициатива развития вопроса равно как и поддержание его активной динамики исходили также со стороны ЕС. Второе – то, что вопрос имеет достаточно длительную историю и появился он еще до расширения Евросоюза, включившего в мае 2004 г. восточноевропейские и прибалтийские государства. Третье – то, что нынешнее обострение обстановки на Украине стало следствием решения Еврокомиссии побудить украинское руководство подписать договор об ассоциации с Евросоюзом в ноябре 2013 г. в период председательства Литвы в ЕС.

Эксперты сходятся во мнении, что отправной точкой европейского интереса к Украине можно считать саммит ЕС в 2000 г. в Ницце (Италия), где было принято решение о расширении Евросоюза на Восток и, в частности, было дано согласие на присоединение к его пространству восточноевропейских (Венгрия, Словакия, Польша, Чехия) прибалтийских стран (Латвия, Литва, Эстония), двух средиземноморских (Кипр, Мальта) и одной балканской (Словения).

Первоначально в Брюсселе не претендовали на поглощение Украины. Их больше беспокоило возможное экономическое сближение, а точнее восстановление исторических экономических связей между наиболее крупными бывшими советскими республиками. Так, в докладе Комиссии по иностранным делам Европарламента, датированном 06 ноября 2003 г., в качестве одного из центральных пунктов говорилось об обеспокоенности возможным формированием экономического союза между Беларуссией, Казахстаном, Россией и Украиной и рекомендовалось предпринять меры по их недопущению.

Применительно к Украине в докладе отмечалось «... установление Общего экономического пространства России, Украины, Беларуссии и Казахстана может стать тормозом в развитии отношений Украины с Евросоюзом ...». Таким образом, украинский вопрос стал приобретать статус приоритета для Евросоюза еще за полгода до его расширения в 2004 г. и давшего практическое начало экспансии ЕС на Восток. Примечательно, что вступление восточноевропейских и прибалтийских стран в Евросоюз не смогли заслонить собой для Брюсселя интерес к Украине. Стоит также отметить, что упомянутый выше доклад Еврокомиссии появился за 10 лет до сдвоенного саммита Евросоюза и Восточного партнерства в Вильнюсе (Литва) в ноябре 2013 г. Нельзя не отказать функционерам Евросоюза в перспективном мышлении⁷⁰.

Доклад способствовал активизации контактов между Украиной и Евросоюзом, которые первоначально осуществлялись в основном через страны-соседи, ставшие членами ЕС. Почти одновременно Евросоюз стал проявлять интерес к России, Казахстану и Беларуссии. Брюсселем предполагалось продемонстрировать к ним дифференциальные подходы и тем самым создать по возможности четыре отдельных диалога. С одной стороны такая тактика порождала бы у каждой страны иллюзию особых отношений с Евросоюзом. С другой – вызывала бы у всех четырех сомнения в том, как в действительности идут двусторонние переговоры их партнеров с Евросоюзом и каково их истинное содержание. Логично предположить, что отмеченные факторы не должны были бы способствовать объединению четырех стран. А в плане сближения развитие получило лишь украинское направление.

⁷⁰ Вышеградская Европа. Приложение к журналу Института Европы РАН «Современная Европа» 2013, № 4. С.6. Институт Европы РАН.

Одним из направлений подтягивания Украины к Евросоюзу служила программа «Европейская политика соседства», принятая Евросоюзом в 2003 г. В ее рамках силами новых членов ЕС демонстрировалось предпочтение Украине. К примеру, по инициативе Словении были начаты в 2007 г. переговоры с Украиной «об усиленном партнерстве». Несколько ранее – в 2005 г. при поддержке польского руководства в Киеве было создано «Сообщество демократического выбора», объединившего страны «которые не желали находиться в зоне влияния России».

Эстафету перечисленных мероприятий по втягиванию Украины в орбиту Евросоюза приняла программа «Восточное партнерство». Ее главное отличие от предыдущих заключалось в том, что она уже предусматривала практические шаги по подготовке и введению режима ассоциации Украины с Евросоюзом.

Для понимания смысла и назначения программы «Восточное партнерство» полезно рассмотреть сроки его введения в международный оборот. В предварительном виде программа была представлена в 2008 году Польшей и Швецией как совместный проект. Официальный статус она обрела в мае 2009 г. на пражском саммите ЕС и стран – участниц «Восточного партнерства». Отталкиваясь от этих сроков можно рассматривать программу «Восточное партнерство» как отголосок периода успешного экономического роста, и тогда она может показаться малосвязанной с нынешними посткризисными реалиями. Однако, авторы программы (Польша, Швеция) и Еврокомиссия как бы игнорируют это обстоятельство и выносят программу, как показал ее Вильнюсский этап, в центр своей деятельности, которая фокусируется на путях и возможностей преодоления последствий глобального кризиса 2008-2009 гг. и кризиса в зоне евро. Анализ представленных фактов порождает разные мнения. В этом разрезе обоснованной кажется версия о том, что проект «Восточное партнерство» разработан как инструмент по выходу Евросоюза из кризиса, а следовательно он не случайно появился на излете активной фазы кризиса и в точке перехода к нейтрализации его негативных последствий⁷¹.

Многие эксперты увлекаются комментированием декларативных целей есовских программ и не задаются вопросом о том, для чего в действительности разрабатывались эти программы, хотя бы в ракурсе того, что согласно своим учредительным документам Евросоюз не является филантропической организацией, а создавался для объединения усилий по улучшению экономического благосостояния своих членов.

В частности, при более внимательном рассмотрении программ по принятию в членство ЕС восточноевропейских стран выявляется то, что эти программы несли смысловую нагрузку обеспечения конкурентных преимуществ и гарантий европейскому капиталу в освоении восточноевропейских рынков.

Наглядным примером может служить Прибалтика, где до 2000-го года иностранные компании, хотя и активно открывали свои представительства, но сдержанно относились к возможностям инвестирования. Так, северо-европейские финансовые группы, устремившиеся в прибалтийские республики в середине 90-х XX столетия, не демонстрировали предпринимательской активности до начала следующего столетия. Судя по всему, для них как вообще для западного капитала, распад Советского Союза воспринимался ими с некоторым недоверием. Их беспокоила возможность реверсивного движения, перспектива восстановления прежнего состояния дел.

Переломным принято считать саммит ЕС в 2000 г. в Ницце, где было принято принципиальное решение о возможности расширения Евросоюза на Восток.

⁷¹ См. <http://www.regnum.ru/news/1737429.html#ixzz2lm1NNUD4>- материал информагентства Regnum

Будущие западные инвесторы обрели уверенность. С одной стороны, они уже имели сроки будущего включения стран инвестирования своего капитала в члены ЕС. С другой возникли правовые основания обращаться к Еврокомиссии. Поэтому именно в начале нулевых годов в случае каких-либо непредусмотренных ситуаций в инвестируемых странах североевропейские банки, провели масштабную кредитную и инвестиционную кампанию на прибалтийском пространстве, закрепив за собой такие позиции, которые позволили им публично именовать страны Балтии внутренним рынком Северной Европы. И сами прибалтийские руководители эту формулировку не оспаривают.

Пример прибалтийских стран выбран не случайно. Там были апробированы экономические и политические технологии Евросоюза и в целом евроатлантического сообщества, которые в настоящее время примеряются и к Украине. Примечательно и то, что североевропейский капитал первоначально появился в украинском пространстве с позиций Прибалтики и под видом прибалтийских банков. Скажем, к примеру, шведы приобретали прибалтийские компании, сохраняя их название и национальный статус, и в таком виде начинали действовать на Украине.

Пока не полностью раскрыт механизм «европеизации» Украины в период президентства В. Ющенко (2005-2010 гг.) и премьерства Ю. Тимошенко (2005, 2007-2010 гг.). Оба политика характеризовались откровенно проевроатлантической ориентацией, и во время их руководства Украина поддерживала активные контакты с Евросоюзом. Тем не менее, двусторонние переговоры не дошли до подписания договора об ассоциации. Парафирован он был только в 2012 г., то есть в то время, когда они уже были не у власти.

Сопоставляя обоих политиков, эксперты констатируют, что в деятельности В.Ющенко преобладал проамериканский уклон, в то время как Ю.Тимошенко склонялась вроде бы в пользу Евросоюза. Поскольку украинский президент имел больше полномочий, и в его компетенцию входило определение внешнеполитических приоритетов Украины, то логично предположить, что сопротивление сближению с Евросоюзом могло исходить от В.Ющенко, так как в то время это в той или иной степени противоречило интересам США. По крайней мере, фактом является то, что именно президентская администрация В.Ющенко постоянно требовала от Евросоюза пересмотра или уточнений отдельных положений договора об ассоциации. Отсюда закономерно утверждать, что торможение процесса подготовки ассоциации Украины с Евросоюзом в 2005-2010 гг. могло быть результатом деятельности проамериканского лобби в тогдашнем украинском руководстве.

В пользу этой версии говорит и то, что смена украинских президентов и приход к власти В.Януковича, придерживающегося равноудаленного отношения к США и Евросоюзу в том смысле, что он не отдает предпочтения ни тем ни другим, привело фактически к уравниванию европейских и американских шансов по сближению с Украиной.

Видимо поэтому в период перед Вильнюсским саммитом американский президент считал необходимым встретиться в конце августа 2013 г. с президентами стран Балтии, и одним из основных пунктов повестки этой встречи было «Восточное партнерство». США были обеспокоены тем, что украинско-европейское соглашение может сузить их позиции на Украине.

Помимо соперничества между Евросоюзом и США за Украину, просматриваются интересы и других стран, преследующих свои собственные цели, имеющие экономическое обоснование. Так, программа «Восточное партнерство», авторами которой, как известно, выступили Швеция (К.Бильдт) и Польша

(Р.Сикорский) в случае ее реализации открывала бы дополнительные возможности североευропейским финансовым группам (среди которых доминируют шведские) на украинском рынке. Шведам «Восточное партнерство» виделось юридическим гарантом их деятельности на Украине. Видимо они испытали те же опасения, которые некогда ими владели в Прибалтике – не возникнет ли реверсивного движения по восстановлению национальных прав местного бизнеса и не пострадают ли их активы на Украине.

Кроме того, шведское авторство программы «Восточное партнерство» сопряжено и с американскими интересами. Шведские банки в значительной степени снабжаются средствами для кредитной и инвестиционной деятельности со стороны пенсионных и страховых фондов США. Следовательно, по схеме, успешно испытанной в Прибалтике, американские деньги и шведские банки могли бы под эгидой Евросоюза получать солидную прибыль от финансовых операций на Украине, прежде всего, от кредитования населения. А население на Украине находится на уровне 45 млн. человек.

Польские мотивы носят несколько другой характер. Они происходят из исторической традиции польских амбиций по поводу западных украинских земель. Слияние в XVI в. Литвы и Польши в единое государство – Речь Посполитую предполагало, что Литва передаст под польское руководство часть своих земель, прилегающих к польским территориям – западных украинских и белорусских земель. И те и другие достались Литве не столько в результате исторических завоеваний или дипломатических маневров, а большей частью по старославянскому праву, которое предполагало наследование по горизонтали, а не по вертикали, то есть первым наследником становился брат, а не сын или внук. Вследствие этих обстоятельств Литва, которой правили князья русского происхождения, присоединила к себе западные украинские и белорусские земли. Именно они стали литовским вступительным взносом в Речь Посполитую и именно их Польша затем объявила своими исконными землями. Тем не менее, несмотря на более чем двухвековое польское господство (1569-1795 гг.) над этими землями полякам не удалось ни ассимилировать местное украинское и белорусское население, ни примирить его с признанием себя как части Польши.

В результате на западных украинских землях сложилась прочная традиция украинского национализма, возникшего первоначально в качестве противостояния политике ополячивания. В дальнейшем национализм здесь стал многовекторным. В настоящее время украинские националисты претендуют на статус отдельной оппозиции любой власти, кроме националистической. А на причастности Варшавы к программе «Восточное партнерство» отразилась в очередной раз польская ностальгия по Речи Посполитой.

Рассуждая о сценариях развития ситуации на Украине и перспективах ее возможной ассоциации с Евросоюзом, большинство экспертов и политиков оставляют за рамками своих исследований потенциал Евросоюза, динамику его развития и взаимоотношений США – ЕС. Другими словами, перечисленные факторы воспринимаются ими как нечто неизменное, стабильное и неуязвимое, хотя на самом деле ни в Евросоюзе ни в евроатлантическом партнерстве не наблюдается твердого консенсуса ни по одному принципиальному вопросу.

С этой точки зрения украинский вопрос высвечивает ряд любопытных тенденций. Главной и в меру неожиданной видится заявление германских руководителей на Мюнхенской конференции по безопасности о том, что Германия намерена играть более активную роль во внешней международной политике и, в частности, в области безопасности. Применительно к Украине это может означать,

что германские интересы на Украине могут реализоваться и вне брюссельского и вне евроатлантического контекста. Не менее интересна и возможная корректировка политики США в Европе и на Украине. На эту мысль наводит то, что с осени 2013 г. европейское направление в госдепартаменте США курирует В.Нуланд. Из ее послужного списка можно сделать вывод, что она специализируется на дипломатическом обеспечении американских силовых акций за рубежом. В самом Евросоюзе происходит процесс постепенной фрагментации, то есть обособления групп стран по географическому и экономическому признаку. К примеру, можно назвать установление своего рода протектората стран Северной Европы над странами Балтии.

К стабилизирующим факторам можно отнести то, что реакция России на европейские и американские претензии на Украину становится все более внятной и все более твердой. Если обратиться к ретроспективе вопроса возможной украинской ассоциации с Евросоюзом, то следует самокритично признать, что в России недооценивали инициативы и практическую деятельность структур ЕС, направленную на переориентацию стран СНГ на сближение с Евросоюзом.

В качестве подытоживающих выводов можно было бы отметить следующее. Видимо пора отказаться от практики воспринимать предлагаемые Евросоюзом инициативы и программы для постсоветского пространства как проявления некоего европейского идеализма. Предпочтительнее начинать их внимательное и глубокое изучение на самых ранних этапах, имея в виду заблаговременную выработку стратегии и тактики по не конфронтационному, но ясному реагированию на действия Евросоюза, затрагивающие российские интересы.

Э.А. Попов

ВЫБОРЫ НА УКРАИНЕ И ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Итоги парламентских выборов на Украине 28 октября 2012 г. сразу же после подведения предварительных итогов произвели впечатление сенсации. Главный их итог — падение уровня электоральной поддержки «старых» (как провластных, так и оппозиционных) партий, свидетельствующий об углублении системного кризиса сложившейся за последнее десятилетие партийной системы.

Выборы проводились по смешанной системе — 225 депутатов избраны в общегосударственном многомандатном округе по избирательным спискам от политических партий, а остальные 225 — по мажоритарной системе в одномандатных округах. Участие в выборах приняли только политические партии; участие блоков, состоящих из партий, не было предусмотрено.

В одномандатных округах были избраны 220 депутатов, из них от Партии регионов — 113, от "Батькивщины" — 39, от "Свободы" — 12, от партии "УДАР" — шесть, от "Единого центра" — три, от Народной партии — два, по одному — от партии "Союз" и радикальной партии Олега Ляшко, а также 43 самовыдвиженца. Результаты голосования по партийным спискам: Партия регионов получила 72 мандата, "Батькивщина" — 62, "УДАР" — 34, Компартия — 32, "Свобода" — 25.

Таким образом, от Партии регионов в парламент вошли 185 депутатов, от "Батькивщины" — 101, от "УДАРа" — 40, от "Свободы" — 37, от коммунистов — 32, от "Единого центра" — 3, от Народной партии — 2, от "Союза" — 1, от Радикальной партии Олега Ляшко — 1. Помимо этого, в Верховную Раду попали 43

самовыдвиженца. Эти результаты для многих оказались неожиданными. К примеру, еще за 3-4 месяца до дня голосования аналитики ставили под сомнение возможность преодоления неонацистской партией «Всеукраинское объединение «Свобода»» проходного барьера.

Сразу оговоримся по терминологическим вопросам. ВО «Свобода» неоправданно именуется в украинской и российской прессе националистической партией. Однако следы идеологии украинского национализма можно обнаружить также в программах других, более умеренных партий и блоков, в том числе, прошедших в нынешний состав Верховного совета (рады) Украины. Тогда как системообразующие пункты свободовской программы позволяют идентифицировать ее как партию неонацистской направленности. Воинствующий антисемитизм и русофобия, призыв к расовой и этнической сегрегации — эти и ряд других партийных тезисов и деклараций выводят «Свободу» далеко за рамки даже радикального национализма.

Напомним, что генезис «Свободы» проистекает из Социал-национальной партии Украины (СНПУ), от которой ее отличает больше тактический, хотя и немало важный компонент: отказ от приоритета прямого действия в пользу парламентских форм борьбы. Подобную трансформацию прошла в свое время и Германская национал-социалистическая партия трудящихся (НСДАП), после провала неудачного похода на Берлин, известного как «пивной путч» (8-9 ноября 1923 г.) поменявшая акценты в методах политической борьбы в пользу легального и формально легитимного захвата власти. В трансформации идеологической программы и методологии политической борьбы «Свободы» можно обнаружить немало параллелей с германской предшественницей. В том числе, в вопросах электоральной работы, позволившей этой в общем-то маргинальной сегодня на Украине партии добиться впечатляющих успехов на «чужой» территории — в частности, в методике привлечения финансовых средств у мелкого предпринимательства и крупного финансового капитала. Этот аспект электорального успеха «Свободы» требует отдельного рассмотрения. Однако очевидно, что успех «Свободы» на выборах был бы невозможен — даже при изобретательной избирательной политике — без наличия неких договоренностей внутри украинских политических верхов. В радикально националистических и неонацистских кругах Украины еще на начальном этапе после победы Виктора Януковича на президентских выборах (январь 2010 г.) раздавались обвинения в адрес лидера «Свободы» Олега Тягнибока в соглашательстве с финансистами Партии регионов. Дело в том, что использование «Свободы» в качестве жупела неонацистов объективно отвечает внутри- и внешнеполитическим интересам регионалов. В целом же фракция «Свобода» играет подчиненную роль в нынешнем составе Верховного совета (рады) и используется для оказания давления на «прежнюю» «оранжевую» оппозицию и внешнеполитических конкурентов Украины.

Представляется, что главное предназначение парламентской фракции «Свободы» все же связано с внешнеполитическим фактором. В частности, она может быть использована для воздействия на соседние страны, особенно те из них, которые имеют сложные взаимоотношения с Украиной — прежде всего Венгрии и Румынии (проводящих политику этнической мобилизации и политизации собственных соответственно мадьярского и румынского меньшинств, проживающих на украинской территории), Польши (использующей в конкурентной политической борьбе вопрос «волынской резни» 1942-1943 гг. польского населения украинскими коллаборационистами) и, конечно, России. В частности, ожидаемым следствием прохождения свободовцев в Раду и объединение вокруг них парламентской

антироссийской оппозиции стало инициирование вопроса о денонсации Харьковских соглашений и судьбе российской военно-морской базы в Севастополе. Указанная фракция нужна также нынешнему руководству Украины и для муссирования такого острого и болезненного вопроса, как ценообразование на газ, поставляемый из России на Украину. Хотя, конечно, возможностей и масштабов влияния неонацистской фракции не следует преувеличивать, поскольку она играет подчиненную роль в украинской политической жизни.

Сейчас российско-украинские отношения в газовой сфере находятся в состоянии очередного кризиса. Украинская сторона в обход договоренностей периодически не добывает газ, поставляемый России. И если в 2012 г. ОАО «Газпром» не пошел на предъявление штрафных санкций, продемонстрировав жест доброй воли, то в начале 2013 г. позиция российского газового монополиста изменилась. Поскольку объемы недобора украинской стороной российского газа растут (это является отражением общеевропейской тенденции снижения потребления газа и превышения предложения перед спросом), «Газпром» недополучает существенную долю ожидаемой выручки. В соответствии с двусторонними контрактами украинская компания должна была закупить в 2012 г. не менее 41,6 млрд кубометров газа, по факту же «Нафтогаз» употребил около 27 млрд⁷².

В середине февраля «Газпром» предъявил счет компании «Нафтогаз Украины» в размере 7 млрд долларов. При этом каждая из сторон апеллирует к собственной системе аргументации. Киев стремится политизировать вопрос, увязывая высокую цену на голубое топливо с давлением России, требующей вхождения Украины в Таможенный союз. Украинская сторона требует предоставления серьезных скидок на газ, предлагая взамен участие «Газпрома» на паритетных началах с европейскими газовыми компаниями в долгосрочной аренде собственной ГТС. Скептическое отношение российской стороны к данному предложению обоснованно, так как оно выдает двойную выгоду Украины — от снижения цены на российский и реэкспортируемый Россией газ и желание модернизировать стремительно устаревающую газо-транспортную систему за счет зарубежных арендаторов.

Позиция российской стороны заключается в последовательной деполитизации газовых споров и возвращение их на почву экономических, юридически закрепленных договоренностей. Предложение Украины выглядит в этом контексте неадекватным, особенно в свете падающих объемов транспортировки российского газа через украинскую территорию после ввода в строй «Северного потока» и готовящегося ввода «Южного потока». Однако на стороне Украины возможность (по крайней мере, гипотетическая) возбуждения судебных разбирательств в международных арбитражных судах. Возможность возникновения каких-то прецедентов и создание сложностей «Газпрому» играет на руку украинской стороне, поскольку перспективы судебных разбирательств достаточно непредсказуемы и, как минимум, неприятны для российской стороны.

Однако в Киеве осознают ограниченность ресурса международного арбитража и делают главную ставку на достижение двусторонних договоренностей. С этой целью состоялась серия встреч российского и украинского президентов, на которых основным обсуждаемым вопросом стал вопрос ценообразования на российский газ. Последняя такая встреча состоялась совсем недавно. При этом каждая из сторон видела свою главную повестку дня. В. Путин акцентировал внимание на вопросе о

⁷² Эксперт. №5. 4-10 февраля 2013 г. С. 8.

возможном подключении Украины к интеграционным процессам на евразийском пространстве — к Таможенному союзу России, Белоруссии и Казахстана и Евразийскому экономическому пространству. По словам российского президента, процитировавшего специалистов Института прогнозирования Академии наук Украины, рост ВВП Украины от такого присоединения составит от 1,5 до 6%⁷³. Украинская же сторона традиционно апеллирует к российским коллегам по вопросу цен на поставляемый газ. Выступая на одном из украинских телеканалов накануне встречи, президент Украины выразил надежду, что цена на российский газ будет снижена.

В ходе встречи президент России выразил сожаление по поводу сокращения российско-украинского товарооборота. В позапрошлом году он был 50 с небольшим миллиардов, в прошлом – уже 45. Подразумевался недобор украинской стороной российского газа, а также изменение структуры взаимной торговли в сторону сокращения негазовой составляющей российского экспорта. За январь-ноябрь 2012 г. размер внешней торговли с Россией составил лишь 89,7% объема торговли за аналогичный период предыдущего, 2011 года⁷⁴. В канун встречи в верхах отмечалось, что Россия – главный торговый партнер Украины (30% в общем объеме украинского товарооборота в 2012 г.). Украина занимает первое место среди торговых партнеров России на пространстве СНГ. Именно на важность и взаимовыгодность экономической кооперации между двумя странами обращалось внимание российской стороной, а не только на газовые проблемы.

Общий спад торговых объемов при растущем украинском экспорте в Россию характерен и для региональной торговли. Продемонстрируем это на примере взаимной торговли между российским и украинскими участниками еврорегиона «Донбасс» (ЕД), созданным в октябре 2010 г. и включающим в себя Ростовскую область России и Донецкую и Луганскую области Украины.

Вторая волна экономического кризиса, а также вступление России в ВТО существенно повлияли на объёмы торгового оборота приграничных регионов двух стран. За девять месяцев 2012 г. объем торговли между Ростовской областью и Украиной уменьшился по сравнению с аналогичным периодом 2011 года на 33%. Товарооборот внутри региона «Донбасс» сократился более чем в два раза. Экспорт в Донецкую и Луганскую области уменьшился в 2 раза. Импорт из Донецкой области сократился в 1,8 раза; из Луганской области — на 12%.

Обращает внимание более заметное сокращение доли экспорта донских товаров (в 2,3 раза) по сравнению с украинским импортом (в 1,9 раза). Наиболее резкое сокращение экспортируемых из Ростовской области на Украину товаров пришлось на минеральные продукты (в 2 раза) и продукцию машиностроения (в 3 раза). В Донецкую область объем поставок минерального топлива и нефти уменьшился в 3,2 раза; машиностроительной продукции в 1,5 раза. Полностью прекращен экспорт табачных изделий. В тоже время увеличились объемы поставок черных и цветных металлов (практически в 4 раза), изделий из стекла и изделий из пластмасс (почти в 5 раз).⁷⁵ Учитывая, что на минеральные продукты и продукцию машиностроения приходится 83% всех экспортируемых в Донецкую область товаров,

⁷³ Встреча с Президентом Украины Виктором Януковичем // Президент.рф. Дата публикации: 4 марта 2013 г.; Путин объяснил Януковичу выгоду от вступления в Таможенный союз // РИА «Новости». 4 марта 2013.

⁷⁴ См.: Географическая структура внешней торговли Украины товарами за январь-ноябрь 2012 года // www.ukrstat.gov.ua

⁷⁵ Торгово-экономическое сотрудничество Ростовской области с Донецкой областью Украины за 9 месяцев 2012 года // <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=115523>

увеличение поставок черных и цветных металлов, а также изделий из стекла и пластмассы (около 10%) лишь незначительно компенсировало издержки от резкого сокращения донского экспорта. Падение объемов экспорта продукции машиностроения (более чем в 3 раза), минеральных продуктов (более чем в 9 раз), древесины и целлюлозно-бумажных изделий (в 1,5 раза) в Луганскую область также затронули основные статьи донских экспортируемых товаров в данный регион (60% от всех товарных групп в 2012 г.).⁷⁶

Интенсификация торговых отношений в рамках ЕД, в частности, устранение таможенных барьеров позволит нарастить сбыт украинской продукции в Ростовскую область, что может привести к сокращению местного донского производства. В этой связи возрастает необходимость разработки эффективной государственной стратегии по защите российских производителей от зарубежной конкуренции. Сказанное выше применимо и к общей ситуации российско-украинского сотрудничества. Присоединение России к ВТО ужесточит конкурентную борьбу российских производителей с украинскими и другими зарубежными предприятиями и потребует более эффективной защиты собственных интересов в мире глобализующейся экономики.

А.Б. Крылов

ЮЖНЫЙ КАВКАЗ ПОСЛЕ ВЫБОРОВ

В 2013 г. в Армении, Азербайджане и Грузии прошли президентские выборы. В Армении они состоялись 18 февраля, в Азербайджане 9 октября и в Грузии 27 октября 2013 г. В двух первых странах действующие президенты Серж Саргсян (получил 58,6% голосов избирателей), Ильхам Алиев (84,72% голосов) без особых проблем обеспечили свое переизбрание на очередной срок. В Грузии же произошла смена главы государства. Кандидат от политического блока «Грузинская мечта» набрал более 60% голосов избирателей и победил в первом туре. Таким образом, в стране состоялся первый в ее постсоветской истории прецедент легитимной смены президента. Президентские выборы 2013 г. как бы завершили период становления на Южном Кавказе собственной независимой государственности. Дальнейшая судьба региона во многом зависит от того, насколько успешными будут государства региона в решении своих международных и внутренних проблем.

Формирование новых государств происходило на фоне стремительного социального расслоения, упадка промышленного и сельскохозяйственного производства. Прежние хозяйственные связи были разрушены, процесс становления новых экономических механизмов, государственных и общественных структур происходил на фоне острой борьбы за власть, роста влияния в регионе внешних сил, в условиях широкомасштабных войн в Нагорном Карабахе, Абхазии, Южной Осетии и множества других конфликтов.

Происходившие на Южном Кавказе процессы изначально затрудняли формирование нормальных и взаимовыгодных отношений на двусторонней основе – как с Россией, так и внутри данного региона. После распада СССР у новых политических элит и рядовых граждан возникли не только принципиально новые возможности, но и новые проблемы, продиктованные разделением региона несколькими государственными границами, увеличением демаркации местных

⁷⁶ Торгово-экономическое сотрудничество Ростовской области с Луганской областью Украины за 9 месяцев 2012 года // <http://www.donland.ru/Default.aspx?pageid=115522>

народов (как титульных, так и национальных меньшинств), которые теперь проживают в куда большем числе государств, чем прежде.

В период становления независимых государств новым элитам необходимо было легитимизировать полученную независимость и собственную власть в глазах общества. Одной из базовых идей, призванных обосновать историческую законность и закономерность создания независимых государств на месте бывших союзных республик, стал пересмотр истории 200-летнего развития Кавказа в составе Российской империи, а затем СССР. Стремление отказаться от общего исторического прошлого зачастую приобретало гипертрофированные и уродливые формы. В Грузии логическим завершением процесса конструирования принципиально новой концепции национальной истории стали взрывы памятников погибшим в Великой Отечественной войне, создание местных музеев «оккупации» по аналогии с прибалтийскими образцами и т.п.

Другой базовой идеей стала всемерная идеализация собственного народа и его истории, которая включала в себя и культивацию негативных стереотипов не только по отношению к русским и России, но и по отношению к соседним народам.

Однако продекларированное государствами региона стремление покончить с советским прошлым и развиваться по пути западной демократии не привело к решению основных проблем общества. В отличие от стран Запада во всех странах Южного Кавказа местная политическая и хозяйственная элиты активно занялись «освоением» и монополизацией доходных отраслей экономики. Это привело к быстрому социальному расслоению, в условиях которого правящие группы стремились переключить внимание общества с реальных проблем (социально-экономических и этнополитических) на «внешнюю угрозу» со стороны России и других врагов (внутренних и внешних).

В настоящее время государства Южного Кавказа играют неодинаковую роль на международной арене и имеют разную степень влияния и авторитета. Положение Азербайджана определяется его ролью поставщика энергоресурсов. Грузия стала энерготранзитером и пытается извлечь максимум возможных выгод из игры на противоречиях между Россией и США/ЕС. Армения стремится проводить разноректорную политику и даже после заявления президента С. Саргсяна от 3 сентября 2013 г. о намерении Армении вступить в Таможенный союз было бы преждевременным полагать, что ее руководство намерено изменить прежний курс коренным образом.

Страны региона пока не смогли решить задачу успешной политической и социально-экономической модернизации. Это вызвало массовые миграции из региона в Россию и другие государства. Для значительной части населения переезд в зарубежные государства оказался более приемлемым, чем проживание в собственных государствах, и это обстоятельство имеет важное значение в их отношениях с Россией.

Тенденция к осложнению положения на Южном Кавказе продиктована нарастанием нестабильности и возможностью втягивания региона в конфликты на Большом Ближнем Востоке. На 2014 г. намечен вывод войск США и их союзников из Афганистана, который, весьма вероятно, может повлечь за собой активизацию радикальных исламских сил, в том числе на Южном и Северном Кавказе. Возможная перекройка границ Большого Ближнего Востока может затронуть и государства Южного Кавказа.

После признания Россией независимости Абхазии и Южной Осетии полученные последними гарантии безопасности делают маловероятной возможность возобновления вооруженного конфликта. Вероятность же новой войны

в Нагорном Карабахе не исключена и во многом зависит от тех процессов, которые будут происходить в ближайшие годы в прилегающих к границам Южного Кавказа районах Большого Ближнего Востока.

Обеспечение мирного и устойчивого развития Кавказа – в интересах России и всех государств Южного Кавказа. Пока регион никак нельзя отнести к числу стабильных и процветающих регионов современного мира. В этой ситуации проблема выбора в пользу того или иного вектора своей политики, поиск своего места на международной арене и в рамках конкурирующих на постсоветском пространстве «европейских» и «евразийских» интеграционных объединений и проектов приобретает для стран региона особую актуальность.

К положительным тенденциям для региона можно отнести начало процесса нормализации российско-грузинских отношений. Победа оппозиционного блока «Грузинская мечта» на парламентских выборах 2012 г. и победа ее кандидата Г. Маргвелашвили на президентских выборах 2013 г. оказали большое влияние на ситуацию в регионе. Новое руководство заявило о намерении изменить характер российско-грузинских отношений. Грузия перестала играть свою прежнюю роль «антироссийского тарана» на Кавказе и на всем постсоветском пространстве.

Большую, если не определяющую роль в изменении политики Тбилиси сыграло то обстоятельство, что внешние игроки решили «взять паузу» на пока не слишком перспективном для себя грузинском направлении и сосредоточить свои усилия на других постсоветских странах (в первую очередь на Украине и Армении). В результате Москва и Тбилиси могут заняться нормализацией двусторонних отношений.

В условиях экономического кризиса и многих нерешенных проблем на международной арене для США и ЕС стало невыгодным продолжать конфронтацию с Россией вокруг Грузии. К тому же их ограниченные в условиях экономического кризиса финансовые возможности не позволяют выделять новые миллиарды долларов на спонсирование грузинских властей.

После разгрома грузинской армии в 2008 г. России удалось значительно укрепить свое влияние на Южном Кавказе. Баку имеет возможность проводить достаточно независимую внешнюю политику: богатый энергоресурсами Азербайджан (в отличие от Грузии) никак не относится к числу рядовых объектов политики Запада. Возможности разыгрывания азербайджанской карты против России весьма ограничены. Поэтому перспектива радикального изменения ситуации на Южном Кавказе может превратиться в реальность только в случае отказа Еревана от прежнего прагматичного «комплементарного» курса в пользу радикального «европейского выбора» (некоего армянского аналога политики Саакашвили). В последние годы США и ЕС исподволь ведут в этом направлении работу в Армении – в среде политической элиты, среди молодежи, а также путем пропагандистской войны против России в армянском информационном поле. Подобная по своим формам и методам пропаганда против России много лет велась в Грузии, где она была составной частью подготовки к силовому решению проблем Абхазии и Южной Осетии.

Несмотря на все сохраняющиеся между Россией и Грузией проблемы, в грузинских СМИ резко сократилось число антироссийских материалов откровенно пропагандистского характера. Одновременно их количество в Армении резко возросло. Зависимость армянских СМИ от властных структур ни для кого не является секретом, поэтому часть российских политологов крайне пессимистично

оценивает будущие перспективы российско-армянских отношений⁷⁷. В этой ситуации дальнейшие перспективы Армении и всего Южного Кавказа будут зависеть как от характера отношений России с «коллективным Западом», так и от степени успешности продвигаемых ею интеграционных проектов Таможенного союза и Евразийского альянса.

Д.Б. Малышева

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ РАВНОВЕСИЕ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

В 2013 г. странам Центральной Азии удалось избежать крупных политических катаклизмов, сохранить относительную стабильность, несмотря на наличие серьезных социально-экономических проблем. Сценарий «арабской весны» здесь не сработал по причине того, что централизованная власть во всех государствах региона создала систему жесткого контроля за силовиками, оппозицией, печатными и электронными СМИ. Клановая структура и авторитарные методы правления также явились заслоном на пути сторонников «исламской альтернативы». Ну и, конечно же, страны с высокими доходами от нефтегазового экспорта (Казахстан, Туркменистан) сумели приглушить недовольство населения принятием социальных программ, повышением пенсий, пособий по безработице и пр.

Из событий внутривластной жизни можно выделить прошедшие в Таджикистане 6 ноября 2013 г. президентские выборы. Их победителем вполне предсказуемо стал действующий президент Эмомали Рахмон, занявший, таким образом, этот пост в четвертый раз.

Обратило на себя внимание в 2013 г. нарастание внутриэлитной борьбы за лидерство в Казахстане и Узбекистане. Разворачивающиеся там политические процессы определяются в основном не столько намерениями отдельных групп в политической и региональной элите улучшить экономическую ситуацию, сколько их подготовкой к укреплению собственных позиций во власти. Пока же решение всех вопросов и в Узбекистане, и в Казахстане по-прежнему остается прерогативой президентов, которые стараются не допустить раскола в политических системах своих стран.

Накопившееся в центральноазиатских странах социальное недовольство прорвалось осенью 2013 г. в Кыргызстане: там прошли массовые митинги с требованием национализировать расположенное в Иссык-Кульской области крупнейшее золоторудное месторождение Кумтор, контрольный пакет акций на разработку которого принадлежит канадской золотодобывающей компании «Центеррра голд».

Между некоторыми центральноазиатскими государствами (Узбекистан – Таджикистан, Узбекистан – Кыргызстан) сохранялись в 2013 г. непростые отношения, вызванные соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов, а также неурегулированными пограничными спорами. Эти разногласия, однако, не вылились в крупные межгосударственные столкновения или же конфликты с применением военной силы. Главным внешнеполитическим вызовом для стран региона оставался Афганистан, откуда выводится международный воинский контингент и где ситуация грозит стать непредсказуемой и взрывоопасной.

⁷⁷ См., к примеру: <http://www.iarex.ru/articles/39998.html>

Вместе с тем кардинальных изменений во внешней политике в странах Центральной Азии в 2013 году не произошло. Все они сохранили курс на «многовекторность», и, как и в предшествующие годы, пытались по возможности дистанцироваться от привязки к какому-то одному мировому или региональному центру, сохраняя хорошие отношения со всеми участниками ведущейся в регионе конкурентной борьбы. Но ее победителем все же следует признать Китай, который в 2013 г. существенно расширил границы своей экономической экспансии в Центральную Азию. Так, визит в сентябре 2013 года в страны Центральной Азии председателя КНР Си Цзиньпина открыл новый этап внешней политики Китая, который жизненно заинтересован в энергетических ресурсах данного региона и расширении рынков сбыта своей продукции. О далеко идущих планах КНР в Центральной Азии говорит презентованный Си Цзиньпином в Астане в сентябре 2013 г. проект «Экономический коридор Шелкового пути», предусматривающий создание в регионе новых направлений энергетической и транспортной инфраструктуры.

Получающие немалую экономическую выгоду от сотрудничества с Китаем страны Центральной Азии испытывают вместе с тем озабоченность в связи с реальными перспективами утраты суверенитета или же превращения в сырьевой придаток динамично развивающейся китайской экономики. Такие же опасения, кстати, высказываются и в России. Именно поэтому она рассматривается в Центральной Азии как своего рода противовес китайскому влиянию.

Обращает на себя внимание в этой связи активизация в 2013 г. военно-технического и военно-политического сотрудничества России с рядом центральноазиатских государств (Казахстан, Киргизия, Таджикистан), являющихся стратегическими партнерами России по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества. Дан импульс развитию новых интеграционных объединений – Таможенному союзу (ТС) и Евразийскому экономическому пространству. Привлекательность этих проектов для стран Центральной Азии сохраняется. Показателем этого стало высказанное в 2013 г. намерение Киргизии присоединиться к Таможенному союзу в составе Белоруссии, Казахстана и России. Это не исключает сохранения в Казахстане, а также и в Киргизии, внутриэлитных разногласий между сторонниками евразийской (Таможенный союз) и европейской (ЕС) моделей развития.

В 2013 г. интерес США к региону во многом был обусловлен транзитными и транспортными возможностями центральноазиатских государств в связи с выводом из Афганистана войск коалиции. Наметились тенденции и к сокращению военного присутствия в Центральной Азии США, которые попытались использовать свою антитеррористическую операцию в Афганистане для военного закрепления в Центральной Азии. Здесь с начала 2000-х годов функционировали две американские военные базы: одна в Узбекистане (которая была закрыта еще в 2005 г. по настоянию узбекского правительства) и вторая – в Киргизии. Однако 26 июня 2013 г. президент этой республики Алмазбек Атамбаев подписал закон о денонсации соглашения о размещении на территории страны авиабазы США «Манас», и, согласно проекту закона, база США будет окончательно выведена 11 июня 2014 года.

В целом же смещение фокуса международной конкуренции с пространства Европы, Балкан и Ближнего Востока в Азиатско-Тихоокеанский регион затрагивает и Центральную Азию. Не случайным видится в этой связи появление американской стратегии «Нового Шелкового пути», представленной бывшим госсекретарем США Х. Клинтон во время ее визита в Индию летом 2011 г. и презентованной затем в

сентябре в рамках 66-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. В последующие годы разработчики данного проекта, который не утратил силу и после ухода Х. Клинтон со своего поста, предполагают объединить Афганистан, страны Центральной Азии, Пакистан и Индию в рамках регионального сообщества, осью которого станет Афганистан. Новацией проекта является планируемое выведение за скобки региональной экономики и политики Ирана, Китая и России. Их предложено отсечь и от сферы безопасности Южной и Центральной Азии, которую США все еще надеются поставить под свой контроль, и от энерготранспортных проектов в этом регионе. Есть еще и американский проект Транс-Тихоокеанского партнерства (Trans-Pacific Partnership), который, по замыслам его создателей, должен стать альтернативой Азиатско-Тихоокеанскому экономическому сотрудничеству (АТЭС), где позиции Китая достаточно сильны.

В России все эти американские проекты не без основания рассматриваются как угроза ее национальным интересам, поскольку они объективно нацелены на подрыв иницируемого Россией «встречного» азиатско-тихоокеанского торгового блока, формируемого в рамках Таможенного союза, а в перспективе – Евразийского экономического союза. Эти проекты предусматривают расширение иницированной Россией зоны свободной торговли в АТР. Важным инструментом российского влияния в регионе АТР и Центральной Азии остается и Шанхайская организация сотрудничества, где Россия имеет уникальную возможность обсуждать с Китаем многие наболевшие международные проблемы.

Что касается Китая, то он, судя по всему, намерен в ближайшие годы стать главным мотором торгово-экономических перемен в Центральной Азии. Китай планирует не только инвестировать в разработку и транспортировку углеводородов из Казахстана, Узбекистана и Туркменистана, но и использовать геостратегическое расположение центральноазиатских государств для прокладывания по их территории новых торговых транзитных коридоров и коммуникаций в Россию и Европу. Это может создать конкуренцию России и ее интеграционным проектам. Тем не менее, связи между КНР, Россией и Центральной Азией будут укрепляться. Этому во многом способствуют геополитические обстоятельства. Они связаны с новой внешнеполитической стратегией США, нацеленной преимущественно на Азиатско-Тихоокеанский регион и ставящей здесь целью сдерживание Китая, а также и со снижением спроса на российские энергоносители в Европе, что побуждает Россию внимательнее присматриваться к азиатским энергетическим рынкам.

БЛИЖНИЙ И СРЕДНИЙ ВОСТОК

С.В. Филатов

РОССИЯ ВОЗВРАЩАЕТСЯ НА БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Если выделять главные геополитические события 2013 года, то в их ряду должно по праву находиться возвращение России на Ближний Восток. И это не только моя оценка. Когда я в ноябре минувшего года был в Каире, освещая визит министров иностранных дел и обороны России – Сергея Лаврова и Сергея Шойгу, то сами египтяне открытым текстом и с легкой эйфорией говорили мне: «Мы вас, русские, ждали 40 лет».

В конце концов, именно этими словами я озаглавил свой репортаж из Египта на страницах журнала «Международная жизнь» – настолько важно для Египта, да и для других государств Ближнего Востока возвращение России в этот регион. Да, мы после крушения СССР ушли с Ближнего Востока, из Камрани (Вьетнам), из Лурдоса (Куба), из Восточной Европы, из Афганистана, из Анголы, из... да почти отовсюду мы ушли, сосредоточившись на проблемах выживания,

Это объяснимо – распад СССР, перемена социального строя в России, тяжелейший экономический кризис, поляризация общества и многие другие факторы сыграли свою роль в том, что подавляющее большинство граждан нашей страны обратили своё первостепенное внимание на собственные проблемы, отвернувшись и от международной жизни, и от внешней политики страны. И не только граждане, внешняя политика государства из имперского размаха разом скукожилась до небольшого интереса к Соединенным Штатам и Европе, и не более...

Так продолжалось ровно столько времени, сколько нам потребовалось осознать, что, «если ты не будешь заниматься мировой политикой, то мировая политика займется тобой». А год за годом это понимание начало возрастать и крепнуть.

Сначала В.Путин высказался в Мюнхене. Он всего лишь выразил недоумение: а почему вы, западники, нас обманываете и, говоря одно, делаете в мировой политике совершенно иное? Но эта речь президента России вызвала неудовольствие лидеров Запада, которые именно с той временной точки начали отсчитывать годы «нового-старого русофобского курса». При Ельцине все они были довольны, что Россия перестала им мешать править миром. Но при этом перестали учитывать простые геополитические вещи – типа, вторгаться туда, где у России есть свои законные интересы. Вон – у американцев «зона национальных интересов» охватывает весь Земной шар + ближний космос, и они, как могут, на этом настаивают и эти интересы защищают. А вот как только Россия начала – после тяжелых лет безвременья – оглядываться вокруг себя, то увидела, что прямо у нее под боком – выросли новые внешнеполитические стены, значительно выше Берлинской. Хотя западные политики обещали, что «НАТО не сделает на Восток ни шагу», а оно уже оказалось под Питером. Понимание того, что «на границе тучи ходят хмуро», пришло после войны 08.08.08 г. с Грузией, в чем велика доля подталкивания со стороны Запада.

Разнос в щепы Джамахирии, которым с какой-то особой жесткостью занимались НАТОвцы в течение 2011 года, заставил повернуться к реальности окончательно – сны про «демократию» и «общечеловеческие ценности», навешиваемые нам с Запада, были развеяны.

Поэтому международная агрессия против Сирии уже не была для Москвы неожиданностью. Этому ещё предшествовала так называемая «арабская весна», когда по лекалам Джина Шарпа агентство «твиттерных революций» способствовала падению нескольких режимов, у которых с Россией не было особо тесных связей. Но чувство опасности, вырастающей к югу от наших границ, стало предельно острым.

Теперь по странам.

Сирия. В 2013 году В.Путину вместе с руководством российской дипломатии удалось предотвратить Большую Войну на Ближнем Востоке. После того, как президент США Барак Обама «провел красную линию», заявив, что в случае применения правительством Асада химического оружия в войне с мятежниками, США вмешаются в сирийскую войну и начнут бомбардировки химических арсеналов Асада. Затем состоялась провокация – 21 августа под Дамаском было применено химическое оружие. Потом, правда, оказалось, что власти Сирии не имеют к химатаке никакого отношения. Но Обама тем не менее дал команду готовить бомбовый удар по сирийским объектам.

Правительство Асада ответило, что в случае удара США по территории Сирии, сирийцы нанесут удары по базам США в близлежащих странах (Израиль, Саудовская Аравия, Бахрейн). Иран также обещал не остаться в стороне. А Китай прямо заявил, что агрессия против Ирана будет в Пекине расценена как агрессия против КНР. В результате в конце лета 2013 года Обама попал в ситуацию, когда не наносить удар по Сирии – значит потерять лицо. Но он, судя по всему, не хотел этого. Поэтому он затеял обсуждение вопроса о начале новой войне в Конгрессе, чтобы потянуть время и найти выход.

И вот здесь подключилась Россия. С подачи Москвы Дамаск заявил, что готов – в обмен на отказ США от бомбежек Сирии – сдать всё своё химическое оружие под международный контроль. Вскоре после этого стали вырисовываться и сроки проведения конференции по политической урегулированию в Сирии – «Женева-2».

Так Россия встала на позицию главного действующего лица в сирийском кризисе. А после прямых договоренностей Москвы и Вашингтона в лице Сергея Лаврова и Джона Керри по «Женева-2», к сирийскому урегулированию начала подключаться ООН в лице спецпосланника Лахдара Брахими, который без решения Лаврова-Керри сам за предшествовавший период ничего достичь не смог.

Получилось так, что без России сирийский кризис решить уже невозможно. Доказательство – в МИД РФ регулярно приезжают сирийские делегации, представляющие все стороны конфликта (естественно, кроме бандитов). А вот Вашингтон или Париж принимают только тех сирийцев, кто им лично нравится.

С учетом усиления роли России, сирийские власти пошли на то, чтобы подписать договоренности с «Газпромом» об участии нашей компании в разработках богатейших запасов газа у сирийских берегов Средиземного моря. Это уже экономический аспект российского возвращения.

Египет. Недавно Москву посетила самая на сегодняшний день представительная делегация из Египта – такого давно не было – в лице главного кандидата на пост президента Египта на предстоящих выборах фельдмаршала аль-Сиси, который на февраль месяц занимал пост министра обороны АРЕ, и министра иностранных дел АРЕ Н.Фахми. В ходе переговоров с Владимиром Путиным, Сергеем Шойгу и Сергеем Лавровым договорились о том, что Египет приступает к массированным закупкам российских вооружений на сумму 2,5-3 миллиарда долларов. А первые контакты в переговорном формате министров обороны и иностранных дел двух государств «2+2» были начаты в ноябре 2013 года в Каире, куда прилетели вместе Сергей Шойгу и Сергей Лавров.

У России есть опыт проведения переговоров в таком формате с ведущими государствами мира – США, Японией, Францией. Но, чтобы такой очень значимый формат был применен в отношениях Москвы и страны, не входящей в G-8, прежде не отмечалось.

Итак, Россия возвращается в Египет, спустя почти сорок лет, договорившись о торговле оружием, пшеницей, о помощи наших специалистов в поддержании на рабочем уровне производств, созданных в Египте ещё в советские годы.

Саудовская Аравия. Так часто, как в 2013 году, шеф саудовских спецслужб принц Бандар в Россию к Путину никогда не ездил.

По поводу его визитов появилась масса спекуляций. Не станем их здесь воспроизводить, а также не станем предлагать, что осталось за закрытыми дверями переговоров Путина с Бандаром.

Отметим только два факта. Первый – Бандар стал чуть ли не завсегдатаем кремлевских коридоров. Второй – Египет начнет закупать российские вооружения на деньги, которые Саудовская Аравия выделят АРЕ в рамках огромной финансовой помощи – до 15 миллиардов долларов. И даже невозможно предполагать, что Саудиты не в курсе, на что их деньги Каир потратит в Москве.

Резюме в этой части: у нас совсем не гладкие отношения с Эр-Риядом, но, видимо, именно здесь сработал тот самый знаменитый британский принцип внешней политики: «У нас нет постоянных союзников, у нас есть постоянные интересы». В определенной точке, в данном случае египетской – постоянные интересы Москвы и Эр-Рияда сошлись.

Россия продает вооружения Египту не, как прежде, в кредит, а за живые деньги, а Саудиты укрепляют египетскую армию, которая им может пригодиться в соперничестве с Ираном. Да ещё Саудиты делают намек Вашингтону, отношения с которым к концу 2013 году у них разладились из-за неожиданных подвижек в деле сближения США и Ирана

Объединенные Арабские Эмираты. Мало кто обратил внимание, а многие и не вспомнят, что в середине 2013 года Владимир Путин встретился в Москве с наследным принцем Абу-Даби, заместителем Верховного главнокомандующего Вооружёнными силами Объединённых Арабских Эмиратов Мухаммедом Аль Нахайяном. Речь шла о массированных инвестициях ОАЭ в российскую экономику – вплоть до создания специального инвестиционного фонда на десятки миллиардов долларов. Пока на этом направлении тихо, но все знают, что «деньги любят тишину». Да ещё в канун прибытия принца президент России подписал закон о ратификации соглашения с ОАЭ с целью устранения двойного налогообложения.

При этом надо подчеркнуть, что в Москву приехал не просто высокопоставленный руководитель ОАЭ, а наследный принц Абу-Даби, в руках у которого – будущее внешней и экономической политики своего государства.

В странах Персидского залива сконцентрированы огромные денежные средства, как говорят, «живые деньги», которые ищут применения, чтобы не лежать мертвым грузом. Инвестиции – в чистом виде. Причем, не биржевые-спекулятивные, и производственные. Ясно, что уже возникло сопротивление этим договоренностям. Но ясно и другое: Россия для ОАЭ стала финансовым рынком, куда им можно и нужно вкладываться ради собственных прибылей.

Подобного подхода к России в странах Персидского залива прежде не наблюдалось. Значит ли это, что «Россия возвращается в Залив»? Нет, не значит. По той простой причине, что Россия в Заливе никогда никого места и не занимала, а сегодня имеет хорошие перспективы занять весьма важное место.

Ливия. Не везде Россия возвращается. Есть, например, ливийский случай. Здесь – потеря позиций России по всем направлениям. Что было?

Нападение на Посольство РФ в Ливии в конце 2013 года с трупами нападавших и стремительной операцией спасения всего персонала посольства во главе с послом. Они все героические люди, а «Заслон» просто молодец! Продолжающийся третий год содержание в местной тюрьме 19 граждан России, Украины и Белоруссии по надуманному обвинению: виноваты в том, что чинили военную технику Каддафи. Неисполнение всех контрактов, заключенных с Россией при Каддафи, включая многомиллиардный контракт с РЖД на прокладывание по Ливии железных дорог.

В последнее время что-то, вроде бы, сдвинулось в деле перевооружения местной армии – там кроме советского оружия практически ничего и нет.

Здесь надо говорить не о возвращении России в Ливию, а о выдавливании России из Ливии. Впрочем, с учетом местной обстановки, когда центральная власть беспомощна перед лицом охватившего всю страну разгула бандитизма и насилия – сейчас людей в Ливии погибло на порядки больше, чем в этом обвиняли Каддафи, – говорить о каком-то бизнесе в Ливии вообще не представляется возможным. Тем более что пришедшие к власти местные «демократы» нас ненавидят из-за многолетнего сотрудничества Москвы с Каддафи.

Ирак. Руководству Ирака очень сложно выдерживать три давящих на него фактора – внутренняя нестабильность из-за конфликта исламских конфессий – суннитов и шиитов; политическое давление США, которые убрали свои войска, но оставили немало рычагов влияния; активизация иностранных джихадистов, что является прямым результатом войны в Сирии.

И все-таки премьер Аль-Малики специально приехал в Москву в первой половине 2013 года, чтобы подписать оружейный контракт на 4 миллиарда долларов. Потом вокруг этого контракта возникла масса интриг, но, насколько известно, дело идет, хотя и с большими трудностями. Плюс в Ираке возобновляют работу наши нефтяники. Также все очень сложно, но исполнение некоторых контрактов уже стартовало.

Что касается проблемы, которая когда-то была на Ближнем Востоке № 1 – **палестино-израильский конфликт**, то на фоне «арабской весны» эта тема отошла на задний план. При этом надо подчеркнуть, что часть ответственности за отсутствие прогресса несут обе стороны, резко сбавившие свои усилия. Только США пытаются как-то активизировать палестино-израильские переговоры, а Россия, хоть и остается формально ко-спонсором процесса урегулирования, не проявляет особой активности.

Последнее обстоятельство связано, в частности, с тем, что, если израильтяне всегда делали ставку на США и имели оттуда безусловную поддержку, то палестинцы, долгие годы ориентировавшиеся на Москву, в последнее время также повернулись к США. В этих обстоятельствах роль России в урегулировании оказалась практически не востребованной ни Израилем, ни Палестиной. Возможно, именно это и не позволяет им пока выбраться из тупика.

Представленная выше фактура – это узловые моменты российско-ближневосточных отношений в 2013 году.

А, если заглянуть в график приездов в Москву министров иностранных дел государств Ближнего Востока, то «густота» этого графика визитов, которая в прежний эпохе как-то не наблюдалась, производит впечатление. Так что, можно констатировать: 2013 год принес России в отношениях со странами Ближнего Востока большой рывок вперед.

НЕПРЕКРАЩАЮЩИЙСЯ КРИЗИС В ЕГИПТЕ

Современная внутривластная ситуация в Египте, бывшем на протяжении многих веков центром арабского мира, зеркальным образом отражает и выкристаллизует основные проблемы, стоящие перед арабскими (и в целом, восточными) обществами на пути формирования новой модели политического и социального развития.

Стоит отметить, что арабский мир столкнулся ныне с проблемой смены поколений при отсутствии реального лидера (лидеров) с четкими идеями и программами поступательного развития стран региона. Старое поколение военных, боровшихся с колониализмом и королевскими режимами, ставшее воплощением идеи свободы от гнета западного мира, в свое время избрало особый путь независимого развития и становления новых государств. В Египте подобной моделью развития стал «насеризм», и его главной, стержневой идеей было продвижение в Египте и за его пределами арабского социализма, претендовавшего на отличие от социализма западного и на то, что он вобрал в себя традиции и специфику арабского мира. Это социалистическое, левое крыло политической системы Египта составляло опору общественно-политической жизни страны, и в его ряды вошли авторитетные представители военного ведомства.

Основным и главным оппонентом режиму на протяжении истории независимого Египта были «Братья-мусульмане», которые с момента своего основания в 1928 г. так и не разработали четкой экономической и социально-политической программой, ограничившись в основном культурно-религиозной сферой. Подобная политическая неопытность и незрелость «Братьев-мусульман» сказалась на курсе, проводимом их выдвинутым – президентом Мухаммеда Мурси, избранного 30 июня 2012 г. демократическим путем. Первоначальная популярность в Египте «Братьев-мусульман» быстро сменилась охлаждением к ним и неприятием проводимых ими мер, нацеленных на исламизацию египетского общества. (Схожая ситуация наблюдалась в Тунисе, где лидеры партии «Справедливости и развития» так и не смогли найти выход из затянувшегося кризиса, краеугольным основанием которого стали нерешенные социально-экономические проблемы). В итоге уже 3 июля 2013 г. президент М. Мурси был смещен со своего поста египетскими военными.

Проблема «Братьев-мусульман» состоит также и в том, что с момента своего основания это движение претерпело значительные изменения: в частности, ввиду своего многолетнего запрета властями, а также процесса абсорбирования новых политических и религиозных идей в разных странах пребывания, где прошли «учебу» члены данного движения. Важно подчеркнуть, что военных и «Братьев-мусульман» объединяет то, что они представляют собой своеобразную «школу», где происходит социализация молодых людей, где формируется командный дух, прививаются традиционные ценности и знания. И организация «Братьев-мусульман», и армия становятся своеобразным трамплином для построения карьеры, они открывают возможности для профессиональной реализации.

Третьей силой, на которую надеялись и уповали многие деятели культурно-интеллектуальной элиты и молодое поколение египтян, является либеральное крыло, которое так и не смогло сформировать сильный объединенный оппозиционный блок. Известные египетские политики – Амр Муса и Мухаммед аль-Барадеи – несмотря на свой международный авторитет, так и не смогли выступить

объединить своих сторонников против военных и исламистов, как бы воплощая в себе баланс и устойчивость социума в период сложного социально-экономического и политического развития страны. Приходится констатировать в этой связи, что современный мир столкнулся с кризисом не только финансово-экономическим, но прежде всего идейно-культурным и нравственным. События на Арабском Востоке лишь подтвердили отсутствие новых подходов и идей по развитию стран региона в складывающемся многополюсном мире и встраиванию традиционных арабских, мусульманских культурно-исторических архетипов в динамично развивающийся мир.

Ситуация в Египте выглядит патовой и трудноразрешимой, поскольку ни один из выдвинутых существующих политических «тяжеловесов» – из числа офицерства, либералов, «Братьев-мусульман» – не обладает непререкаемым авторитетом, харизмой и твердым желанием изменить и возродить былой расцвет Египта, наподобие того, как удавалось это историческим фигурам XX века.

Не только в Египте, но и повсеместно в мире можно наблюдать абсолютную неудовлетворенность властью населения, что находит выражение в низкой электоральной активности в период выборов. Так, в Египте уже в 2005 г. на президентских выборах была зафиксирована максимально низкая явка избирателей – 23,9%. Воодушевленный революционными надеждами египетский народ более активно участвовал в первых после свержения Х. Мубарака президентских выборах (в 2012 г.), когда явка в первом туре составила 46,42%, а во втором – 51%. Однако неэффективная политика, импровизационный социально-экономический курс, проводимый новоизбранным президентом М. Мурси, привели к экономической стагнации (золотовалютные резервы страны с 35 млрд. долл. в 2010 г. сократились до 15 млрд. долл. в 2012), что неминуемо привело к разочарованию в произошедшем политическом перевороте и что тут же отразилось на избирательной активности египтян.

Голосование по Конституции 2012 г. прошло в 2 этапа, а явка составила примерно 32,9%. Особый интерес представляет голосование жителей Каира – большинство из них проголосовало против новой Конституции, выразив, тем самым, сомнение и недоверие главе государства и проводимой им политике. Камнем преткновения послужила статья Конституции, в которой говорилось об установлении исламского государства, т.е. превращении Египта из светского государства в религиозное. Это вызвало волну возмущения как среди либеральных кругов, так и среди наиболее умеренных исламистов.

Измененная Конституция была одобрена в январе 2014 г. всеобщим голосованием (хотя и в этом случае была зафиксирована низкая избирательная активность – 38,6%). Разработка новой Конституции проходила в два этапа: на первом ее разрабатывали специалисты в области юриспруденции, а на втором этапе политические силы вошли в состав «комитета пятидесяти», добавляя и внося поправки в проект новой Конституции. Необходимо заметить, что представители исламских партий практически не принимали участие в работе данного комитета, и только двух человек номинально привлекли к работе по Конституции: один был из салафитской партии Ан-Нур, а другой – порвавший с «Братьями-мусульманами».

Многие специалисты сравнивают новую египетскую Конституцию с Конституцией 1971 года, в которой также прописывался запрет на создание партий на религиозной основе. Таким образом, «Братья-мусульмане» и связанные с ними группы и организации оказываются, как и в прежние времена, под запретом. Еще одной важной особенностью нового основного документа Египта стали статьи, укрепляющие позиции военных в стране. Так, министр обороны должен быть избран только из числа военных и получить одобрение и поддержку от Высшего совета

военных сил, что, безусловно, затрудняет приход к власти независимого (гражданского) представителя политической элиты. Военный бюджет отныне переходит под контроль Национального совета по обороне; рассмотрение исков в отношении гражданских лиц отныне может проходить в военных судах, если гражданское лицо совершило противоправное действие в отношении военного представителя. Роль и представительство женщин в парламенте и общественно-политической жизни страны усиливается; расширяются и полномочия будущего президента. Подобные шаги, направленные на усиление присутствия военного крыла в социально-политической властной иерархии и наделение президента большими полномочиями, говорят, видимо, о том, что военными, сместившими М. Мурси с поста главы государства, сделана долгосрочная ставка на потенциального президента Абд аль-Фаттах ас-Сисси, нынешнего министра обороны Египта.

Некоторые исследователи и эксперты, пытаясь предугадать траекторию дальнейшего развития событий в Египте, предлагают в качестве сравнения и примера «алжирский вариант» начала 90-х годов прошлого века, который, как известно, закончился введением чрезвычайного положения и послужил началом долгой кровопролитной гражданской войны. На наш взгляд, Египет представляет иной историко-политический и культурный тип развития. Ведь в Алжире помимо противостояния военных и исламистов существует сложная двусоставная этническая композиция, которая нередко является источником дополнительных противоречий внутри алжирского социума. В Египте же сложилось трудно прогнозируемая расстановка основных социально-политических сил, а потому в этой стране возможны различные сценарии развития событий.

Г.И. Мирский

ИЗРАИЛЬСКО-ПАЛЕСТИНСКИЙ ТУПИК

2013 год выдался чрезвычайно бедным на события, если говорить о взаимоотношениях между Израилем и палестинцами.

Никакого продвижения к реализации «проекта двух государств» или намека на близкий прорыв заколдованного круга, несмотря на то, что администрация США пустила в ход «тяжелую артиллерию» – государственного секретаря Джона Керри. Никаких сроков теперь уже никто называть не стал, помня, сколько раз в прошлом бывало обещано достичь урегулирования и создать палестинское государство в течение одного года или двух-трех лет. Ни о какой «дорожной карте» речь уже не шла, не было даже сколько-нибудь серьезного разговора о важной роли ООН, ЕС и России. Все сосредоточилось на оси Обама – Нетаньяху, а где-то сбоку, как бы «на подхвате», маячил Махмуд Аббас со своей Палестинской национальной администрацией.

И при этом все понимали, что без ХАМАС, правящей в Газе, никакое урегулирование невозможно. Эта организация с ее жесткой и непримиримой исламистской идеологией может в любой момент без малейших усилий сорвать любое соглашение, достигнутое между израильским правительством и властями Западного Берега. Для этого достаточно форсировать вялотекущие обстрелы южной части Израиля ракетами и спровоцировать правительство еврейского государства на очередной удар по Газе, пусть даже это и не приведет, как и было при двух предыдущих ударах, к ликвидации ХАМАС, ключевую роль которой уже давно никто не может отрицать.

В самом деле, прошли времена, когда Израиль с благословения США рассчитывал задушить Газу «костлявой рукой голода», противопоставляя ей экономически развивающийся, даже процветающий Западный Берег. Из этой стратегии ничего не получилось. Жители Газы живут, естественно, намного хуже, чем палестинцы на Западном Берегу – все-таки израильская блокада, хотя и не такая суровая, как прежде, делает свое дело – но ослабить железную хватку установивших авторитарный режим исламистов не могут, даже если бы хотели. И сплотить жителей обеих частей палестинской территории вокруг фигуры Махмуда Аббаса – «умеренного человека, с которым можно сварить кашу» – тоже не получилось: хамасовцы его откровенно презирают, хотя в 2013 г. были попытки создать единое правительство для Западного Берега и Газы. Как и в предыдущие годы, соперничество и взаимная неприязнь ФАТХ и ХАМАС оказались сильнее, чем общая задача борьбы с оккупантами.

Население Палестины с откровенной досадой и разочарованием наблюдает уже который год эту мышиную возню вокруг «создания единой власти» и выработки общей эффективной стратегии борьбы за создание своего государства. Чтобы хоть как-то поддерживать свой авторитет, и фатховцы и хамасовцы прибегают к одному и тому же старому испытанному средству – декларируют свое непримиримое стремление к освобождению палестинской земли от оккупации, оставляя вместе с тем, правда, лазейку для компромиссных решений, чтобы не дать западным державам повод обвинить их в нежелании идти на какие-либо уступки. Типичным, например, можно считать сделанное еще в конце 2009 г. и многократно воспроизводившееся заявление одного из лидеров ХАМАС Аймана Таха: «Наша долгосрочная стратегия – освобождение всей Палестины, но мы могли бы согласиться и на временное решение – образование государства в границах 1967 года при установлении перемирия примерно на 10 лет»⁷⁸. Как бы не желая отставать от ХАМАС, Махмуд Аббас говорил: «Движение ФАТХ было создано для того, чтобы освободить все палестинские земли, и мы не отдадим ни одного дюйма. Мы будем продолжать борьбу, пока не создадим государство, столицей которого будет единый Иерусалим и в котором не будет места чужим поселениям и поселенцам»⁷⁹.

Все понимают, насколько это далеко сегодня от реальности. В течение 2013 г. продолжалось, несмотря на постоянные возражения Вашингтона, строительство новых жилищ в еврейских поселениях не только на Западном Берегу, но и в арабской части Иерусалима. Глава правительства неоднократно повторял, что не может быть и речи об отказе от формулы «единого Иерусалима» (правда, в смысле, противоположном тому, что имел в виду Махмуд Аббас: речь шла о вечной, единой и неделимой столице еврейского государства). Палестинское общество все больше утрачивает веру в возможность создания своего государства в обозримом будущем. Тупик привел к тому что стали получать распространение идеи двух альтернативных проектов.

Первый – возвращение к самому первому, давно забытому ооновскому варианту устройства Палестины после ухода Великобритании, т.е. к идее единого государства. Палестинские политики и журналисты стали осторожно прощупывать отношение арабов и евреев к такому варианту, суть которого в том, что Западный Берег и Газа входят в состав Израиля и образуют одно еврейско-арабское государство (разумеется, уже не под нынешним названием, а скорее именуемое как «Палестина»). Вскоре выяснилось, что примерно третья часть жителей Западного Берега, отчаявшись дожидаться создания государства на своей территории, была бы

⁷⁸ New York Times, 27.10.2009.

⁷⁹ Jerusalem Post, 11.08.2009.

не прочь попробовать добиться равноправного существования в рамках общего палестинского государственного образования, гражданами которого они бы стали точно так же, как сейчас обладают равными с евреями правами 1,7 миллионов арабов – граждан Израиля. Но именно по этой причине данный план не имеет ровным счетом никаких шансов быть принятым израильскими евреями: ведь с учетом того, что еврейское население растет на 1% в год, а арабское – на 3, легко подсчитать, через сколько лет еврейско-арабское государство превратилось бы в арабско-еврейское, и арабы имели бы большинство в парламенте. Следует добавить, что ХАМАС тоже ни за что не согласилась бы с подменой своей основной цели – создания арабской Палестины (причем в сугубо исламистском варианте, с жестким шариатом) неким гибридным образованием. По всем этим причинам вариант «одного государства» оказался мертворожденным.

Второй план был представлен Махмудом Аббасом в беседе с известнейшим американским журналистом Томасом Фридманом из «Нью-Йорк таймс». Глава Палестинской национальной администрации был готов разрешить израильским войскам оставаться в долине реки Иордан (т.е. на границе с Иорданией) в течение пяти лет, после чего их должны были заменить вооруженные силы НАТО⁸⁰. Израильские власти дали отрицательный ответ еще прежде, чем проект успел войти в фазу широкого публичного обсуждения.

Лондонский «Экономист» так описывает преобладающее в Израиле настроение: «Палестинцы слабы и разобщены. Израиль, по сравнению со своими бурлящими арабскими соседями, является процветающим, стабильным и – по крайней мере в краткосрочном плане – безопасным государством. Поэтому с какой стати будет Нетаньяху заботиться о том, чтобы пойти на уступки этим надоедливым палестинцам и рисковать тем, что его прогонит с должности его собственная разозлившаяся коалиция, идущая на поводу у поселенцев с Западного Берега?»⁸¹. И еженедельник предупреждает: «Ответ на это таков: ничего не делать – это просто тянуть время. Момент заключить сделку наступает именно тогда, когда у вас на руках большинство козырных карт... Если Израиль хочет остаться и еврейским, и демократическим государством, единственная реальная альтернатива – предоставить палестинцам их собственное государство, тем самым соглашаясь с необходимостью очистить преобладающую часть земли Западного Берега»⁸².

Но такой ход мыслей присущ в сегодняшнем Израиле только небольшому меньшинству. Большинство израильских евреев убеждено, что если у палестинцев будет возможность, они постараются уничтожить еврейское государство. Старая формула *land for peace*, «земля в обмен на мир», уже давно утратила всякую привлекательность, равно как и соглашения Осло. «Голубей» почти не осталось после вооруженной интифады начала 2000-х годов, и широкое распространение получила другая формула: «Отдали врагам южный Ливан – и получили Хизбаллу с ракетами. Отдали Газу – получили ХАМАС с ракетами. Отдать Иудею и Самарию (т.е. Западный Берег) означало бы, что самые современные ракеты иранского производства оказались бы в двух шагах от Тель-Авива и аэропорта Бен-Гурион. Нет, самоубийцами мы не будем».

Складывается впечатление, что израильская общественность примирилась с мыслью о неизменяемом статус-кво, о том, что все будет, как есть, опасаться палестинцев не надо, при всех их громких декларациях они не станут устраивать еще одну интифаду, понимая, что минусов будет намного больше, чем плюсов.

⁸⁰ Независимая газета, 04.02. 2014.

⁸¹ The Economist, 18.01.2014.

⁸² Там же.

Также ясно, что ХАМАС, без которого действительно никакое урегулирование нереально, все же может лишь играть роль «спойлера», разрушителя, но ничего конструктивного совершить не может. Набросали на юг Израиля 15 тысяч ракет, и что это дало? А соседним арабским государствам, расхлебывающим плачевные последствия своей «Арабской весны», вообще не до палестинцев.

В конечном результате к концу 2013 г. в Израиле вопрос об урегулировании продолжающегося свыше 60 лет конфликта с палестинцами, казалось, вообще отошел на задний план, утратил актуальность. На выборах в кнессет (парламент) эта проблема находилась далеко не на приоритетном месте; казалось, израильские евреи привыкли к мысли о том, что принципиальные перемены невозможны, тупик непреодолим – что ж, можно жить и так.

На первый план среди проблем безопасности Израиля вышел вопрос о возможности превращения Ирана в ядерное государство. Дело в том, что никто в мире не в состоянии понять, чего на самом деле хочет иранское руководство, год за годом форсирующее процесс обогащения урана. Многие полагают, что Иран хочет лишь достичь состояния «пятиминутной готовности» и превратиться в «практически ядерную державу» без реального производства бомбы. Но где гарантии, что дело ограничится только этим? Как могут жители Израиля относиться к перспективе появления ядерного оружия у державы, руководитель которой, аятолла Хаменеи, недавно вновь заявил, что «сионистский режим – это раковая опухоль, которую надо вырезать»?

Сомнительно, однако, чтобы руководители Израиля (в отличие от рядовых граждан) на самом деле опасались иранского ядерного удара. И даже не столько потому, что такой удар, если бы удалось его нанести, означал бы гибель не только шести миллионов евреев, но и такого же количества арабов, в основном мусульман, живущих в Израиле, на Западном Берегу и в Газе. Это вряд ли мог бы себе позволить Иран, претендующий на роль лидера всего мусульманского мира. Да и противоракетная оборона Израиля достаточно сильна, чтобы отразить иранскую атаку. Дело в другом: есть опасение, что, когда Иран создаст реальные возможности для производства бомбы и остановится в одном шаге от ее создания (а вот это вполне реально), население еврейского государства будет жить в перманентном состоянии напряженности и страха. И тогда интеллектуальная, креативная элита предпочтет эмигрировать в Америку, чтобы обеспечить безопасность и нормальную жизнь детей. Прежде всего речь может идти об элите ашкенази, европейских евреев, всегда игравших ведущую роль в стране. Израильское министерство абсорбции и иммиграции подсчитало, что около 750 тысяч израильтян уже живут за границей, а один из опросов, проведенных накануне «Арабской весны», показал, что третья часть израильских евреев уже похлопотала о получении второго паспорта или собирается это сделать⁸³.

Вот это, в сочетании с возможностью исламистских арабских организаций в любой момент возобновить ракетные удары по Израилю (считается, что Хизбалла имеет до 60 тысяч управляемых иранских ракет) и рассматривается как реальная угроза. Еще в конце 2006 г. генерал Эфраим Снэ, долгое время работавший заместителем министра обороны Израиля, говорил, что если Тегеран произведет атомную бомбу, «многие израильтяне предпочтут не жить здесь... те, кто могут жить за рубежом, уедут... боюсь, что Ахмадинежад сможет покончить с сионистской мечтой, не нажимая никакой кнопки»⁸⁴.

⁸³ Le Monde Diplomatique, Septembre 2011. P. 11.

⁸⁴ Ibid.

2013 год ознаменовался существенными сдвигами в этом отношении: во-первых, президентом Ирана был избран Роухани, имеющий репутацию умеренного и здравомыслящего политика, и, во-вторых, была заключена, как ее уже называют, «историческая сделка» между Ираном и международной «шестеркой» в сфере осуществления ядерной программы Ирана. Обогащение урана прекращено, хотя 19 тысяч центрифуг, уничтожения которых требовал Израиль, остаются в замороженном состоянии, и Запад в ответ начал постепенно снимать наложенные на Иран в одностороннем порядке санкции. Это вызвало крайне негативную реакцию Нетаньяху, постаравшегося декларировать ее везде, где только можно, включая Москву, которую он посетил, чтобы обсудить с президентом Путиным именно эту проблему. Но никакого воздействия на ход событий позиция Израиля не имела, и вскоре стало ясно, что момент для удара по ядерным объектам Ирана упущен. К «военной опции» Израиль, как и США, может, впрочем вернуться, если «сделка» на каком-то этапе будет сорвана.

Здесь и появляется главный козырь, который Нетаньяху может использовать в своих взаимоотношениях с Бараком Обамой. Израильский премьер дает понять американскому президенту, что тот может жестоко просчитаться, если он полагает, что Соединенным Штатам удастся избежать войны с Ираном в случае, если Израиль все-таки окажется вынужденным нанести удар по иранским ядерным объектам. И ведь действительно, не может быть никакого сомнения, что после первой же бомбежки Ирана израильской авиацией тегеранские власти ответят ударами по всем американским военным и гражданским объектам, до которых они смогут дотянуться. Для иранцев, как и для арабов, Америка – это отец и мать Израиля, никто не сомневается, что любая израильская агрессия запланирована в Вашингтоне и проводится по американской указке, поэтому Штаты должны будут платить по счетам. В каком-то смысле США даже больше пострадают от израильских ударов по Ирану, чем сам Израиль, достаточно надежно прикрытый новой, созданной с помощью Вашингтона, системой ПВО «Железный купол». Американских же мишеней для иранцев повсеместно полным-полно на всем Востоке, да и в Африке. А уж о полном крахе всех американских позиций в мире ислама в таком случае и говорить нечего. Насмарку пошли бы все плоды фантастически дорогостоящих интервенций в Афганистане и Ираке, все проекты «начала с чистого листа» во взаимоотношениях с миром ислама, изложенные Обамой в его каирской речи, когда начался его первый президентский срок.

Поэтому Нетаньяху фактически имеет возможность шантажировать Обаму, который прекрасно понимает поистине ужасающие для Америки последствия израильского удара по Ирану и меньше всего в этом заинтересован, но ради предотвращения такого кошмарного сценария должен что-то сделать, чтобы мирным путем не допустить появления иранской атомной бомбы. Что именно сделать? «Ужесточить санкции, а не снимать их», – отвечает израильский премьер, который не хочет слышать никаких аргументов по поводу того, что как раз ужесточение санкций и загонит Иран в угол, выход из которого тегеранские властители найдут в дальнейшем развертывании программы обогащения урана. Чем свирепее западные санкции, тем хуже экономическое положение Ирана, тем больше снижается уровень жизни населения, и тут аятолле Хаменеи и президенту Роухани не останется ничего, кроме как призвать народ затянуть пояса ради спасения чести и достоинства нации. Вот тогда-то перспектива появления «ядерного Ирана» станет гораздо более реальной, чем когда-либо. Иначе говоря, санкции, на которые уповает израильское правительство, будут контрпродуктивны, но признать это оно не собирается ни в

коем случае, полагая, что поскольку именно от Израиля зависит – нажать на спусковой крючок или нет, подложить американцам такую свинью или нет.

А в Вашингтоне найдутся силы, способные противостоять «капитулянтскому курсу» Обамы – прежде всего в Конгрессе. Когда Нетаньяху в прошлом году выступал на объединенном заседании сената и палаты представителей США, американские законодатели 26 раз вставали с мест и устраивали овацию израильскому премьеру. Такое бывает только тогда, когда выступает сам президент США.

Чем объяснить такую поддержку? Ясно, что ее не было бы, если бы сенаторы и конгрессмены не знали о произраильской позиции своих избирателей. А откуда она берется? Нелепо считать, что все дело в колоссальном влиянии израильского лобби. Есть гораздо более глубокие причины, которые удачно суммировал Уолтер Рассел Мид, сотрудник такой влиятельнейшей организации, как Совет по внешней политике (Council on Foreign Relations) на страницах журнала «Форин аффэрс».

Мид начинает свой анализ со слов писателя Германа Мелвилля: «Мы, американцы – особый, избранный народ, Израиль нашего времени; мы несем ковчег свобод мира». Развивая эту мысль, Мид продолжает: «Это мифическое понимание природы и судьбы Соединенных Штатов является одним из наиболее мощных и укорененных элементов в американской культуре и мысли. Как и древние евреи, многие американцы сегодня верят, что они – носители откровения, предназначенного не только для них, но для всего мира; они часто считают себя новым Израилем Божиим. Одно из многих последствий такого предполагаемого родства состоит в том, что многие американцы считают правильным и естественным для одного избранного народа поддерживать другой. Их не волнует, что поддерживая Израиль, государство, часто подвергающееся изоляции и остракизму, США теряют популярность в мире. Принимая на себя роль защитника Израиля и друга евреев, Соединенные Штаты узаконивают свой собственный статус страны, которой Бог приготовил уникальную судьбу. Более того, еще с девятнадцатого века США видят в себе избранного Богом агента – защитника евреев...». Далее Мид цитирует президента Теодора Рузвельта, который, как и Франклин Рузвельт и его жена Элеонора, был Христианским сионистом и в 1918 г. писал, что вполне допустимо создать сионистское государство вокруг Иерусалима. Автор прослеживает постепенный, но неуклонный рост влияния тех христианских конфессий, которые поддерживают Израиль, а именно – евангелистов и фундаменталистов. Особенно выросло это влияние после победы Израиля в «шестидневной войне» 1967 г. Многие набожные христиане считают, что евреи – их старшие братья, «люди Ветхого Завета», что начался отсчет времени до конца света, о чем свидетельствует факт перехода земли, на которой стоял Храм, в руки евреев в ходе «шестидневной войны»⁸⁵.

Если добавить к этому резкий рост антимусульманских, особенно антиарабских настроений после устроенного «Аль-Каидой» террористического акта 11 сентября 2001 г., не приходится удивляться тому, что поддержка Израиля в США растет неуклонно, и сейчас главной опорой произраильских элементов в администрации и Конгрессе, является не еврейское население страны (всего-навсего 6 миллионов человек), а община христиан-евангелистов, ставшая сейчас крупнейшей из протестантских конфессий. Понятно поэтому также и разочарование тех, кто полагал, что с окончанием «холодной войны» и борьбы двух систем исчезли главные предпосылки для сохранения альянса между США и Израилем. Обострение

⁸⁵ Mead W. R. The New Israel and the Old. - Foreign Affairs, July/August 2008. Pp. 35, 36, 45.

израильско-палестинского конфликта, крах соглашений Осло, вооруженная интифада начала столетия, выход на сцену «Аль-Каиды» и акция 11 сентября – все это создало новую основу для сохранения и закрепления стратегического альянса между Соединенными Штатами и Израилем.

43% еврейского населения мира живет в Израиле, а вместе с американскими евреями эта цифра вырастает до 81%. Судьба мирового еврейства зависит от этих двух государств, от их взаимоотношений. Израильские и американские аналитики уделяют все больше внимания одному фактору, способному на эти взаимоотношения повлиять негативно. Этот фактор роста ортодоксального иудаизма в Израиле. Хотя 46% израильских евреев называют себя светскими людьми, соотношение конфессий меняется в пользу ортодоксов. Практически это отражается прежде всего на проблеме службы в армии. Первый премьер-министр Бен-Гурион разрешил юношам из ортодоксальной среды посвятить свою молодость изучению Талмуда вместо службы в армии; тогда их было всего 400 человек, сейчас уже 110 тысяч. В последние годы число «харедим» – это уже 13% всех еврейских мужчин, из них 60% – безработные. Поскольку рождаемость в семьях «харедим» втрое выше средней по стране, уже четверть мальчиков-первоклассников принадлежит к этой категории⁸⁶.

Возмущение массы населения тем, что часть молодежи освобождена от воинской обязанности и налогоплательщики должны содержать духовные училища, привело в конце концов к тому, что кабинет Нетаньяху, в несколько измененном после выборов 2013 г. составе, изменил законодательство, и юным «харедим» в своем большинстве придется идти в армию. Но этот шаг вызвал, в свою очередь, бурную реакцию ортодоксов, и отношения внутри израильского общества обострились. Преобладающий тренд в США, где лидируют умеренные, либеральные течения иудаизма, растет число светских евреев, все больше распространяются смешанные браки, заметно отличается от израильской ситуации с усиливающимися там ортодоксальными силами – узколобыми и нетерпимыми. В этих условиях не удивительно, что для среднего израильтянина, равно как и для политика, отношения с палестинцами отошли в 2013 г. на задний план.

Д.Б. Малышева

ТУРЕЦКАЯ «ВЕСНА»

С 2013 года турецкая политическая система испытывается на прочность турбулентностями, которые – по аналогии с «арабским пробуждением» – именуют «весной», но только турецкой.

Речь идет о событиях, начавшихся в Стамбуле 28 мая как сравнительно немногочисленная экологическая акция противников вырубки парка Гизи (на его месте власти решили возвести торговый центр) и переросшая затем в широкое протестное движение. Роль каирского «майдана», площади Тахрир, ставшей символом восстания против Хосни Мубарака, обрела стамбульская площадь Таксим: за контроль над ней в июне развернулось настоящее сражение между силами правопорядка и митингующими, причем экологические лозунги, быстро отойдя на второй план, сменились политическими требованиями, включавшими отставку правительства. Вслед за Стамбулом волнения, движущей силой которых стали

⁸⁶ The Economist, 28.07. 2012.

самые разные группы (студенты, представители левых движений, профсоюзные активисты, националисты, кемалисты, курды, алавиты, футбольные фанаты и пр.), охватили другие крупные города страны – Анкару, Измир, Эдирне. Там мобилизованные на акции протеста, главным образом, через социальные сети демонстранты под лозунгами «Всюду Таксим, всюду Соппротивление!» возводили баррикады, вступали в стычки с полицией.

Власти, вынужденные пойти на некоторые уступки (отложить, в частности, вырубку парка Гизи), удалось стабилизировать ситуацию. Однако говорить о том, что политический кризис в Турции преодолен, было бы преждевременно. Ведь протестное движение в этой ближневосточной стране, хотя и имеет некоторое внешнее сходство с «арабской весной», вызвано совокупностью иных – рожденных специфической турецкой ситуацией – факторов, как социальных, так и политических.

Начнем с того, что в Турции вся политическая жизнь строилась в 2013 г. с прицелом на предстоящие в 2014 г. президентские выборы, которые намерен выиграть бессменно возглавляющий с 2003 г. правительство Реджеп Тайип Эрдоган, являющийся также лидером правящей Партии справедливости и развития (ПСР). Готовясь к выборам, Эрдоган инициировал в апреле обсуждение парламентом страны проекта предложенной ПСР (она занимает 50% мест в парламенте) новой конституции, предполагающей переход к президентской форме правления. Но подобные конституционные изменения не устроили значительную часть населения, которое посчитало, что чрезмерное увеличение президентских полномочий усилит авторитарный характер политической системы, повлечет за собой урезание и без того ограниченных гражданских прав и свобод.

В свою очередь светские силы критиковали взятую на вооружение ПСР идеологию «неоосманизма» с ее идеализацией Османской империи, которая со времен Ататюрка ассоциируется в Турции с отсталостью и отсутствием прогресса. Недовольство вызывала и поощряемая властями исламизация общества, и демонстративное игнорирование властью интересов религиозных меньшинств. Так, в турецких городах весьма негативно было воспринято решение Конституционного суда (15-ю голосами против 2) от 18 апреля 2013 г. о введении взамен «старого строгого секуляризма» такого идеологического ориентира, как «новый либеральный секуляризм». Недовольны были и принятием в конце мая парламентом республики закона, запрещающего продажу алкоголя с 10 вечера до 6 утра, а также вблизи мечетей и образовательных учреждений. Поляризовало турецкое общество также увеличение в рамках проводимой с 2012 г. образовательной реформы религиозных учебных заведений (имам-хатибов) и расширение с подачи правящей партии сферы деятельности Управления по делам религий. Масла в огонь подлили и неосторожные «антисекулярные» высказывания Эрдогана – о необходимости воспитания «благочестивого поколения», упоминание об алавитском происхождении лидера крупнейшей оппозиционной партии Турции или о том, что алавитские молельные дома (Alevi' s cemevleri) не предназначены для богослужения⁸⁷. А решение Эрдогана назвать закладываемый через Босфор новый мост в честь султана Селима I, устроившего, как известно, в Анатолии в 1513 г. массовую резню шиитов (симпатизировавших Сефевидам), вызвало бурю негодования в среде шиитов и алавитов.

Но противостояние сторонников сохранения светского характера турецкого государства и их противников из числа умеренных и радикальных исламистов было

⁸⁷ Kuru A. T. What happened to the Turkish model of passive secularism? - Today Zaman, 05.02.2014 (<http://www.todayszaman.com/news-338585-what-happened-to-the-turkish-model-of-passive-secularism-by-ahmet-t-kuru-.html>).

важной, но не единственной линией размежевания турецкого общества. Разногласия наблюдались и внутри правящей Партии справедливости и развития, включающей самые разные политические силы, между которыми идет политическая борьба. Не все гладко было в отношениях между президентом Гюлем и премьером Эрдоганом.

Повлиял на развитие внутривнутриполитического кризиса в Турции внешний фактор – особенно то, как официальная Анкара реагировала на феномен «арабской весны», позволив вовлечь себя в закрученную Западом и арабскими монархиями интригу вокруг Сирии. Итогом стали испорченные отношения Турции со всеми ее соседями⁸⁸, возросшие угрозы национальной безопасности со стороны нашедших убежище на турецкой территории джихадистов, превративших лагеря сирийских беженцев в Турции в рассадники экстремизма и центры незаконного оборота оружия и наркотиков.

С серьезными внешнеполитическими издержками столкнулся и сам премьер. Активная поддержка им антиасадских сил и следование в русле западной стратегии в отношении Ирана и других стран Ближнего Востока не спасли Эрдогана и ПСР от критики со стороны США – за жестокое подавление уличных демонстраций и отход от демократии, за стремление перейти к проведению более сбалансированной и самостоятельной внешней политики. Вялотекущие переговоры о вступлении Турции в ЕС летом 2013 года – после подавления властями протестных выступлений в Стамбуле – вообще были заморожены европейцами.

Неудачи на западном фронте внешней политики Эрдоган попытался компенсировать на восточном направлении. 26 апреля 2013 г. Турция в статусе «партнера по диалогу» стала участницей Шанхайской организации сотрудничества. А 24 октября на заседании в Минске Высшего евразийского экономического совета президент Казахстана Нурсултан Назарбаев, сославшись на соответствующее пожелание Эрдогана, предложил обсудить возможность подключения Турции к Таможенному союзу. Президент РФ В. Путин подчеркнул в связи с этим, что подобные планы турецкого руководства говорят о растущей привлекательности этого интеграционного объединения⁸⁹.

Возвращаясь к развернувшемуся в 2013 г. внутривнутриполитическому кризису в Турции, отметим, что не последнюю роль в нем сыграл фактор Фетхуллы Гюлена. Этот известный ученый-богослов, живущий с 1999 г. в США, оказывает значительное, пусть и завуалированное влияние на турецкий политический процесс. В ведении основанного Гюленом движения «Хизмет», штаб-квартира которого находится в штате Пенсильвания, находится около 500 учебных заведений в самой Турции и больше 200 за ее пределами, больше 200 компаний, десятки журналов и газет, радиостанции, спутниковый канал в Турции.

Движение Гюлена, базирующееся на модернизированной версии суннитско-суфийского ислама, в свое время сыграло решающую роль в создании Партии справедливости и развития и приходе ее к власти. В благодарность за поддержку сторонники Гюлена были введены Эрдоганом во властные структуры, включая судебную систему и полицию. Долгие годы Гюлен поддерживал многие начинания ПСР – громкий процесс 2010 года в рамках дела «Эргенекон» по обвинению высокопоставленных военных в подготовке государственного переворота, конституционную реформу и др. Хотя разногласия между Эрдоганом и Гюленом всегда имели место, окончательно их пути разошлись летом 2013 г. Тогда Гюлен

⁸⁸ См. подробнее: Малышева Д. Б. Несостоявшееся региональное лидерство Турции. – Север-Юг-Россия 2012. М.: ИМЭМО, 2013. С. 99-103.

⁸⁹ <http://www.haberevet.com/haber/20131026/707887/avasya-gumruk-birligi-nden-turkiye-ye-davet-geldi.html>.

назвал Эрдогана «фараоном», который, прикрываясь религией, борется с собственным народом и стремится к максимальной власти. В ответ в проправительственных СМИ началась кампания против Гюлена, а в ноябре власти заявили о намерении закрыть связанные с «Хизметом» привилегированные учебные заведения.

Ответный удар не заставил себя ждать. 17 декабря в Анкаре и Стамбуле была проведена операция под кодовым названием «Большая взятка», в рамках которой (по обвинению в незаконной выдаче разрешений на строительство, фальсификации результатов государственных тендеров, получении многомиллионных взяток) были задержаны около сотни человек – видных бизнесменов, чиновников, сыновей членов правительства. Тот факт, что многие из подозреваемых бизнесменов были близки к премьер-министру, говорил о главном адресате этой акции – Эрдогане. Не менее болезненным для премьера стал другой аспект антикоррупционного скандала: его подготовка почти год осуществлялась втайне от высшего руководства ПСР. И пусть Эрдоган – возможно, и не без основания – обвинил в коррупционном скандале, быстро приобретшем форму политического кризиса, Гюлена, назвав его последователей в правоохранительных кругах «государством в государстве», все произошедшее свидетельствовало о том, что ПСР не является монолитной силой, полностью подконтрольной лидеру.

Разумеется, правящая турецкая элита и руководство ПСР не без греха, и факты коррупции, без сомнения, имели место. Но очевидно было также и то, что развернутая антикоррупционная компания инспирировалась частью элиты, которая конкурировала с ПСР, была недовольна стилем правления Эрдогана, считала, что он вообще засиделся в своем кресле и потому его надо сменить выходцем из их кругов. Так что – помимо официально озвученных претензий к ПРС относительно ее намерений «заменить демократическую систему исламским правлением» – те, кто развязал коррупционный скандал, имели своей основной целью оскорбить, унижить Эрдогана, спровоцировать его на действия, за которые его можно будет еще больше попинать. Как пишет А. МакКонел, работающий в стамбульском частном Университете Сабанчи, «разразившийся 17 декабря коррупционный скандал рассматривается подавляющей частью турецкого общества как смертельная схватка (Death Match) между ПСР и движением Гюлена. Иными словами, в городе остается место только для одного шерифа»⁹⁰.

В предстоящий предвыборный период политическую стабильность Турции могло бы обеспечить преодоление кризисных явлений в экономике, нормализация отношений с ближайшим окружением – Ираном, Сирией, Ираком, серьезные шаги, направленные на реформирование политических и экономических институтов, очищение властных, партийных структур, а также бизнес-элит от коррупционной составляющей. Но и вызов, брошенный Эрдогану такими, казалось бы, несовместимыми силами, как исламисты и сторонники светского развития, политическая оппозиция и некоторые функционеры ПСР, движение «Хизмет» и религиозные и национальные меньшинства, достаточно серьезен, и он многократно осложняет решение стоящих перед премьером задач. Подождем 2014 года, и станет ясно, завершится ли турецкая «весна» тем же, чем стало «арабское пробуждение»

⁹⁰ McConnel A. B. Turkish politics and the death of conspiracy. – Asia Times, Hongkong, 13.01.2014. (http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MID-02-130114.html).

для политических «тяжеловесов» Туниса, Египта, Йемена – стран, где так и не спала до сих пор разбухшая волна дестабилизации.

Г.И. Мирский

ИРАН: НОВЫЙ ПРЕЗИДЕНТ, НОВЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

Для Ирана 2013 год ознаменовался двумя важными событиями: избран новый президент и наметился выход из тупика в международном конфликте, возникшем по поводу иранской ядерной программы. И оба эти события в какой-то степени взаимосвязаны.

Избранный 14 июня 2013 г. на должность президента 64-летний Хасан Рухани рассматривается многими как антипод отбывшему свои два срока Ахмадинежаду, который в глазах западного сообщества завоевал репутацию своего рода *enfant terrible*, главным образом из-за его безобразных антиизраильских и антисемитских высказываний. Рухани – человек, способный вызвать к себе уважение в любой стране мира, хотя было бы ошибкой считать его политиком из оппозиционного лагеря. Как и Ахмадинежад, Рухани всегда входил в ту новую революционную элиту, которая сформировалась вокруг основателя исламской республики великого аятоллы Хомейни еще в то время, когда он был в эмиграции. Рухани получил светское образование, окончив курс в Тегеранском университете по специальности «юриспруденция», после революции получил докторскую степень в университете Глазго. Имея титул *ходжат-оль ислам*, Рухани входит в круг виднейших шиитских богословов. Он был избран депутатом первого послереволюционного меджлиса (парламента), стал главой комиссии по обороне, затем дважды избирался вице-спикером меджлиса. В годы ирано-иракской войны Рухани входил в состав Высшего совета обороны и был командующим силами воздушной обороны. Является членом двух высших государственных органов – Совета экспертов и Совета по определению целесообразности принимаемых решений. В 2003- 2005 гг. Рухани, будучи руководителем Высшего совета национальной безопасности, возглавлял иранскую делегацию на переговорах с европейскими державами по вопросам ядерной программы Ирана.

И вот он опять, уже на посту президента, столкнулся с той же проблемой, и именно здесь должна была проявиться – и проявилась – принципиальная разница между Рухани и Ахмадинежадом. Ведь настоящей причиной ненависти Запада к бывшему президенту было развернутое при нем форсированное обогащение урана, что рассматривалось как продвижение по пути к созданию атомной бомбы. И некоторые основания для такого суждения были. Косвенным доказательством того, что тегеранские правители в любом случае твердо намерены довести уровень обогащения урана с нынешнего (20%) до 90-процентного, был один неопровержимый факт: они несколько раз отклоняли предложение России и других держав перенести процесс обогащения на российскую территорию. Ясно, по какой причине: ведь в России процесс обогащения урана был бы под контролем, и иранцы получили бы только 20-процентный уран для загрузки в тегеранский реактор. Иначе говоря, согласно российскому предложению, Иран получал бы как раз то, что нужно для своего «мирного атома». Нет, не хотели – как же тут не заподозрить их в намерении докрутить свои центрифуги до получения «военного атома»?

Именно поэтому мировая общественность противится превращению Ирана в ядерную державу. Российское руководство неоднократно заявляло о

нежелательности такого события. А опрос, проведенный в 2010 г. вашингтонским исследовательским институтом Пью, показал, что против этого выступают в Германии 98% жителей, в Японии – 96%, во Франции – 95%, в США – 94%, в Великобритании – 90%.

Тем не менее складывалось впечатление, что мир начинает привыкать к неизбежности сосуществования с «ядерным Ираном». И в самой Америке многие эксперты полагают, что уже ничего не сделаешь, и надо думать о «политике сдерживания» ядерного Ирана.

Главный аргумент сторонников «сдерживания»: иранские лидеры – люди адекватные, рациональные и расчетливые. Если это так, то, видимо, для тегеранской верхушки важнее всего развернутая вокруг ядерной программы кампания по мобилизации масс под лозунгом защиты достоинства древней и гордой нации, которую «американцы и сионисты хотят поставить на колени».

Многие наблюдатели указывают, например, на то, что за последние годы, при Ахмадинежаде, в Иране произошло существенное перераспределение политических сил: влияние клерикальной элиты ослабло, резко вырос удельный вес «силовиков», т.е. Пасдарана (Корпуса стражей исламской революции). Этот корпус не только представляет собой мощную военную силу (имеет даже свою авиацию и флот), но и контролирует значительную часть экономики страны, превратившись по существу в крупнейшего предпринимателя.

Считается, что Пасдаран больше всех заинтересован в сохранении перманентной напряженности, в мобилизации народных масс под патриотическими лозунгами, а для этого нельзя ослаблять и тем более прекращать конфронтацию с Америкой. Некоторые даже отмечают, что усиление западных экономических санкций против Ирана выгодно Корпусу стражей: многие офицеры силового ведомства обогащаются благодаря развитию «черной экономики» и контрабанды.

Эти аргументы не означают, что иранской элите непременно нужна атомная бомба, но они позволяют понять, почему Тегеран категорически отказался пойти навстречу Бараке Обаме, который в самом начале своего президентства обозначил политику «протянутой руки» по отношению к Ирану, призывая инициировать новый этап взаимоотношений. При этом, конечно, нельзя забывать, что иранское руководство вот уже тридцать лет испытывает полнейшее недоверие к любым американским инициативам, видя в них только подвохи, двойное дно и затаенное желание сменить нынешний режим.

Противники военного удара по Ирану, во-первых, не уверены в том, что иранские лидеры на самом деле стремятся обладать атомным оружием. Во-вторых, если даже Иран все же станет ядерной державой, сработает политика сдерживания. А намерение Тегерана все же создать бомбу можно объяснить так: ядерное оружие нужно а) как средство сдерживания (имеется в виду возможное американское нападение), б) как символ статуса великой державы, в) как ключ к региональной гегемонии. Такой ход рассуждений позволяет прийти к заключению, что ядерный Иран – это, конечно, плохо, но жить с ним можно.

Так или иначе, из-за осуществления Ираном своей ядерной программы возник один из наиболее серьезных международных кризисов современности, прямо угрожавших перерасти в войну. Ведь рассуждения о том, что «можно жить с ядерным Ираном» и что Тегеран остановится, достигнув «положения 5-минутной готовности», т.е. обогатит уран до 90% , получив возможность создать бомбу, но реально производить ее не станет – эти рассуждения могут воздействовать на кого угодно, но только не на Израиль.

Что же могло бы произойти, если бы Израиль – в одиночку или совместно с США – решился бы нанести удар по иранским ядерным объектам? Во-первых, не только израильтяне, но и американцы, со всеми их новейшими бомбами, способными пробивать скалы, не могут быть уверены в том, что они выведут из строя все эти объекты. Во-вторых, даже если они в этом добились бы успеха, у Ирана остались бы все накопленные за многие годы познания в атомной области, опыт, способность создавать новые центрифуги. По мнению как экспертов, так и, например, бывшего министра обороны США Р. Гэйтса, осуществление иранской ядерной программы было бы отложено на два – три года, но зато уже тогда, после бомбежек, Иран точно порвал бы все контакты с МАГАТЭ и начал бы открыто делать все, чтобы произвести ядерное оружие. В-третьих, иранцы попытались бы перекрыть Ормузский пролив, через который проходит 20% мировой торговли нефтью. Даже простая угроза его перекрытия могла бы привести к такому взлету цен на нефть, что это было бы тяжелейшим ударом по мировой экономике.

В-четвертых, рухнули бы все американские надежды установить новые, свободные от враждебных наслоений отношения с миром ислама. Конечно, правители Саудовской Аравии и других стран Залива были бы только рады хотя бы временному исчезновению не дающей им покоя иранской угрозы, но высказать это они не посмели бы, учитывая тот беспримерный взрыв возмущения, которым несомненно была бы охвачена «арабская улица». Да и все глобальное мусульманское сообщество сотряслось бы от гнева – ведь к моменту удара у Ирана еще не было бы ядерного оружия, и мусульмане повсеместно (и далеко не только мусульмане) восприняли бы американское нападение как повторение интервенции в Ирак, причем в ухудшенном варианте. Ирак и Афганистан были бы потеряны для американцев, результаты обеих войн США в этих странах были бы сведены к нулю. Плохо было бы для Вашингтона и в Пакистане, где уже сейчас американского «союзника» ненавидят больше чем где-либо. ХАМАС и Хизбалла обрушили бы ракеты на Израиль, который в ответ ввел бы войска в Газу и южный Ливан, что привело бы к большому кровопролитию и катастрофически испортило бы отношения США с Египтом.

В-пятых, удар по Ирану дал бы беспрецедентный толчок к подъему экстремистского исламизма (джихадизма) во всем мире. Транснациональные исламистские сети – Аль-Каида и другие – попытались бы перевести столкновение с Америкой в русло глобального антизападного джихада, граничащего с «войной цивилизаций», причем нашлись бы и такие, которые постарались бы включить в число врагов и Россию. Можно себе представить, какие настроения охватили бы тех, кого называют «ваххабитами» на Северном Кавказе и кто все больше дает о себе знать и в Татарстане.

Список катастрофических последствий новой войны можно продолжить, и не было сомнений, что для США это был бы просто кошмарный сценарий. Видимо, для избранного на второй срок Барака Обамы не было большей головной боли, чем угроза войны с Ираном, в которую Америка была бы втянута в любом случае, даже если бы Израиль нанес удар в одиночку. Встал вопрос: как предотвратить войну? И Запад ответил: экономическими санкциями.

Действительно, новые санкции, введенные США и западноевропейскими странами, нанесли огромный, беспрецедентный ущерб иранской экономике. Только от нефтяных санкций Иран терял около 30 миллиардов долларов каждые полгода. Как сказал в январе 2014 г. президент США Барак Обама, «мы создали беспрецедентный режим экономических санкций, перекрыли Ирану возможность получать прибыль от продажи нефти. Иранская экономика за это время потеряла

более 50% своего потенциала». По официальным данным, инфляция составила 36%, число безработных составило 3,5 миллиона, такие продукты, как рис, растительное масло, куры стали предметами роскоши, и по данным опросов 85% иранцев стали ощущать на себе воздействие санкций. Более того, санкции буквально отрезали Иран от глобальной банковской системы, рухнули кредиты и инвестиции. Один иранский чиновник даже сказал, что санкции причинили Ирану больше ущерба, чем война с Ираком в 1980-х гг. Экономика Ирана летела прямиком в пропасть, и совершенно ясно, что именно экономические санкции, введенные западными державами после того, как санкции Совета Безопасности ООН (за которые голосовала и Россия) оказались неэффективными, сыграли решающую роль. Без этого аятолла Хаменеи, духовный лидер исламской революции и фактически первое лицо в Иране, человек, в непосредственном ведении которого находится ядерная программа, ни за что не согласился бы на такие уступки, которые Иран все же оказался вынужденным сделать.

Речь идет о так называемой женевской сделке, т.е. о соглашении, достигнутом 24 ноября 2013 г. в Женеве в рамках переговоров Ирана с «шестеркой», с представителями шести мировых держав. Это промежуточное соглашение сроком действия на полгода. Иран ограничивает свою ядерную программу: остановит сооружение тяжеловодного реактора в Араке (там мог производиться материал для плутониевой бомбы), воздержится от установки новых центрифуг (правда, имеющиеся 19 тысяч центрифуг сохраняются), останавливает обогащение урана выше 5% и нейтрализует все 200 кг урана, обогащенного до 20%. За Ираном остается право вырабатывать низкообогащенный уран (3,5 – 5 %). В ответ на эти уступки ослабляются санкции, Иран получает доступ примерно к 6 – 7 млрд. долларов. Снимаются санкции с автомобильного и авиационного сектора Ирана, разрешается экспорт углеводородов, торговля золотом. Вводится ряд других послаблений. И все это сразу же привело к тому, что иностранные капиталы хлынули в Иран; сообщается, что все номера в тегеранских гостиницах заняты представителями зарубежных фирм. Экономические показатели начали подниматься.

Вот тут и выяснилось, как удачно для Ирана оказалось, что новым президентом стал такой политик, как Рухани. Лучшей кандидатуры для поиска компромисса по ядерной программе найти было бы трудно. Как писал в январе 2014 г. американский еженедельник «Тайм», «Рухани уже может считаться самым мощным президентом за все время, прошедшее после революции». Разумеется, еще рано говорить о том, что совершен решающий прорыв. Как многие американские сенаторы, так и «твердолобые» в тегеранской элите собираются с силами, чтобы торпедировать «женевскую сделку». С обеих сторон «ястребы» намерены сорвать наметившееся соглашение, не говоря уже об Израиле, премьер-министр которого не скупится на резкие выражения, чтобы осудить «эту капитуляцию». Но шансы на торжество здравого смысла все же существенно выросли; ясно, что в обозримом будущем никакого удара по иранским ядерным объектам ожидать не приходится. А может быть, минувший год окажется действительно решающим, переломным, годом начала движения в сторону урегулирования самого опасного из существующих международных конфликтов.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ САУДОВСКОЙ АРАВИИ

2013 год был отмечен изменениями во внешнеполитическом курсе крупнейшего государства Аравийского полуострова – Королевства Саудовская Аравия (КСА), являющегося ведущим мировым экспортером нефти и одним из наиболее влиятельных государств Ближнего Востока и всего мусульманского мира.

В первую очередь корректировке подверглась саудовская внешняя политика в зоне Персидского залива, где власти КСА давно вынашивали планы по усилению своего веса и сплочению вокруг себя наследственных монархий региона. Именно с этой целью Эр-Рияд предлагал в свое время создать в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) безвизовую зону (по подобию Шенгенской зоны ЕС), единую валюту, а главное – коллективные силы безопасности, которые бы придали новое качество «Щиту полуострова» – существующему с 1982 г. военному объединению шести аравийских монархий. Такие силы в ответ на «иранскую угрозу» предложил создать в декабре 2011 г. король Абдалла ибн Абдель Азиз аль Сауд на очередном саммите ССАГПЗ в Эр-Рияде. В основе предложенного саудовцами военно-политического союза лежал также страх перед набиравшим силу «арабским пробуждением», угрожавшим подорвать незыблемость власти суннитских монархических режимов. В 2013 г. на саммите ССАГПЗ в Эль-Кувейте (10-11 декабря) саудовские власти вновь вернулись к идее военного союза арабских государств Персидского залива. В итоге участники саммита приняли решение (пока только на бумаге) о создании единого военного командования со штаб-квартирой в Эр-Рияде. В коммюнике саммита был также включен пункт о формировании в арабских странах Персидского залива специального управления полиции, которое будет вести борьбу с терроризмом и работать над повышением уровня безопасности внутри стран Совета сотрудничества.

Не ушли в 2013 г. из центра внимания КСА и государства Ближнего Востока, где «арабская весна», привнесшая в регион поистине революционные изменения, спровоцировала настоящие религиозные войны и существенно увеличила политический вес некоторых региональных государств (Ирана, Катара, Турции), внесла коррективы в ближневосточную стратегию внешних игроков (США, Франции, России, Китая). Под влиянием новых реалий власти КСА вынуждены были скорректировать свои внешнеполитические установки – в отношении Ирана, Сирии, Ливана, Египта и др., что, впрочем, не всегда совпадало с позициями других участников ближневосточных баталий, как дипломатических, так и силовых.

На всем протяжении 2013 г. КСА продолжало финансировать «повстанческие» вооружённые группировки исламистов в Ираке («Исламское государство Ирака и Леванта»), Ливане (бригада «Абулла Азам», воюющая против «Хизбаллы»), Сирии (связанные с «Аль-Каидой» террористические организации). Договоренность о значительном увеличении поставок французского вооружения Ливану за счет средств КСА была достигнута во время официального визита 29-30 декабря 2013 г. президента Франции Ф. Олланда в Саудовскую Аравию.

Отказ США начать военную операцию в Сирии в обмен на согласие президента Б.Асада приступить к ликвидации химического оружия вызвал в Эр-Рияде огромное раздражение. Косвенной реакцией на это явился отказ КСА от предоставленного ему 17 октября 2013 г. Генеральной ассамблеей ООН места непостоянного члена Совета Безопасности ООН — весьма высокого по своему

статусу в международной политике. Свой отказ саудовский МИД мотивировал бездействием Совета Безопасности в связи с ситуациями в Сирии и Палестине и «двойными стандартами» СБ⁹¹.

Другим следствием недовольства в КСА ближневосточным курсом Обамы стало прозвучавшее «под занавес» 2013 года сенсационное заявление о «крутом развороте во внешней политике Эр-Рияда», с которым выступил генеральный директор Службы внешней разведки Саудовского королевства принц Бандар бин Султан, занимавший в 2005-2011 гг. пост секретаря саудовского Национального совета безопасности. Этот высокопоставленный саудовский политик, который рассматривается многими как одна из наиболее влиятельных фигур в саудовской иерархии, заявил на встрече с европейскими дипломатами в порту Джидды в ноябре 2013 г.: «Саудовская Аравия радикально пересмотрит свои отношения с США. Это даже не сигнал Организации Объединённых Наций, не способной решить ни одну серьёзную проблему, это – сигнал США, которые совершают фатальную ошибку, отказавшись сейчас от бомбардировок Сирии и пытаясь наладить отношения с Ираном»⁹².

Возможно, для того, чтобы показать Вашингтону, что у него может появиться альтернатива, Саудовская Аравия в 2013 г. активизировалась на российском направлении. В 2013 г. глава саудовской разведки дважды (31 июля и 3 декабря) посещал Москву. Вероятнее всего предметом переговоров были – наравне с ближневосточными проблемами, связанными с Сирией, Египтом, Ираном – и такие болезненные вопросы, как прекращение враждебной деятельности саудовских эмиссаров в южных субъектах РФ. Но весь круг разногласий по внешнеполитическим темам россиянам и саудовцам преодолеть не удалось. Так, Россия и КСА по-прежнему занимают различные позиции по сирийскому конфликту; не в интересах КСА – сближение России и Ирана (как, впрочем, и США с Ираном) в подготовительный к отмене санкций против Исламской республики период. И здесь интересы Саудовской Аравии перекликаются с позицией Израиля, что не удивительно: обе страны в истекшее десятилетие выстраивали свои стратегии «привилегированного партнерства с Соединенными Штатами» именно на базе противодействия пресловутой иранской угрозе. Контакты Вашингтона с Тегераном, завершившиеся 24 ноября 2013 г. Женевскими соглашениями, в соответствии с которыми с Ирана частично были сняты европейские и американские санкции, в столицах Саудовской Аравии и Израиля были восприняты как отказ США от союзнических обязательств.

Особый случай представляют египетско-саудовские отношения. Они резко потеплели после отстранения египетскими военными от власти президента М. Мурси – ставленника «Братьев-мусульман», которых в Саудовской Аравии традиционно рассматривают как бунтовщиков, угрожающих монархическому правлению. Вскоре после прихода к власти египетские военные получили от Эр-Рияда финансовую подпитку и обещания новых кредитов. Часть из них может охватить и зарождающуюся российско-египетскую сферу военно-технического сотрудничества, получившую импульс после визита в Египет 14 ноября 2013 г. глав внешнеполитического и оборонного ведомств России.

⁹¹ Saudi spy chief warns of 'major shift' in ties with US. - FRANCE 24, 22.10.2013 (<http://www.france24.com/en/20131022-saudi-arabia-usa-major-shift-syria-iran-intelligence>).

⁹² Цит. по: Вести дня, 01.11.2013 (<http://365news.biz/news/analitika/247-k-krahu-odnogo-konspirologicheskogo-mifa.html>)

С США же саудовцы по египетскому вопросу разошлись. Вашингтон, поставивший в ходе «арабской весны» в Египте на «Братьев-мусульман» как на наименьшее зло, осудил свержение египетскими военными демократически избранного президента Мурси, после чего приостановил совместные с египетской армией манёвры и отказался поставлять в Каир самолеты F-16. Такая позиция не нашла понимания в Эр-Рияде, и король Абдалла, не называя прямо американцев, предостерёг всех, кто будет вмешиваться во внутренние дела Египта и поддерживать «террористов».

Объективно смена власти в Египте ослабила саудовского соперника – Катар, который финансировал режим Мурси и потерял выделенные ему 5 млрд. долларов. Перемены в Египте рассорили саудовцев с другим своим союзником-соперником – Турцией, которая осудила египетских военных за совершенный ими переворот. В то же время падение Мурси (но по иным причинам) оказалось выгодным Израилю, сблизив его подходы к египетскому перевороту с саудовскими.

Между тем ситуация в самой Саудовской Аравии не дает оснований для оптимизма, поскольку ряд признаков свидетельствует о нарастании здесь экономического и политического кризиса.

В энергетической сфере, являющейся краеугольным камнем саудовской экономики, кризис может быть усугублен резким увеличением внутреннего потребления нефтепродуктов (28% от общего объема добычи нефти) вследствие стремительного роста населения (с 5 до 20 млн. чел., по переписи 2010 года, или же, по неофициальным данным, до 35 миллионов человек, включая сюда иностранных рабочих и нелегальных мигрантов)⁹³. Зависимость экономики страны от трудовых мигрантов, от которых власти все равно в ближайшие годы отказаться не смогут, также делает саудовский режим уязвимым. Осознание этого уже побудило министерство внутренних дел и министерство труда КСА принять 4 ноября 2013 г. меры, направленные против тех, кто «нарушает правила проживания», а фактически – на сокращение трудовой миграции.

Внутриполитическую ситуацию в стране осложняет ряд факторов: связанные с борьбой за престолонаследие распри в королевской семье; недовольство представителей местного духовенства допуском «неверных» (Военно-воздушных сил и 7-го флота США) на священную территорию; напряженность в сфере межрелигиозных отношений (шииты, как известно, составляют 20% саудовского населения и проживают в восточных нефтеносных провинциях королевства) и др. К тому же многие представители молодежи, составляющей львиную долю населения страны, недовольны нынешней архаичной политической системой: она не дает возможности молодому поколению королевства реализоваться.

В международном плане США останутся для Саудовской Аравии важным стратегическим партнером и основным поставщиком вооружений, так что говорить о разрыве саудовско-американских отношений из-за Сирии или Ирана было бы преждевременно. Но очевидно, что США, надеющиеся со временем преодолеть зависимость от ближневосточной нефти, в том числе и благодаря достижениям альтернативной энергетики, могут сократить свои обязательства перед Саудовской Аравией в ближневосточном регионе и сделать там ставку на более перспективных партнеров – не исключено, что на Иран. С выведением же его нефтегазовой отрасли из-под пресса санкций могут заметно убавиться поступления от нефти, которые

⁹³ Анастасов П. Саудовская нефть: кому она нужна? Опубликовано Интернет-журналом «Новое восточное обозрение» 26.12.2013 (<http://ru.journal-neo.org/2013/12/26/rus-saudovskaya-neft-komu-ona-nuzhna/>).

формируют львиную долю доходной части бюджета КСА. Другое дело, что Саудовская Аравия, в случае ослабления стратегического альянса с США, неизбежно привлечёт к себе внимание Китая, остро нуждающегося в сырьевых ресурсах. А это в свою очередь едва ли устроит США, которые не оставят своих притязаний на лидерство на Ближнем Востоке.

Отказ от слишком сильной привязки к ближневосточной политике США (которые и сами уже не слишком заинтересованы в своем старом стратегическом союзнике на Ближнем Востоке, где стремительно меняется геополитическая конфигурация) не сделает слишком теплыми отношения КСА с Россией, поскольку оба государства остаются конкурентами на энергетическом рынке. Кроме того, в России слишком сильны страхи по поводу угрозы распространения на российских мусульман исторически чуждой им и опасной для безопасности страны саудовской (салафитско-ваххабитской) версии ислама.

Что касается выдвинутых Саудовской Аравией в 2013 г. региональных внешнеполитических инициатив, то реакция на них со стороны ближневосточных партнеров КСА показала, что продвинуть их Эр-Рияду будет достаточно сложно. Так, саудовское предложение по созданию в Персидском заливе военного союза сопредельными монархиями было встречено холодно, и этот проект фактически отклонили все участники ССАГПЗ – кроме Бахрейна, власти которого остаются властями во многом только благодаря саудовской армии и полиции. Самое серьезное сопротивление идее военного союза оказали Оман и ОАЭ, пытающиеся строить с Ираном сбалансированные отношения, чему может помешать сколачиваемый Эр-Риядом военный альянс, который наверняка будет иметь антииранскую направленность.

Таким образом, результативность внешнеполитических инициатив КСА и сама жизнеспособность королевства, его возможность сохранить прежнюю влиятельную роль в ближневосточной и мировой политике будет зависеть от того, удастся ли правящей верхушке приступить к давно назревшей модернизации всей экономической и политической системы страны. Представляется в этой связи, что Эр-Рияду пойдет на пользу отказ от затратной внешней политики последних лет и амбициозных проектов поддержки арабских «революций» на основе экспорта вооружений оппонентам правящих режимов, фактической подпитки террористических групп и движений. Полезным также станет не сколачивание военно-политических блоков (которые к тому же не находят поддержки у соседей КСА), а достижение компромиссных договоренностей с Ираном по проблемам безопасности Персидского залива. Как справедливо отмечает российский политолог П. Анастасов, «такие договоренности при участии великих держав могут привести к созданию в зоне Залива – в случае успешного решения проблемы иранской ядерной программы и урегулирования кризиса в Сирии – системы коллективной безопасности наподобие той, что существует и неплохо действует в Европе. В случае такого геополитического выбора (понятно, что он должен быть поддержан и Ираном), КСА может получить поддержку ведущих стран мира, заинтересованных в обеспечении стабильности в этой весьма чувствительной зоне».⁹⁴

⁹⁴ Анастасов П. Саудовская нефть: кому она нужна? Опубликовано Интернет-журналом «Новое восточное обозрение» 26.12.2013 (<http://ru.journal-neo.org/2013/12/26/rus-saudovskaya-neft-komu-ona-nuzhna/>).

АФГАНИСТАН НА ПЕРЕЛОМЕ

2014 год, возможно, будет решающим для судьбы Афганистана. Планируемый вывод если не всего, то основной части иностранного военного контингента властно ставит вопрос о судьбе правительства Карзая, которое постоянно сталкивается с вызовом талибов, сохраняющих немалое влияние. От того, сможет ли Карзай, опираясь главным образом на собственные силы, успешно противостоять давлению талибов, удастся ли афганскому президенту достичь какого-либо компромисса с ними и на каких условиях, зависит очень многое и отнюдь не только в Афганистане. Прежде всего – это Центральная и Южная Азия, частично Кавказ. Ведь местные, апеллирующие к исламу экстремистские силы, включая международных террористов, выступают в Афганистане союзниками талибов. Сохранится ли этот союз в случае победы талибов? Не станут ли талибы, взяв власть или разделив её с Карзаем, продолжать помогать своим прежним союзникам?

Именно такие соображения стоят за поддержкой Карзая со стороны прежних противников в «холодной войне» – США, Запада и России. Своё содействие Афганистану оказывают такие разные страны как Индия, Саудовская Аравия, Пакистан. Происходящее в Афганистане больше всего затрагивает Таджикистан, Узбекистан и Пакистан. Ведь таджики и узбеки (особенно первые) образуют влиятельные нацменьшинства в Афганистане, а пуштуны, являющиеся относительным большинством в этой стране – влиятельное меньшинство в Пакистане. Пуштун Карзай в своей борьбе за власть наряду с иностранным военным контингентом опирается главным образом на таджиков и узбеков, талибы – на пуштунов. Правда, в Таджикистане местные исламистские силы (не без влияния России, Узбекистана и Ирана) вступили на путь национального примирения со светским режимом. Однако утверждение талибов в Кабуле может создать немало сложностей. Ведь само по себе провозглашение в Афганистане исламского эмирата (а это именно то, к чему стремятся талибы) будет иметь немалую силу примера. Хотя сегодня страна носит название Исламская Республика Афганистан, режим Карзая имеет, безусловно, светский характер. С ещё большей определенностью, чем в Таджикистане, смена светского режима на религиозно-политический в Афганистане проявится в Узбекистане, где правящий режим прямо противопоставляет себя религиозным экстремистам.

Может статься, что, став государственной силой в Афганистане, талибы порвут со своими прежними союзниками. В конце концов лидер талибов мулла Омар неоднократно предлагал странам ШОС не вмешиваться в их внутренние дела в обмен на невмешательство в дела Афганистана. Возможно, это лишь тактический ход, призванный скрыть истинные цели талибов. Однако полностью игнорировать подобные заявления было бы нецелесообразно.

В прошлом территории современных Туркменистана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и частично Казахстана входили в состав Бухарского эмирата, Хивинского и Кокандского ханств. Этнической базой первого служили надэтнические связи между различными кланами узбеков и таджиков, второго – узбеков и туркмен, третьего – узбеков и киргизов. Идеологической силой, санкционирующей каждый из этих союзов, выступал ислам. Завоевание этих государственных образований Российской империей привело к ликвидации

третьего, и серьёзному изменению границ первого и второго. Но сама санкционированная исламом основа местной государственности сохранилась. Смертельный удар по ней был нанесён в годы СССР. Территории, обладавшие прежде социально-политическим единством, разделили границы созданных на базе этнических групп новых государственных образований. Естественно, эти образования санкционировал не ислам, отражавший традиции местного общества, а марксистско-ленинская теория, в целом ему глубоко чуждая. Этническая определяющая, по замыслу коммунистических стратегов, была призвана привязать Центральную Азию к единому тоталитарному государству и оказать революционное влияние на многонациональный Средний Восток. Особое место в этой стратегии отводилось Афганистану, где национальные меньшинства (прежде всего таджики) составляли чуть ли не половину его населения. Экспансия (даже чисто идеологическая) талибов через бывшую советско-афганскую границу неизбежно активизирует в соседних с Афганистаном странах заложенную при их создании этническую определяющую в южном направлении. Поэтому стремление талибов к мирному сосуществованию со странами ШОС может быть искренним.

Однако если государственное перерождение талибов в отношении Центральной Азии ещё можно себе представить, то в отношении Пакистана оно практически невозможно. Дело в так называемой «пуштунской проблеме». Как известно, весьма протяжённая афгано-пакистанская граница – преемница того рубежа, который ещё во времена Британской Индии разделил пуштунский этнос на две примерно равные части. После ухода англичан с южноазиатского субконтинента и возникновения Пакистана ни одно афганское правительство не признавало законность афгано-пакистанской границы. Для Кабула это был способ утверждения своего пуштунского характера в глазах афганских пуштунов – наряду с местными таджиками одной из двух основных этнических групп Афганистана. В свою очередь пакистанские пуштуны использовали поддержку Афганистана, требуя широкой автономии. Причём отказ центральных властей пойти навстречу этим требованиям не раз приводили к всплескам борьбы за «независимый Пуштунистан».

Приход к власти в Кабуле опирающихся главным образом на афганских пуштунов талибов или раздел ими в какой-либо форме власти с Карзаем неизбежно осложнит положение Исламабада. Ведь движение талибов уже давно развивается по обе стороны непризнаваемой Афганистаном афгано-пакистанской границы. Таким образом, Пакистан, возможно, будет главным, проигравшим в результате какой-либо формы прихода к власти талибов. Поэтому Пакистан, несмотря на свою поддержку талибов, жизненно заинтересован в такой структуре власти в Афганистане, при которой формально пуштунская власть в Центре либо останется таковой, либо будет уравниваться сильными непуштунскими автономиями, объективно препятствующими занятию Кабулом жёсткой позиции по пуштунскому вопросу. Ведь подобная позиция объективно снизила бы статус афганских непуштунов. Из этого следует: 2014 год станет решающим не только для Афганистана, но и для некоторых сопредельных государств.

ЮЖНАЯ АЗИЯ

А.Г. Володин

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ В ИНДИИ

Согласно «графику» избирательного процесса, всеобщие парламентские выборы в Индии должны состояться весной 2014 г. Объявлено, что голосование назначено на апрель. Экономический фон выглядит малообнадешивающе. В частности, замедление темпов экономического роста до 5,5% (а по оценкам некоторых экономистов – до 4,5% к марту-апрелю 2014 г.) работает явно не в пользу правящего альянса во главе с ИНК.

Политологи считают, что основное соперничество развернется между Индийским национальным конгрессом (возглавляющим в данный момент правящий альянс) и БхаратияДжаната парти (главной силой оппозиции), хотя суммарно обе партии располагают поддержкой менее 50% избирателей, что является наметившейся тенденцией нынешней социально-политической Индии. Выборы рассматриваются подавляющим количеством политических экспертов как противостояние Рахула Ганди (ИНК) и главного министра штата Гуджарат Нарендры Моди (БДП). Правда, ноябрьские (2013 г.) выборы в союзной территории Дели, на которых результаты Конгресса оказались катастрофическими, заставляет политологов-прогнозистов вносить в свои предсказания существенные коррективы.

Политические наблюдатели сходятся в том, что общая ситуация в стране содержит в себе сильные элементы неустойчивости. Среди факторов данной неустойчивости принято выделять следующие обстоятельства.

1. Торможение экономического роста, приобретающее систематический характер и влияющее на положение групп общества с фиксированными доходами.

2. Продолжающийся рост цен на товары массового спроса, а также на топливно-энергетические ресурсы (в частности бензин), вызывающий негативное отношение к правящему альянсу как среди массовых слоев населения, так и нижней части среднего класса.

3. Неопределенность, по разным причинам, в основных социально-политических формированиях – ИНК и БДП, а также в региональных партиях, вытекающая из общей социально-экономической неустойчивости в стране.

Вышеназванные обстоятельства, в свою очередь, имеют следствием проблемы частного характера (но от этого не менее важные для общей расстановки социально-политических сил в Индии), способные повлиять на итоги следующих парламентских выборов.

Во-первых, замедление темпов экономического роста отрицательно сказывается на положении молодежи, что показал пример Египта и других арабских стран. Тем самым становится более проблематичной способность возможного кандидата на пост премьер-министра от ИНК Рахула Ганди мобилизовать основную часть молодежного электората и тем самым решить исход выборов в пользу Индийского национального конгресса. В настоящее время некоторые политические аналитики предсказывают: на предстоящих выборах Конгресс получит менее 25% голосов.

Во-вторых, сложной остается внутрипартийное положение в Бхаратия Джаната Партии: в партии сохраняются противоречия между различными группировками и лидерами. Ситуация осложняется тем, что фактически перестал

влиять на внутренние процессы в БДП ее бывший руководитель и премьер-министр страны А.Б.Ваджпаи.

В-третьих, диверсификация партийно-политической системы Индии имела следствием «исчезновение» партии, способной единолично возглавить правительство, что делает коалиционную модель управления единственно возможной. В то же время практически все партнеры по коалиции у ИНК находятся в состоянии внутреннего кризиса; не лучше и положение в лагере потенциальных союзников БДП.

В-четвертых, внутренним кризисом охвачены партии т.н. «третьего фронта» (включая левых), что делает поведение данной политической силы труднопрогнозируемым на ближайшую перспективу.

В-пятых, как всегда, в индийской политике значительное дестабилизирующее влияние на ход политического процесса оказывает поведение некоторых политических лидеров, своими заявлениями и действиями дезориентирующих различные группы электората.

Словом, специалисты по предсказанию результатов голосования сходятся во мнении о невозможности угадать победителя выборов-2014.

Трудность завоевания поддержки у индийских избирателей на предстоящих выборах состоит в том, что сейчас (и это – качественное изменение по сравнению с прошлым) массовое сознание, в т.ч. у социально низших слоев, ориентировано на экономический рост и развитие, занятость и относительно равномерное распределение национального дохода. Индия, при подобном состоянии общественного сознания, должна развиваться темпами роста как минимум 7%. Обеспечить подобные показатели экономического роста и для правительства, и для оппозиции, если смотреть объективно, весьма проблематично. Не дали желаемого эффекта меры по «активной интеграции» Индии в мировую экономику. Ресурсы увеличения экономического роста, как признают индийские экономисты, довольно ограничены. И тем не менее вопрос «как обеспечить экономический рост?», станет, по сути дела, главной темой предстоящей избирательной кампании.

Политические аналитики расходятся во мнении, кто из наиболее вероятных претендентов на пост премьер-министра страны способен добиться желаемого результата. Одни наблюдатели полагают, что Рахул Ганди (или его «сменщик» из рядов Конгресса) пока не убедил общество в своей «экономической дееспособности», тогда как его вероятный соперник из БДП, главный министр штата Гуджарат (переизбранный к тому же на третий срок) Нарендра Моди «добился на» вверенной ему территории десятипроцентных темпов роста экономики, эффективно привлекая в экономику штата национальные и зарубежные инвестиции. Другие эксперты, соглашаясь в принципе с оценкой первых, отмечают, что Н.Моди крайне непопулярен среди избирателей-мусульман, что может ухудшить перспективы политического альянса во главе с БДП⁹⁵.

Одной из важных проблем после выборов объявится внешнеполитическая ориентация Индии. Значимость ее определяется рядом обстоятельств.

Многие эксперты, индийские и зарубежные, полагают, что после всеобщих выборов 2004 г., вернувших к власти ИНК, внешняя политика подвергается медленной, но последовательной ревизии «курса Неру», которого придерживались предыдущие правительства, включая коалиционное во главе с А.Б.Ваджпаи (1998-2004), бывшего в ряде аспектов жестким критиком первого премьер-министра

⁹⁵ По неофициальным оценкам, мусульманское население Индии уже составляет 25%, тогда как официальная статистика «опускает» эту долю до 17%. Все это, однако, не означает, что избиратели-мусульмане автоматически проголосуют за Конгресс.

страны. Смысл «курса Неру» во внешней политике, как известно, состоял в утверждении Индии как самостоятельного центра мирового развития.

Внешняя политика страны, утверждают критики нынешнего правительства, нуждается в четких концептуальных ориентирах и твердой политической воле в их осуществлении. Однако, считают оппоненты ИНК, подобная последовательность отсутствует, поскольку происходят постоянные колебания «генеральной линии» в отношении важнейших международных событий, а равно и в отношении наиболее важных «акторов» мировой политики, включая Россию и Китай. В частности, критики нынешней линии ссылаются на «непоследовательное» поведение Индии в отношении «сирийского кризиса» (чрезмерная зависимость от позиции Саудовской Аравии), тогда как и левые, и правые упрекают нынешнюю власть в неумелом ведении индийско-американских отношений, не усиливших положение Индии по отношению к Китаю и вызвавших «шероховатости» в российско-индийских отношениях. Представляется, что дискуссии по внешней политике могут стать одной из тем избирательной кампании. Другой темой, относящейся к сфере внешнеэкономических связей, может быть решение о закупке Индией французских истребителей «Рафаль» (созданных по проекту 1986 г.) и возможное влияние на эту сделку отношений лидера ИНК Сони Ганди и супруги бывшего президента Франции, Карлы Бруни-Саркози (подобная информация уже проникла в индийские масс-медиа).

Наблюдающие политическую жизнь Индии эксперты все чаще задают вопрос: кто (точнее: какой из государственных институтов) несет ответственность за осуществление внешнеполитического курса страны? И это – вопрос далеко не праздный. До 2004 г. данную функцию выполняли премьер-министры, своими установками направлявшие деятельность индийского МИДа. Процесс осуществления внешнеполитической деятельности жестко контролировали и Дж.Неру, и Индира Ганди, и А.Б.Ваджпаи (как и их коллеги, находившиеся на должности премьер-министра). Однако, как представляется, после всеобщих выборов 2004 г. ситуация начинает меняться, и этому процессу «помогает» положение, складывающееся на вершине пирамиды политической власти. Так, премьер-министр Манмохан Сингх, крупный экономист-практик, всецело отдает себя экономической политике (продолжению экономической реформы). Таким образом, во внешнеполитическом планировании создается некий «вакуум».

Некоторые индийские эксперты полагают, что этот «вакуум» заполняют две силы, в настоящее время оказывающие решающее влияние на проведение внешнеполитического курса: лидер ИНК Соня Ганди (и ее ближайшее окружение) и верхушка внешнеполитического истеблишмента, т.е. лица внутри данного сообщества, обладающие в нем решающим влиянием. Нередко в качестве особой внешнеполитической силы упоминается индийская община в США, насчитывающая уже около 8 млн. человек и имеющая разветвленные связи с индийской политической элитой. Можно предположить, что именно наличием нескольких влиятельных групп интересов объясняются нередкие колебания внешнеполитического курса страны, в частности проблемы, возникающие время от времени в индийско-российских отношениях.

Непоследовательность внешнеполитического курса подвергается систематической критике – как слева, так и справа. Поэтому представляется, что проблема возвращения страны к внятным внешнеполитическим ориентирам будет также звучать в ходе избирательной кампании. Правда, по мнению многих экспертов, с приходом на пост министра иностранных дел Салмана Хуршида внешняя политика страны стала более твердой и самостоятельной.

Видимо, возможны несколько сценариев формирования внешнеполитических перспектив Индии после всеобщих выборов.

Первое: у власти остается коалиция социально-политических сил во главе с Национальным конгрессом, и премьер-министром страны, по логике вещей, становится Рахул Ганди или кто-то из влиятельных конгрессистов. В этом случае продолжится сближение с США («стратегический диалог», как именуют данную линию во внешнеполитическом истеблишменте Индии), хотя эта линия дала стране мало конкретных положительных результатов, при этом насторожив Китай. При данном сценарии отношения между Индией и Россией не претерпят кардинальных изменений.

Второе: правительство формирует коалиция во главе с Бхаратия Джаната парти. В этом случае – на сегодняшний день – наиболее вероятный кандидат на пост премьер-министра страны главный министр штата Гуджарат Нарендра Моди. Опросы общественного мнения в декабре с.г. показали определенный рост влияния БДП, особенно в западных и центральных штатах. Тогда, можно предполагать, новое правительство использует внешнеполитическое наследие А.Б.Ваджпаи. Подобная линия, при всех возможных коррекциях, будет, видимо, ориентирована на восстановление роли Индии как самостоятельного «гравитационного поля» в мировой политике и в своих основных чертах будет совпадать с базовыми принципами «курса Неру». Внешнеполитический курс такого рода, не исключено, потребует установления диалога с Китаем и Россией как важными слагаемыми «уравнения сил» в мировой политике. Внешнеполитическая стратегия, которую осуществляло правительство А.Б.Ваджпаи в 2000-2004 гг., встречала понимание в России. Заинтересованный и доброжелательный диалог с Китаем, как отмечают некоторые аналитики в Индии, назрел, он укрепит позиции страны в мировой политике. Такая точка зрения разделяется далеко не всеми политологами. Некоторые прогнозисты полагают, что и при правительстве с участием БДП продолжится сближение с США, разве что националистической риторики станет больше.

Третье: нельзя исключать и, так сказать, третий, «спонтанный» сценарий внешнеполитического поведения Индии. Речь идет о естественном сближении Индии, России, а также Китая в свете долгосрочной заинтересованности вышеназванных стран в «пост-американском» урегулировании в Афганистане. В частности, стратегические интересы в афганском урегулировании и в налаживании социально-экономической ситуации в этой стране могут помочь Индии и России развивать отношения «привилегированного стратегического партнерства» посредством всестороннего учета интересов обеих сторон.

Повлиять на исход голосования Россия не может. Однако, видимо, уже сейчас стоит предпринять серию мер, способных улучшить отношения с Индией. В частности, необходимо развивать партнерские отношения со всеми основными политическими партиями Индии, включая БДП и левых. При этом целесообразно задействовать ресурсы органов законодательной власти, и прежде всего Совета Федерации и Государственной Думы. Такого рода практика позволит российским политикам лучше понять логику индийской политической жизни (включая ее внешнеполитическое измерение) и находиться в постоянном контакте с индийской политической элитой.

Далее важно совместно с индийской стороной начать разработку сценариев развития ситуации в Афганистане после 2014 г. – с возможной перспективой последующего участия Китая и других заинтересованных стран. Сейчас уже

очевидно, что трудностей, связанных с эвакуацией иностранных сил, будет как минимум не меньше, чем у Советского Союза в конце 80-х годов прошлого века.

Наконец, не дожидаясь выборов, целесообразно активизировать контакты между интеллектуалами двух стран (по линии академических и образовательных учреждений), чтобы после предстоящих всеобщих выборов индийско-российские отношения могли бы вобрать в себя потенциал, по тем или иным причинам не задействованный в предыдущие годы.

А.Г. Володин

ВЫБОРЫ В ПАКИСТАНЕ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА АФГАНСКОЕ УРЕГУЛИРОВАНИЕ

2013 год отмечен важным внутривнутриполитическим событием в Пакистане. Состоялись всеобщие выборы, причем предыдущее правительство «прослужило» полную пятилетнюю легислатуру. И это явление стало значительным достижением пакистанской демократии.

Выборы состоялись 11 мая 2013 г. Как и ожидалось, ни одна из партий не смогла преодолеть заветный рубеж 172 мест, что позволяло сформировать однопартийное правительство. Ближе всех к желанной цели расположилась Мусульманская лига, ведомая опытным Навазом Шарифом, получившая 166 мест, заручившаяся почти 15 млн. голосов, хотя и получившая менее одной трети голосов зарегистрированного электората (32,77% списочного состава).

Недостающие 6 голосов Н.Шариф отыскал в лагере независимых депутатов всего за 8 дней переговоров. Сотрудничать с искушенным политиком выразили желание 19 депутатов. Так Н.Шариф стал восемнадцатым премьер- министром Пакистана.

Избрание Н.Шарифа, по-видимому, повлияло на решение США начать разблокирование ситуации в Афганистане после вывода из этой страны международных сил, намеченное на 2014 г. Как известно, предыдущее правительство Партии пакистанского народа вело активный диалог с Ираном.

Соединенные Штаты Америки в качестве «осевого» государства в афганском урегулировании избрали Пакистан. Некоторые эксперты считают, что американцы пошли навстречу своему главному союзнику в регионе БСВ – Саудовской Аравии, имеющей особо тесные отношения с Пакистаном и даже частично финансировавшей ядерную программу Исламской республики. Пакистан – крупное по территории государство, численность его населения составляет около 200 млн. человек. В этой связи главный вопрос «пост-американского» урегулирования афганской проблемы состоит в том, сможет ли Исламская республика, опираясь на поддержку США, решить столь масштабную задачу? И вот здесь мнения ученых и экспертов расходятся.

Налицо «смена вех» во внешнеполитическом стиле мышления правящих сил Пакистана. Данные изменения имеют объективный характер, т.е. не зависят от динамично меняющейся расстановки социально-политических сил в стране (выразительно проявившейся на недавних парламентских выборах), а определяются действием следующих долгосрочных факторов:

общим снижением роли Пакистана в иерархии геополитических приоритетов США, в том числе под влиянием таких событий, как «арабское пробуждение», явно ощущаемое перенапряжение сил (в западной политологии именуемое термином

«overextension») западного лагеря, становящийся все более актуальным «фактор Китая» и т.п.;

исчерпанием мобилизационных возможностей политического ислама как идеологии и практики не только в связи с изменением геополитической ситуации в регионе (точнее, ее усложнением), но и под воздействием демократизации политической жизни в стране, проявившейся, в частности, на всеобщих выборах 2008 и 2013 гг. Правда, демократизация не принесла успокоения пакистанскому обществу; многие политологи считают, что процесс политической либерализации в Пакистане имел «обвальный» характер, что, в силу фактора времени, не позволило выстроить более или менее дееспособную систему политических институтов в Исламской республике;

начавшимся пересмотром правящей элитой Пакистана своих экономических и геополитических приоритетов. Речь идет, в свете хронической внутриполитической нестабильности в Исламской республике, о формировании концепции развития, обеспечивающей форсированный экономический рост. Новая концепция развития, предполагающая значительную иностранную финансовую помощь, является ответом на растущее социальное недовольство молодежных возрастных когорт, учитывающая как «арабское пробуждение», как и стихийные выступления в самом Пакистане. Привлечение иностранных инвестиций потребует установления подвижного баланса сил между интересами не только США и Саудовской Аравии, но также Китая, Индии, России и, возможно, Ирана. Данное обстоятельство значительно усложняет формирование внешнеполитической стратегии Пакистана, так как накладывает определенные ограничения на роль самой Исламской республики как силы «пост-американского» урегулирования;

с учетом того что основной силой, препятствующей захвату Талибаном основной части территории Афганистана были, есть и будут Соединенные Штаты, пакистанская элита будет вынуждена доказать США, что транспортные, инфраструктурные и иные проекты на территории Пакистана не будут наносить ущерб интересам Америки в «большой» Центральной/Южной Азии. Иначе говоря, правящие круги США должны быть уверены, что формирующееся в Южной Азии понимание необходимости совместных действий по ускорению экономического роста и формированию устойчивого развития с неременным участием Пакистана не нанесет ущерб идеологическим, военно-политическим и экономическим целям Соединенных Штатов в этом регионе в обозримой исторической перспективе.

Пакистан не является самостоятельной силой, способной помочь даже относительно небольшому Афганистану обеспечить минимальную политическую стабильность. Темпы роста пакистанской экономики остаются незначительными (2,3% на 2013 г., с перспективой роста до 3,6% в 2014 г.). Между тем для формирования жизнеспособной модели экономики необходимы темпы роста как минимум 7-8% в годовом исчислении. Само народное хозяйство Пакистана остается чрезвычайно уязвимым ввиду сохраняющейся опасности внутренних беспорядков, политической нестабильности (несмотря на внушительную победу Наваза Шарифа и его партии на недавних парламентских выборах) и непреодоленных последствий двух крупных наводнений в различных частях страны. Хронический дефицит платежного баланса поддерживает высокую инфляцию, одновременно ограничивая возможности экономического роста и привлечения иностранных инвестиций. Американские эксперты-экономисты полагают, что эти факторы будут действовать в краткой и среднесрочной перспективе.

Пакистан не обладает диверсифицированной экономикой, что делает народное хозяйство страны весьма уязвимым к превратностям мировой торговли.

Эта экономика хронически зависит от внешних источников финансирования, что в условиях затянувшегося мирового кризиса делает Исламскую республику негативным примером для подражания даже для такой слабо развитой страны, как Афганистан. Порой складывается впечатление, что западные экономисты и эксперты охотно рассуждают о необходимости реформ в Пакистане, однако, как хотя бы начать такого рода преобразования, ясного понимания не имеют.

Целесообразно отметить, что убедительная победа Наваза Шарифа и его партии на последних парламентских выборах ничуть не снизила внутреннюю напряженность и не положила конец политическому насилию в стране. В частности, прогремевший в конце сентября с.г. мощный взрыв в церкви Всех Святых в Пешаваре наблюдатели расценили как серьезную неудачу нового премьер-министра в его попытках прекратить насилие в стране на религиозной почве и поставили под сомнение его уверенность в способности власти контролировать деятельность радикалов-суннитов. Не менее важно и то, что Н.Шариф был вынужден занять оборонительную позицию в отношении пакистанского Талибана, требующего от правительства, среди прочего, полной «десекуляризации» жизни в Пакистане.

Н.Шариф и его коллеги испытывают давление и со стороны военной элиты страны. Так, военный лидер А.П.Кайяни недвусмысленно заявил, что Талибан (пакистанский. – А.В.) «должен безусловно подчиниться государству, его конституции и силе закона». Вооруженные силы, к слову сказать, достигли определенных успехов в антитеррористической деятельности в зоне проживания племен. Однако главная задача – нейтрализация террористических групп в Северном Вазиристане – остается пока нерешенной.

Отсутствие твердого и единодушного осуждения пакистанским истеблишментом террористической деятельности в стране поддерживает разброд в общественном мнении Исламской республики. Так, нередко приходится слышать о том, что действиями террористов повелевают иностранные «акторы»: Индия, Израиль или ЦРУ США. Подобные утверждения не получают твердого отпора в пакистанских масс-медиа. Часть общественного мнения склоняется к тому, что наиболее безболезненным выходом из сложившейся ситуации являются переговоры с Талибаном, что будет иметь самый отрицательный «демонстрационный эффект» внутри самой страны и для соседнего Афганистана.

Роль Пакистана в афганском урегулировании будет зависеть от множества факторов. Одним из таких факторов выступает внутренняя ситуация в Пакистане и ее динамика. «Идеологическое государство» (т.е. построенное на религиозно-общинной идеологии) в Пакистане сохраняет свои позиции, в частности вследствие сохранения деструктивных процессов в социальной структуре пакистанского общества, которые имеют долговременный характер.

В настоящее время население Пакистана составляет 193-195 млн. человек, тогда как, по оценкам Плановой комиссии страны, к 2030 г. оно может составить от 240 до 250 млн. человек. Это увеличение происходит прежде всего за счет форсированного роста слоя городской и деревенской бедноты, в силу особенностей своего воспитания, восприятия упрощенных моделей жизненного поведения и примитивизированные версии идеологии, прежде всего политического ислама.

Демографическая динамика косвенно влияет на сдвиги в идейно-политической ситуации в стране. В настоящее время такие бескомпромиссные идейные течения, как ваххабизм, быстро вытесняют «либеральные» модели идеологии, а вместе с ними – и традиционное толерантное историко-культурное наследие Индостана. Некоторые эксперты не без горечи характеризуют данный процесс как «смену южноазиатской культурной идентичности на арабо-мусульманскую этику,

определяющую жизнь в песках Саудовской Аравии». Подобная характеристика не лишена оснований, поскольку Эр-Рияд оказывает значительную финансовую помощь культурной политике Исламабада.

Превращение мусульманского радикализма в мощную социально-политическую силу началось в конце 1970-х годов, и этот процесс небезосновательно связывают с именем тогдашнего военного лидера Зия-уль-Хака. Данный процесс уже приобрел устойчивую инерцию, и первые отступления Н.Шарифа на поле борьбы с политическим радикализмом – лишнее тому доказательство.

Западные аналитики отмечают, что мирный переход власти от одной политической партии к другой может означать укрепление демократических традиций в пакистанском обществе. Однако существует и иная, противоположная точка зрения. Согласно ей, пакистанская армия в настоящее время недостаточно сильна, чтобы вернуть стране «закон и порядок». Поэтому переход власти от Партии пакистанского народа к Мусульманской лиге не был прерван военным переворотом.

Существует и третья точка зрения, смысл которой состоит в следующем. Показатели экономического роста Пакистана недостаточны для обеспечения социального спокойствия в стране, особенно среди молодежных слоев. Вооруженные силы, наиболее жизнеспособный политический институт в стране, постепенно утрачивает контроль за внутривнутриполитической ситуацией в Пакистане. Поскольку система политических институтов в Исламской республике развита недостаточно для поддержания требуемого социального равновесия в стране, не исключена победа сил радикального политического ислама в Пакистане. Результатом подобного сценария развития событий может стать фактическое разрушение («коллапс») пакистанского государства.

Далее траектория развития событий рисуется в исключительно драматических тонах. «Коллапс» институтов государства будет иметь неизбежным следствием незащищенность ядерного арсенала Пакистана, которым могут овладеть Аль-Каида и родственные ей группировки. «Нуклеаризация» Аль-Каиды будет иметь далеко идущие международные последствия. Эксперты считают, что ни экономически, ни в военно-техническом отношении предотвратить «коллапс» пакистанского государства США не в состоянии. Кроме того, усиление неустойчивости в Афганистане создает реальную угрозу и нынешнему гражданскому правительству Пакистана, и непосредственно – интересам США во всем регионе БСВ.

В сложившихся условиях для США уйти из Афганистана, опираясь на помощь Пакистана, едва ли возможно, поскольку значительная часть афганской территории не контролируется центральным правительством. Эксперты также отмечают, что в настоящее время ни официальные власти в Исламабаде, ни общество в целом не имеют четкого понимания стратегии и тактики борьбы с терроризмом в стране. Можно предположить, что невмешательство армии в недавние парламентские выборы в Пакистане косвенно указывает на отсутствие соответствующих идей, сил и средств и у военной элиты.

Трудно складываются у Пакистана отношения с соседями, в частности с Ираном. Так, с одной стороны, ведутся переговоры о перспективных энергетических и транспортных проектах. С другой стороны, с октября 2009 г. происходят регулярные вторжения вооруженных формирований в Иран с территории Пакистана, которые центральная власть в Исламабаде пока пресечь не может. Ликвидация (зачастую немотивированная) гражданских лиц, нарушение координации деятельности между институтами государства, паралич процесса управления в

провинциях – эти и многие другие факторы подрывают роль Пакистана в качестве «несущей конструкции» афганского урегулирования.

Что касается собственно Афганистана, то в этой стране наблюдается своеобразный паритет противостоящих друг другу сил. Пока (учитывая фактор западной помощи) Талибан не может одолеть Афганские силы национальной безопасности и подчинить своему контролю главные центры страны, включая Кабул и Кандагар. С другой стороны, центральные власти не имеют возможности лишиться Талибан контроля над восточными, южными и юго-западными областями Афганистана, где позиции движения прочны и устойчивы. В данных обстоятельствах политический компромисс между противостоящими сторонами выглядит неизбежным.

Однако на какой основе подобный компромисс может быть построен? Поддержание ситуации статус-кво обходится американским налогоплательщикам крайне дорого. По данным, циркулирующим в американской печати, «помощь» на период перехода может составить 4-6 млрд. долл. в годовом исчислении, и эта сумма превосходит «содействие» Израилю и Египту, вместе взятым. Кроме того, руководители Талибана умеют ждать, что было ими продемонстрировано в 2002-2013 гг. Ученые и эксперты к тому же сомневаются в способности Талибана хранить данные обещания; да и в самом движении наличествуют различные группировки, цели которых далеко не всегда совпадают.

Все это, видимо, требует иного подхода к процессу «пост-американского» урегулирования, а именно: расширения круга участников мирного процесса. При этом следует учитывать, что «тайная дипломатия» в Афганистане с самого начала окажется неэффективной.

Вывод международных сил из Афганистана не сулит быстрого политического урегулирования. Подход к афганской проблеме предполагает некий порядок действий, первым из которых должен стать американский/западный план «разблокирования» афганской проблемы. При этом нужно ясно представлять, что силами США и Пакистана афганскую проблему не решить. Поэтому позволю себе несколько предложений, реализация которых разрешит подойти к афганской проблеме с реалистической точки зрения.

1. Афганское урегулирование возможно лишь на многосторонней основе, поскольку оно затрагивает интересы практически всех стран «большой» Центральной Азии, а равно – и России, и Китая, и Индии. Будет также объективно возрастет роль Ирана.

2. Необходимо активное взаимодействие всех региональных государств «большой» Центральной Азии (плюс Россия, Индия, Китай) в сферах внешнеэкономических связей, в отраслях трудопоглощающей экономики (сельское хозяйство, транспортная инфраструктура, энергетика), пограничных обменов и торговли и т.д.

3. Целесообразно использовать механизм ШОС в части инвестиционной деятельности для восстановления экономики Афганистана, а также для формирования многосторонних/международных экономических проектов, способствующих изоляции сил радикального политического ислама.

4. Необходимо сделать политической задачей «включение» Международного транспортного коридора «Север - Юг» с целью вовлечения максимального числа экономически активного населения в хозяйственные процессы в макрорегионе.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

Е.А. Канаев

СОВЕЩАНИЕ МИНИСТРОВ ОБОРОНЫ АСЕАН+8

В августе 2013 г. состоялось второе заседание Совещания министров обороны (СМО) АСЕАН+8⁹⁶. Становление этой площадки многостороннего диалога произошло относительно недавно – первая встреча представителей военных ведомств восемнадцати стран прошла в Ханое в октябре 2010 г. Между тем, СМО АСЕАН+8 – один из ключевых компонентов формирующейся архитектуры многостороннего сотрудничества в АТР. Осмыслить его эволюцию и перспективы и оценить достигнутые результаты – важная и своевременная задача для интересов Российской Федерации, стремящейся укрепить свои позиции в АТР.

СМО АСЕАН+8 была создана на базе Совещания министров обороны АСЕАН. Последнее было образовано в 2006 г. как реакция на землетрясение и цунами, обрушившиеся на Юго-Восточную и Южную Азию в декабре 2004 г. Ликвидируя последствия этих бедствий, ассоциированные государства убедились: наибольшую помощь в таких ситуациях могут оказать вооруженные силы. И действительно, армия эффективнее, чем большинство гражданских служб, обеспечивает население предметами первой необходимости и проводит его эвакуацию из пострадавших районов. Вполне естественно, что в странах «десятки» возникла идея объединить потенциалы национальных вооруженных сил для скоординированных действий по борьбе не только с последствиями природных катаклизмов, но и другими нетрадиционными угрозами безопасности ЮВА.

Впоследствии стало ясно: для успешного достижения поставленной цели потенциала одной лишь Ассоциации недостаточно. Ей объективно необходимо содействие со стороны внешних партнеров.

Во-первых, АСЕАН не смогла убедить руководство Мьянмы в необходимости действовать сообща во время ликвидации последствий тайфуна Нургис в 2008 г. Тогда погибло более 138 тыс. человек, а материальный ущерб превысил 10 млрд. долларов. Однако Мьянма упорно отказывалась пустить на свою территорию военных из других стран АСЕАН. Это подтолкнуло Ассоциацию к логичному выводу: исходи такая просьба из Пекина, Мьянма отнеслась бы к ней с большим вниманием, принимая во внимание характер китайско-мьянманских отношений.

Во-вторых, происходило обострение противоречий между претендентами на острова Южно-Китайского моря. Политика Китая становилась все более напористой, и Ассоциация отчетливо понимала: подтолкнуть Пекин к сдержанности ей позволит лишь обретение поддержки со стороны сильного «внешнего» партнера.

В-третьих, нарастала критика способностей Ассоциации направлять процессы многостороннего сотрудничества в АТР. Отражением этого стали предложения о создании новых многосторонних форматов, в частности – Азиатско-тихоокеанского и Восточноазиатского сообществ, в рамках которых АСЕАН не была бы наделена функциями координатора. Соответственно, сформировав диалоговый формат с участием ключевых субъектов политики и безопасности АТР и определяя

⁹⁶ В составе десяти стран АСЕАН и Китая, Японии, Республики Корея, Индии, Австралии, Новой Зеландии, США и России.

повестку его заседаний, Ассоциация продемонстрировала бы безосновательность таких аргументов.

Все сказанное выше привело к созданию усилиями АСЕАН нового объединения – СМО АСЕАН+8. Основные результаты его первого заседания можно считать успешными для АСЕАН – ведь ее статус «движущей силы» СМО АСЕАН+8 был подтвержден⁹⁷. Вместе с тем, после ханойской сессии ситуация стала меняться не в лучшую сторону для интересов АСЕАН.

Во-первых, Китай, США и Япония стали настойчиво предлагать Ассоциации проводить заседания глав оборонных ведомств на «сепаратной» основе – в формате не СМО АСЕАН+8, а СМО АСЕАН+1⁹⁸. Это могло способствовать раскоординации деятельности АСЕАН и снижению эффективности СМО АСЕАН+8.

Во-вторых, все менее отчетливой становилась грань между деятельностью СМО АСЕАН+8 и Регионального форума АСЕАН (АРФ) – приоритетом для обеих площадок остается противодействие нетрадиционным угрозам безопасности. Этому сопутствовала очередная порция критики способностей Ассоциации выступать локомотивом процессов многостороннего сотрудничества в АТР: в принятом АСЕАН Рабочем плане АРФ в области превентивной дипломатии, без ответа осталось множество вопросов как концептуального, так и практического характера⁹⁹.

Учитывая эти обстоятельства, на втором заседании СМО АСЕАН+8 Ассоциация должна была добиться от своих партнеров подтверждения ее статуса координатора – не только деятельности этой диалоговой площадки, но и формирующейся системы многостороннего сотрудничества в АТР. Основные решения брунейской встречи СМО АСЕАН+8 позволяют заключить, что сделать это Ассоциации удалось.

Прежде всего, участники заседания подтвердили приверженность фундаментальным принципам, прописанным в Договоре о дружбе и сотрудничестве АСЕАН и Хартии АСЕАН, а также оговорили: СМО АСЕАН+8, как и СМО АСЕАН, нацелено на формирование Сообщества АСЕАН в сфере политики и безопасности. Не менее важным стало подтверждение статуса АСЕАН как «движущей силы» СМО АСЕАН+8, а также призыв к координации деятельности СМО АСЕАН+8 с другими площадками многостороннего диалога, прежде всего, АРФ. Наконец, было подчеркнуто, что деятельность Экспертных рабочих групп СМО АСЕАН+8 и ротация их сопредседателей будет осуществляться в соответствии с решениями СМО АСЕАН¹⁰⁰.

⁹⁷ Chairman's Statement of the First ASEAN Defence Ministers' Meeting-Plus: "ADMM-Plus: Strategic Cooperation for Peace, Stability, and Development in the Region" Ha Noi, 12 October 2010. // <http://www.asean.org/news/asean-statement-communicues/item/chairman-s-statement-of-the-first-asean-defence-ministers-meeting-plus-admm-plus-strategic-cooperation-for-peace-stability-and-development-in-the-region-ha-noi-12-october-2010-2>

⁹⁸ Подробнее см.: Chalermpananupap T. ASEAN Defence Diplomacy and the ADMM-Plus. ISEAS Perspective. 26 August 2013. // http://www.iseas.edu.sg/documents/publication/iseas_perspective_2013_49_asean_defence_diplomacy_and_the_admm_plus.pdf

⁹⁹ ASEAN Regional Forum Preventive Diplomacy Work Plan. Approved by ARF SOM. 10 June 2011. // <http://aseanregionalforum.asean.org/files/library/ARF%20Chairman's%20Statements%20and%20Reports/The%20Eighteenth%20ASEAN%20Regional%20Forum,%202010-2011/2%20-%20ARF%20Work%20Plan%20on%20Preventive%20Diplomacy.pdf>

¹⁰⁰ Bandar Seri Begawan Joint Declaration on the Second ASEAN Defense Ministers' Meeting Plus. Bandar Seri Begawan, 29 August 2013. // <https://admm.asean.org/dmdocuments/1.%20BANDAR%20SERI%20BEGAWAN%20JOINT%20DECLARATION%20ON%20THE%20SECOND%20ASEAN%20%20DEFENCE%20MINISTERS%27%20MEETING%20PLUS%20%28SCANNED%291.pdf>

Такие результаты второго заседания СМО АСЕАН+8 свидетельствуют, что задачи, актуальные для АСЕАН на данном этапе, в целом решены. Вместе с тем, принимаемые декларации, при всех их важности, должны быть подкреплены практическими делами. И здесь особую помощь Ассоциации может оказать Россия.

Российская Федерация имеет самый непосредственный интерес к участию в заседаниях СМО АСЕАН+8. Концепция внешней политики РФ придает большое значение взаимодействию с азиатско-тихоокеанскими структурами многосторонней дипломатии. Эффективность российского «поворота в Азию» зависит от того, насколько успешно мы будем координировать наши перспективные планы с приоритетами наших соседей. Наконец, интересам России отвечает дальнейшее «уплотнение регионального пространства» усилиями малых и средних игроков – в том числе, в виде разветвленной сети многосторонних переговорных структур. Именно такая система может предотвратить нарастание противоречий между ключевыми субъектами региональных отношений до крайних, заведомо деструктивных форм. Последнее напрямую отвечает интересам и Ассоциации.

В выступлении заместителя министра обороны РФ А.И.Антонова на брунейской сессии СМО АСЕАН+8 российская позиция была определена предельно четко. Основная мысль – назрела потребность сформировать «атмосферу неделимой безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в регионе». Кроме того, российский представитель подчеркнул: СМО АСЕАН+8 является одним из элементов формирующейся региональной архитектуры безопасности. Это можно рассматривать как поддержку Россией решения ассоциированных государств усилить координацию деятельности асеаноцентричных диалоговых площадок. Наконец, инициативы, предложенные Россией, включали обсуждение тем, актуальность которых несомненна – начиная от системы ПРО США в АТР и заканчивая сотрудничеством по линии борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности.¹⁰¹

В общем и целом, заседания СМО АСЕАН+8 будут оставаться важным элементом многостороннего диалога по вопросам безопасности в АТР. При этом есть основания ожидать роста влияния российского фактора на приоритеты СМО АСЕАН+8 и формирование системы многостороннего сотрудничества в регионе.

А.С. Прозоровский

ОЧЕРЕДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В ТАИЛАНДЕ

События, развернувшиеся в Таиланде в октябре – декабре 2013 года оказались в значительной мере вытеснены с телеэкранов мировых СМИ непрекращающейся войной в Сирии и затянувшимся противостоянием на Украине. А между тем, Таиланд переживает сегодня бурный период, очередной виток борьбы за демократию, сопровождающийся демонстрациями и митингами, захватом

¹⁰¹ Тезисы выступления заместителя Министра обороны Российской Федерации А.И.Антонова на втором Совещании министров обороны стран Ассоциации государств Юго-Восточной Азии и партнеров по диалогу («СМОА-плюс»). Министерство обороны Российской Федерации. 29 августа 2013 г. // http://function.mil.ru/news_page/person/more.htm?id=11830387@egNews&_print=true

правительственных зданий, попытками оппозиции инициировать судебные разбирательства в отношении премьер-министра и ряда членов правительственного кабинета. Иными словами, в стране наблюдается серьезный политический кризис, который в дальнейшем может обернуться негативными последствиями для экономики и даже безопасности.

Нынешний кризис в Таиланде далеко не первый. В стране давно наблюдается раскол элит. В 90-х гг. помимо традиционной (старой) элиты, состоявшей из придворной аристократии, верхушки военных и столичных чиновников, начался быстрый рост новой элиты, преимущественно китайской по происхождению и финансово-промышленной по роду деятельности. На сегодняшний день наблюдается некоторое сближение и взаимопроникновение этих двух элит, однако, сохраняется грань, по которой раскол остался и даже усилился, – это отношение к личности опального политика Таксина Чиннавата. В отличие от большинства представителей «новых тайцев», сделавших свое состояние в южных провинциях, где развита промышленность и курортный бизнес, Таксин был выходцем из богатой китайской семьи с севера страны (г.Чиангмай). Его правление (2001 – 2006 гг.) было отмечено переориентацией внутренней политики на развитие аграрных районов страны. Это принесло Таксину прочную поддержку крестьян из северных провинций и породило стойкую неприязнь к нему у столичной элиты (как старой, так и новой).

Сегодняшний политический кризис тесно связан с именем Таксина, поскольку с 2011 г. в Таиланде у власти находится партия «Пхыат Тхай» (Ради Таиланда), продолжающая курс Таксина и возглавляемая его сестрой Йинглак Чиннават. Чтобы лучше понять расстановку сил и политические хитросплетения, нелишним будет вспомнить основные вехи политической истории Таиланда с конца XX в.

Нелегкие времена для Таиланда, когда Азиатский финансовый кризис 1997 – 1998 гг. обострил социально-экономические проблемы и нанес сильный удар по национальной гордости тайцев, поколебал их веру в возможность дальнейшего успешного развития страны. В этой ситуации в 1998 г. Таксин Чиннават, уже делавший первые шаги в политике, создал свою партию «Тхай рак Тхай», чье название можно перевести как «Тайцы, любите Тайланд», «Тайцы, любите все тайское». Идеологией партии стала смесь патриотизма и популизма, но без левизны. Напротив, приверженность капитализму и дальнейшее встраивание Таиланда в мировой процесс глобализации, было в основной ориентации Таксина. В январе 2001 г. «Тхай рак Тхай» одержала победу на выборах, получив уверенное большинство в парламенте, а Таксин возглавил правительство.

На момент прихода к власти он уже сделал солидную карьеру на государственной службе и в частном бизнесе. Начав свой путь в тайландской полицейской академии, Таксин продолжил его, обучаясь в США, где получил степень доктора наук в области криминологии. В полиции Бангкока он дослужился до звания подполковника, женился на дочери генерала полиции. Уйдя в отставку, Таксин занялся бизнесом. Воспользовавшись конъюнктурой и связями, он получил от правительства на 10 лет право на развитие сотовой, пейджинговой и даже спутниковой связи в стране. За короткий срок Таксин Чиннават создал целую телекоммуникационную империю, заняв в 1995 г. 18-е место среди богатейших людей мира¹⁰².

Как уже говорилось, основной упор во внутренней политике Таксин сделал на поднятие северных аграрных районов страны. Был введен трехлетний мораторий на выплаты по долгам, крестьяне получили возможность брать кредиты в банках под

¹⁰² Элиты стран Востока. – М.: Издательский дом «Ключ-С», 2011, с. 234-235.

низкий процент, что привело к исчезновению ростовщиков-китайцев. Селам стали выделять госдотации, началось активное развитие инфраструктуры, бесплатного образования и медицинского обслуживания для малоимущих. В сжатые сроки правительству Таксина Чиннавата удалось справиться с последствиями кризиса 1997 – 1998 гг. Доходы крестьян выросли на 40%, что обеспечило правящей партии и лично премьеру надежную поддержку на периферии¹⁰³.

Вместе с тем к 2006 г. в стране сложилась стойкая оппозиция Таксину, в которую вошла не только традиционная элита и политические соперники, но и значительные слои городского населения, преимущественно из среднего класса. Недовольство было вызвано затратными программами по развитию села, которые воспринимались горожанами как осуществляемые за их счет; слишком жестким контролем за СМИ; коррупционными скандалами, периодически возникавшими вокруг имени Таксина. Не прибавила популярности бывшему полицейскому борьба с наркотиками, в ходе которой свыше 2500 наркоторговцев были ликвидированы без суда и следствия.

Негативную реакцию вызывал и авторитарный характер премьера, стремившегося управлять страной, так же, как он управлял своим бизнесом. Ряд поступков Таксина был расценен как посягательство на институт монархии, столь почитаемый всеми в Таиланде. В действительности, премьер не имел ничего против короля, но намечал широкомасштабную перестройку административной системы, с ограничением власти бангкокской бюрократии, снижением ее роли в обществе и перераспределением полномочий в пользу губернаторов провинций.

В 2005 г. «Тхай рак Тхай» победила на выборах, однако массовые акции протеста, инспирированные оппозиционной Демократической партией, привели к роспуску кабинета. Досрочные выборы, проведенные в апреле 2006 г., были бойкотированы оппозицией, что дало Конституционному суду основание отменить их результаты. Таксин остался исполняющим обязанности главы правительства до следующих выборов, назначенных на осень. Но в сентябре, когда он находился в Нью-Йорке на Ассамблее ООН, старая элита прибегла к военному перевороту как испытанному средству политической борьбы в Таиланде. Быстрый и бескровный переворот был осуществлен, несомненно, с ведома короля Пумипхона Адульядета (Рамы IX). Решением Конституционного суда партия Таксина была распущена. Сам Таксин предпочел не возвращаться в страну, где против него был выдвинут ряд обвинений. Позднее, в 2008 г. бывший премьер прибыл в Бангкок, чтобы предстать перед судом. В ходе разбирательства его жена была признана виновной в незаконных сделках с недвижимостью и приговорена к 3 годам тюремного заключения. Таксину грозило 2 года тюрьмы, а его счета на 2,2 млрд. долл. были заморожены тогдашним таиландским правительством. Добившись выезда из страны под залог, под предлогом посещения Олимпийских игр в Пекине, семья Чиннаватов обратно не вернулась¹⁰⁴.

Отстранение Таксина само по себе еще не означало, что власть автоматически перешла к его противникам. На очередных парламентских выборах в декабре 2007 г., победила партия «Паланг Прачачхон» (Партия власти народа), которую в таиландской прессе открыто называли «реинкарнацией «Тхай рак Тхай» и «марионеткой Таксина». Ее лидер Самак Сунтхаравет публично подтвердил, что является «выдвиженцем Таксина»¹⁰⁵. С этого момента политический кризис принял

¹⁰³ Там же., с. 236.

¹⁰⁴ Far Eastern Economic Review, December 2008, p.25.

¹⁰⁵ <http://cyberleninka.ru/article/n/tailand-v-2008-2009-gg-politicheskiy-krizis-preodolen#ixzz2sdIOkB4c>

затяжной характер. Борьба сторонников Таксина (красных рубашек) и противников (желтых рубашек) практически не прекращалась, выплескиваясь на улицы в виде митингов, шествий, блокады и захвата правительственных зданий. В этой борьбе сторонники опального премьера, как и прежде, опирались на широкие слои крестьян из северных районов, а противники – на жителей столицы, других городов и курортного юга страны. Главной ударной антитаксиновской силой стала неправительственная организация «Народный союз за демократию» (НСД), которую поддерживали дворцовая аристократия, ряд бизнесменов, часть университетской профессуры и средний класс столицы.

Здесь следует особо отметить вводящее в заблуждение название организации. Несмотря на слова «народный» и «демократия», одной из центральных задач НСД была (и остается) борьба за изменение существующей избирательной системы, в частности отмену принципа «один человек – один голос». Объясняется это тем, что голосующие за Таксина крестьяне слишком многочисленны, необразованны, бедны и легко поддаются на подкуп и посулы власти.

Используя приемы из арсенала «цветных революций» и помощь в лице Конституционного суда, Демократическая партия добилась сначала смещения лидера «Паланг Прачачхон» Самака Сунтхаравета, а спустя некоторое время и отставки всего кабинета во главе с новым премьером Сомчаем Вонгсаватом (зятем Таксина). Решением Конституционного суда Партия власти народа была распущена, а ее руководители лишены права заниматься политической деятельностью в течение 5 лет.

После ряда политических маневров «демократам» удалось сформировать в парламенте коалицию и новое правительство во главе с Апхиситом Ветчачивой, выражавшее интересы антитаксиновской элиты. Однако тут настал черед «красных рубашек», которым было не ясно, на каком основании избранные ими политики отстранены от власти, а политические противники оказались у руля. Вместо «Паланг Прачачхон» была создана новая партия «Пхыа Тхай» (Ради Таиланда) той же самой протаксиновской ориентации.

Противостояние затянулось на полтора года. Правительство неоднократно применяло войска для разгона протестующих. Наиболее драматические события развернулись в мае 2010 г. когда власти провели штурм укрепленного лагеря «красных рубашек» в центре Бангкока. Тогда было убито свыше 90 человек, и около 2000 получили ранения. В ответ на ликвидацию лагеря «красные» сожгли один из крупнейших торговых центров столицы, а также здание биржи и головные офисы нескольких банков. Столь масштабное применение насилия привело к снижению авторитета военных и правящей Демократической партии, а также к «потере лица» Апхиситом Ветчачивой как политика, не сумевшего достичь компромисса, столь ценимого в буддистском Таиланде. В итоге, на выборах 2011 г. победа досталась «Пхыа Тхай», которую возглавила сестра Таксина Йинглак Чиннават.

С самого начала в адрес новой власти посыпались обвинения в ее «марионеточном» характере. В том, что Таксин поддерживает (в том числе и финансово) свою партию и является советником сестры, ни у кого не вызывало сомнений. Споры касались степени влияния опального политика. По мнению некоторых тайландских политологов, Таксин выступает как председатель совета директоров, определяя издали общую стратегию и тактику, в то время как его сестра играет роль управляющего, который уточняет и корректирует линию

правительства применительно к обстановке на месте, которую она знает и понимает гораздо лучше¹⁰⁶.

Немало критики вызвала у оппозиции квалифицируемая как популистская программа «Пхыа Тхай», которая предполагала осуществление целого ряда дорогостоящих и долгосрочных мега-проектов типа строительства скоростных железнодорожных магистралей из Бангкока по четырем направлениям, введения 10 новых линий метро в столице и т.п. Среди социальных обещаний в ней были отсрочка выплат по долгам на 3-5 лет (при сумме до 1 млн. батов); отмена налогов для покупающих впервые жилье или автомобиль местной сборки; рост минимальной зарплаты до 300 батов в день; минимальная месячная зарплата выпускника вуза в 15 тыс. батов; бесплатный Wi-Fi по всей стране и планшетные компьютеры первоклассникам.

Впрочем, летом 2011 г. политические страсти отошли на второй план из-за крупнейшего наводнения, которое, начавшись в июле, продолжилось до середины января 2012 г. Стихийное бедствие затронуло 65 из 77 провинций Таиланда, пострадали свыше 11 млн. человек. Были затоплены многие промышленные предприятия и огромные сельскохозяйственные угодья. Ущерб от наводнения составил по разным оценкам 10 – 16 млрд. долларов. Пострадала и столица, половина районов которой оказались под водой.

Вскоре у правительства Йинглак Чиннават обозначились новые проблемы. Ни к чему хорошему не привела программа льготного кредитования для покупки автомобилей, позиционированная как преодоление «неравенства возможностей» и рассчитанная, прежде всего, на молодежь. Быстро выяснилось, что неравенство возможностей сохранилось, а большая часть купленных в кредит автомобилей перешла к банкам из-за невыплаты кредитов.

Более серьезным провалом стала программа «рисового залога», являвшаяся важнейшей составляющей внутренней политики Йинглак Чиннават. По этой программе государственные закупочные цены на рис были установлены выше мировых (в 2012 г. на 30%), что должно было повысить доходы крестьян и обеспечить партии твердую поддержку на селе. В экономическом плане программа позволяла создать стратегический запас риса в стране, регулировать внутренние цены на него и объем экспорта.

Изначально расчет стоился на том, что временное накопление риса на госскладах сократит его предложение на мировом рынке и приведет к росту цен. Фактически речь шла о спекулятивных действиях на государственном уровне. Выгода от продажи риса после его подорожания должна была покрыть расходы от повышения закупочных цен и принести прибыль в бюджет. Однако климатические условия в 2012 – 2013 гг. оказались весьма благоприятны для рисоводства, в результате чего Индия, которая долгое время была лишь потребителем риса, смогла нарастить его экспортное производство. Свою «рисовую лепту» в заполнение освободившейся тайской ниши на мировом рынке внесли и соседи – Бирма, Камбоджа, Лаос, Вьетнам. В итоге, Таиланд лишился своего лидерства в экспорте риса, а ожидаемый рост цен не случился, напротив цены даже немного понизились.

Возникли и другие сложности. В частности, на второй год реализации программы начались проблемы с хранением запасов. Потребовались дополнительные площади, хозяева которых, видя ситуацию, взвинтили арендную плату.

¹⁰⁶ <http://cyberleninka.ru/article/n/tailand-2012-g-dostignuto-li-natsionalnoe-primirenie#ixzz2tlwCmarS>

Не обошлось и без коррупции. С одной стороны, тайские крестьяне и местная администрация быстро уловили конъюнктуру и принялись продавать своему правительству не только тайский, но и камбоджийский рис, доставленный через прозрачные границы. С другой, – правительство допустило к экспорту риса лишь три компании, причем одна из них, новичок на рынке сельскохозяйственной продукции, оказалась в собственности супруги одного из членов правительства¹⁰⁷. Оппозиция обратилась в Национальную антикоррупционную комиссию с требованием расследовать этот случай. Чем закончится разбирательство пока не ясно, однако уже сейчас очевидно, что правительство загнало себя в ловушку. Реализовать накопленные запасы практически невозможно, а попытка снизить закупочные цены уже привела к крестьянским протестам.

Непосредственным же поводом к событиям, развернувшимся в Бангкоке в ноябре – декабре 2013 г., стала попытка правительства внести ряд поправок в конституцию и провести через парламент новый закон об амнистии. Поправки предполагали возврат к конституции 1997 г., которая была изменена в 2007 г. военными. Тогда изменения коснулись расширения полномочий Верховного и Конституционного судов. В частности, суды получили право пересматривать решения парламента, которым они активно пользуются с 2008 г. по сей день. Кроме того, поправки 2007 г. сделали Сенат избираемым лишь наполовину. Назначенные в его состав представители старой элиты выступают серьезной помехой для правительства при проведении тех или иных инициатив через парламент. Амнистия же для всех участников политических протестов дала бы возможность Таксину Чиннавату вернуться на родину¹⁰⁸.

Как и следовало ожидать, поправки и закон были одобрены лишь в Палате Представителей, где «Пхья Тхай» имеет большинство, но заблокированы в Сенате. Конституционный суд признал поправки антиконституционными. Йинглак отозвала свои инициативы, дабы не накалять обстановку. Однако, 25 ноября оппозиция вывела на улицы Бангкока многотысячную толпу своих «желтых» сторонников.

«Наша единственная цель состоит в том, чтобы избавить страну от режима Таксина», – заявил лидер уличных выступлений бывший вице-премьер и депутат от оппозиционной Демократической партии Сутхеп Тхаугсубан. Под его руководством «желтые рубашки» начали блокаду и захват правительственных зданий для полной дестабилизации работы кабинета. Несмотря на введение чрезвычайного положения в столице и выданный Криминальным судом ордер на арест Сутхеп Тхаугсубана, марши оппозиции не прекратились. По оценкам полиции, они собрали до 400 тыс. человек¹⁰⁹. В осаде оказались министерства труда, энергетики, здравоохранения и торговли. Более того, протестующим удалось добиться эвакуации всех сотрудников из здания главной спецслужбы Таиланда – Департамента специальных расследований министерства юстиции. Полиция и армия заняли нейтральную позицию.

В этой ситуации Йинглак Чиннават приняла решение о роспуске парламента и проведении досрочных выборов. 10 декабря это решение было одобрено королем

¹⁰⁷ К. Вонглиди, Д.С.Ушаков Государственные закупки как фактор конкурентоспособности национального экспорта сельхозпродукции (на примере рисовых залогов в королевстве Таиланд). Современные проблемы государственной политики в области управления государственными и муниципальными заказами. Актуальные вопросы модернизации системы госзаказа. Международная научно-практическая Интернет-конференция. Сборник статей.- Ростов н/Д.: 2012, с.11.

¹⁰⁸ http://samlib.ru/b/bakanowa_m_w/politicheskij_kollapstajlanda.shtml

¹⁰⁹ <http://news.ivist.kz/50634343-korol-tailanda-ne-hochet-krovoprolitiya-armiya-derzhit-neytralitet-doprikaza-monarha---e-novikova>

Пумипхоном Адульядетом, который назначил новые выборы на 2 февраля 2014 г. Оппозиция оценила действия Йинглак как бесполезные, поскольку до выборов она остается у власти в качестве и.о. премьер-министра. «Мы даем 24 часа временному правительству на то, чтобы очистить место для кабинета и премьер-министра, которых назначит король. Мы, от имени Народного комитета демократической реформы, вводим в действие третью и седьмую статьи конституции, предполагающие назначение премьер-министра и кабинета монархом и создание народного совета как временного демократического органа власти», – заявил Сутхеп Тхаугсубан¹¹⁰.

Какие выводы можно сделать из сложившейся ситуации? Очевидно, что нынешнее правительство оказалось в тупике, выход из которого не просматривается. Перейдя после роспуска парламента на временное положение, кабинет лишился доступа к фондам, зарезервированным для выкупа риса (порядка 130 млн. батов). Последние платежи оказались просрочены, что вызвало сильное недовольство и народные выступления в деревне. Рис в Таиланде – это политика, а крах программы «рисового залога» – прямой путь для «Пхыа Тхай» к потере своего электората.

Что касается «желтых рубашек», то они, похоже, намерены максимально использовать данный кризис для борьбы с «тиранией парламентского большинства». Со времен Таксина Демократическая партия ни разу не побеждала на выборах без помощи военных и Конституционного суда. А потому наиболее вероятным методом дальнейшей борьбы для нее станет бойкот грядущих выборов.

Предвидя возможность такого исхода, Йинглак Чиннават перед своей отставкой вопрошала тайцев: «Не получится ли так, как это случилось в 2006 г, когда оппозиционные партии бойкотировали выборы, и в результате сложился политический тупик, закончившийся военным переворотом?»¹¹¹ Вполне возможно, что так и будет. И это будет выход, вполне традиционный для Таиланда.

Есть и еще один политический аспект, который в Таиланде открыто не обсуждают, но которого все ждут. Речь идет о престолонаследовании. Пумипхон Адульядет уже стар, а его наследника, Маха Вачиралонгкона, по некоторым данным связывают деловые отношения с Таксином Чиннаватом¹¹². Так что, возможно, опальный политик еще вернется в Таиланд, если не благодаря амнистии или победе своей партии, то по милости будущего монарха.

В.Ф. Урляпов

МАЛАЙЗИЯ И ТРАНСТИХООКЕНСКОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО

Идея достижения соглашения о Транстихоокеанском экономическом партнерстве (ТТЭП или ТТП) имеет почти десятилетнюю историю. Фактическими инициаторами ТТП выступили Бруней, Новая Зеландия, Сингапур и Чили, подписавшие в середине 2005 г. Соглашение о Транстихоокеанском стратегическом партнерстве (ТТСП), предусматривавшее либерализацию взаимной торговли. Далее на протяжении двух лет новая группировка практически ничем себя не проявляла.

¹¹⁰ <http://www.politcom.ru/print.php?id=16890>

¹¹¹ http://www.gazeta.ru/politics/2013/12/09_a_5794713.shtml

¹¹² <http://expert.ru/expert/2011/27/klassovyye-vyiboryi/>

Интерес к созданию новой региональной организации резко возрос в 2008 г., когда к переговорам по ее расширению выразили желание присоединиться США. Вашингтон заявил о стремлении создать в лице ТТП новую торгово-экономическую группировку, отвечающую стандартам XXI века и своими правилами превосходящую ВТО и АТЭС. При этом администрация Обамы не скрывала, что рассматривает ТТП как инструмент значительного расширения американского экспорта в страны «Тихоокеанского кольца» и, соответственно, увеличения занятости в сфере промышленности и услуг США.

Вслед за США к переговорам подключились Австралия, Перу и Вьетнам, а в 2012 г. Канада и Мексика, а в марте 2013 г. Япония. Малайзия вступила в переговорный процесс в октябре 2010 г.

Стремление Малайзии упрочить позиции в мировой торговле и в первую очередь на американском рынке представлялось вполне закономерным. По важности этот рынок занимал второе место после Китая. В 2012 г. объем двусторонней торговли составлял 38,5 млрд. долл., причем с крупным положительным сальдо для Малайзии (около 13 млрд. долл.) Важнейшими статьями малайзийского экспорта за океан являлись микрочипы и другие компоненты бытовой и промышленной электроники, оптические и медицинские инструменты, а также такие традиционные товары, как каучук и пальмовое масло¹¹³

Американские корпорации выступали важнейшими инвесторами. В 2011 г. их капиталовложения в суммарном объеме составили около 12 млрд. долл. Инвестиции направлялись главным образом в производство электронного и электротехнического оборудования для дальнейшего вывоза в США и снабжения дочерних американских компаний в странах Азиатско-Тихоокеанского региона. В этом секторе малайзийской экономики доминировали такие гиганты, как Intel, мировой лидер по производству микрочипов, Motorola, крупнейший производитель телекоммуникационного оборудования, Fairchild и Agilent, компании, специализирующиеся на производстве точных измерительных приборов. Помимо этого, американские компании активно участвовали в разработке углеводородного сырья на малайзийском шельфе.

Придя к власти в 2003 г., премьер-министр Абдулла Ахмад Бадави резко поменял прежний негативный подход к заключению соглашений о свободной торговле с внерегиональными партнерами. Однако начавшиеся переговоры с США вскоре зашли в тупик в связи с негативным отношением Вашингтона к принятой в Малайзии официальной стратегии предоставления особых экономических привилегий коренным малайцам – «бумипутра» (политика «позитивной дискриминации»), а также по таким вопросам как порядок государственных закупок, регулирования авторских прав и др. Как заявила в феврале 2007 г. тогдашний министр внешней торговли и промышленности Рафида Азиз, в ходе переговоров обозначилось 58 спорных вопросов, решение которых в соответствии с требованиями американской стороны потребовало бы ревизии законодательной базы страны и пересмотра политики ведущих министерств и ведомств, в том числе офиса премьер-министра. Так или иначе, к концу 2007 г. процесс двусторонних переговоров окончательно зашел в тупик.¹¹⁴

Присоединившись к переговорам по ТТП, действующее правительство Наджиба Разака намеревалось поддержать инициированный им процесс осторожных внутренних социально-экономических реформ. Разъясняя мотивы и цели Малайзии, Дж.Джаясири, главный переговорщик от страны на консультациях

¹¹³ <http://www.ustr.gov/countries-regions/southeast-asia-pacific/malaysia>

¹¹⁴ Saravanamuttu, Jonan. Malaysia's Foreign Policy. The First Fifty Years. Alignment, Neutralism, Islamism/Singapore, 2010, p.310-311

по ТТП, заявил в конце 2013 г., что принципы свободной торговли и либерализации являются именно теми инструментами, посредством которых правительство стремится вывести страну на новый уровень развития. По его словам, подключение к ТТП предоставляет возможность объединить внутренние усилия, предпринимаемые правительством по модернизации социально-экономической структуры страны, с реалиями глобального рынка. В широком плане присоединение к ТТП, по его словам, будет способствовать реализации долгосрочной цели превращения Малайзии к 2020 г. в современное государство с высокими доходами. Одновременно он заверил, что правительство предпримет необходимые меры по защите мелкого и среднего предпринимательства, помогая ему вписаться в новую экономическую реальность, хотя и не назвал конкретных мер и механизмов¹¹⁵

Однако далеко не все в Малайзии разделяли оптимизм по поводу присоединения к ТТП. В стране сформировалась представительная коалиция неправительственных организаций и многочисленных общественных объединений по защите прав потребителей, в категорической форме выступившая против участия в новой группировке. В парламенте группа депутатов оппозиции создала группу по мониторингу возможных последствий вступления в ТТП и призвала главу государства проявлять твердость во имя защиты национальных интересов страны.

Озабоченность по поводу «подводных рифов», скрывающихся за плотной пеленой секретности вокруг переговоров, обозначилась в правительственных кругах. Реагируя на нее, премьер-министр Наджиб Разак, выступая на саммите АТЭС на Бали в октябре 2013 г., заявил, что Малайзия не останется пассивным участником переговоров. Он подчеркнул, что рассматриваемый проект соглашения далеко выходит за рамки стандартных договоренностей о свободной торговле, ранее заключенных страной. По его словам, неординарный характер проекта соглашения, регулирующего права интеллектуальной собственности, арбитража между иностранными инвесторами и правительством принимающей страны, порядок государственных закупок, статус государственных компаний, вопросы экологии, трудовых отношений и пр., следует рассматривать как покушение на суверенные права государства.¹¹⁶

Необходимо отметить, что заверения главы правительства не произвели должного эффекта на оппонентов присоединения к ТТП. Комментируя итоги последнего раунда переговоров по ТТП, состоявшегося в феврале 2014 г. в Сингапуре, председатель Ассоциации потребителей Пинанга, штата, где размещены главные производственные мощности американских электротехнических корпораций, призвал правительство не идти на компромиссы. Дело в том, что, по просочившимся в СМИ сведениям, на сингапурском раунде переговоров США в обстановке повышенной секретности оказали массированное давление, дабы в максимальной степени согласовать проект финального документа и подготовить его к подписанию на условиях Вашингтона. Противники ТТП не исключали, что малазийские власти не смогут устоять перед нажимом США и поставить свою подпись под проектом соглашения.

Даже в случае подписания правительством соглашения оппозиция, не располагающая большинством в парламенте, намерена блокировать его ратификацию, опираясь на мобилизацию общественного мнения.

С другой стороны, местные оппоненты ТТП обратили внимание, что администрация Обамы не обладает правом в ускоренном порядке подписать соглашение о ТТП без санкции Конгресса США, который также держали в неведении

¹¹⁵ The Star, Kuala Lumpur, 13.07.2013

¹¹⁶ <http://www.freemalaysiaday.com/category/business/2013/10/22/ttp-opponents-wary...>

о реальном содержании документа. Обсуждение данного вопроса между Белым домом и Капитолийским холмом может затянуться на год. В создавшихся условиях противники ТТП в Малайзии полагают, что это дает лишний довод в пользу выхода из переговорного процесса.

ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ

А.Н. Федоровский

НАПРЯЖЕННОСТЬ В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Процессы, происходящие сейчас в Северо-Восточной Азии (СВА), обращают на себя внимание своим высоким динамизмом и деструктивным характером. Уже мало кто из политиков и экспертов вспоминает, что еще в мае 2012 г. было заявлено о стремлении подготовить трехстороннее Соглашение о свободной торговле, означающее дальнейшее продвижение к интеграции КНР, Японии и Южной Кореи. Если бы участникам переговоров удалось перевести экономический диалог Пекина, Токио и Сеула в практическую плоскость, это, скорее всего, позитивно отразилось бы на многогранных отношениях трех государств. Вместе с тем оказались преувеличенными надежды на то, что экономическое взаимодействие само по себе способно постепенно преодолеть противостояние в сфере политики и безопасности.

Со второй половины 2012 г. и на всем протяжении 2013 г. резко обострилась полемика вокруг островов (яп. Сенкаку, кит. Дяоюйдао), на которые претендуют Япония и КНР, а также островов (яп. Такэсима, кор. Токто), оспариваемых Японией и Республикой Корея. Достаточно быстро территориальные споры переросли уровень рутинных дипломатических обсуждений и вовлекли в дискуссию как высокопоставленных представителей политического руководства заинтересованных держав, так и представителей общественности.

В конце ноября 2013 г. в КНР было принято решение о введении опознавательной зоны ПВО, охватывающей территорию оспариваемых Китаем у Японии островов, а также часть аналогичной опознавательной зоны, установленной Республикой Корея. При этом китайские власти потребовали, чтобы гражданские и военные самолеты, пролетающие через этот район, докладывали о своем маршруте и радиочастотах. Свое критическое отношение к подобному шагу Пекина помимо Токио выразили Канберра и Сеул. Что касается администрации США, то вице-президент Джо Байден заявил о том, что США не признают одностороннее решение Китая.¹¹⁷ В соответствии с этой установкой американские военные самолеты, а также воздушные суда ВВС Японии и Южной Кореи будут продолжать пересекать указанную зону без предупреждения.

Сложилась политически опасная ситуация: соседи Китая не считают действия Пекина юридически обоснованными, в то же время китайское руководство не намерено даже обсуждать возможность отмены принятого решения об опознавательной зоне ПВО. Таким образом, ни одна из сторон не готова к компромиссу, боясь потерять лицо. В этих условиях любое происшествие на море и в воздухе в пределах спорной территории, которое могло бы быть истолковано региональными державами как вызов своим жизненно важным интересам, гипотетически способно привести к быстрому и плохо контролируемому переходу случайного происшествия в стадию военного инцидента, угрожающего в дальнейшем быстро развиться в полномасштабное политическое противостояние, а то и в локальный военный конфликт.

Объективно ни одна из сторон не заинтересована в стратегическом обострении отношений с региональными державами, а потому такое развитие

¹¹⁷ А. Братерский. Предпоследнее американское предупреждение.
http://www.gazeta.ru/politics/2013/12/06_a_5787153.shtml

событий все же представляется маловероятным. Тем не менее, межгосударственная риторика достигла опасного с точки зрения дипломатического этикета уровня. Символичным в этом плане стали высказывания в начале 2014 г. премьер-министра Японии Синдзо Абэ на Форуме в Давосе. Уже привычно С. Абэ объяснил свое посещение храма Ясукуни потребностью отдать дань памяти всем погибшим в войнах и помолиться о мире на земле.¹¹⁸ Одновременно он высказал политически «взрывоопасное» суждение, сравнив нынешний характер японо-китайских отношений с противостоянием между Германией и Великобританией перед Первой мировой войной, отметив, что наращивание Китаем военных расходов – одна из основных причин нестабильности в регионе.¹¹⁹

Заявление главы японского правительства, которое претендует на выражение озабоченности относительно перспектив обеспечения безопасности и поддержания военно-политической стабильности в СВА, оставляет без ответа вопрос, что же позволяет упомянутые страны сравнить с имперской Великобританией или с претендовавшей на лидерство в Европе кайзеровской Германией? Дальнейшие комментарии и уточнения представителей аппарата японского правительства о том, что С. Абэ вовсе не имел в виду возможность начала японо-китайской войны в ближайшее время, не смогли потушить разгоревшуюся критику, причем не только за рубежом, но и внутри страны. Так, лидер крупнейшей оппозиционной Демократической партии Японии Банри Кайэда осудил высказывания премьер-министра, призвал признать их неудачными и исключить возможность со стороны Японии повторения войн с азиатскими соседями.¹²⁰

Тем более не удивительно, что в Пекине подобная риторика вызвала резкий отпор. Официальный представитель МИД КНР заявил, что высказывание С. Абэ «таит в себе абсолютно четкую скрытую угрозу», посчитав само сравнение Японии с Великобританией невольным свидетельством наличия тайных планов «правого крыла Японии попытаться сдержать Китай», при том, что «у Китая нет ничего общего с предвоенной Германией», напротив, «развитие Китая – шанс, а не угроза для Азии и всего мира».¹²¹

Озабоченность напряженностью между КНР и Японией, способной перерасти в вооруженный конфликт, выразил командующий вооруженными силами США на Тихом океане адмирал Сэмюэль Локпир.¹²²

Прозвучавшее в дальнейшем предложение С. Абэ о переговорах, обращенное к китайскому руководству не встретило в Пекине положительного отклика. Китай рассчитывает на недвусмысленный отказ от прозвучавших в выступлениях японского премьер-министра политических оценок.

Обострившийся в СВА политический кризис позволяет сделать ряд предварительных выводов.

Во-первых, механизм регионального экономического сотрудничества оказался не в состоянии не только совершенствоваться, но наверняка будет испытывать трудности функционирования в уже наработанном режиме без параллельного преодоления тяжелого исторического наследия и в условиях обострения

¹¹⁸ В токийском храме Ясукуни поклоняются душам воинам, погибшим за Японию и императора.

Среди почитаемых в святилище есть несколько военачальников, признанных международным трибуналом военными преступниками. Посещение японскими политиками этого храма критикуется за рубежом, в первую очередь, в КНР и Республике Корея.

¹¹⁹ http://rus.ruvr.ru/2014_01_24/Premier-JAponii-razgneval-Kitaj-3086

¹²⁰ <http://russian.cri.cn/841/2014/01/28/1/28/1s499189.htm>

¹²¹ http://rus.ruvr.ru/2014_01_24/Premier-JAponii-razgneval-Kitaj-3086

¹²² Там же.

территориальных споров между Японией с одной стороны, Китаем и Республикой Корея – с другой.

Во-вторых, параллельно со строительством региональных экономических институтов насущной задачей становится формирование региональных организаций, содействующих политическому диалогу и обсуждению возможностей обеспечения безопасности расположенных в СВА государств.

В-третьих, хотя в эпицентре политического конфликта оказались Пекин и Токио, происходящее в той или иной мере затрагивает приоритеты всех региональных держав, включая США. Более того, возможно расширение участников конфликта по мере того, как станут затрагиваться интересы других государств.

В-четвертых, если в предшествующие годы внимание региональных держав фокусировалось на вопросах социально-экономического развития, то в условиях внешнеполитического противостояния создаются благоприятные возможности для наращивания военного потенциала – в качестве аргумента во внешней политике и в качестве фактора обеспечения национальной безопасности. Тем самым появилась реальная угроза возрастания в регионе гонки вооружений.

В-пятых, учитывая глубину накопившегося политического противостояния, трудно рассчитывать на решения в ближайшей перспективе территориальных споров. Между тем существуют весомые аргументы в пользу возникновения противоположной тенденции, в основе которой лежат все те же экономические факторы. Потребность экономического развития стоит в повестке дня во всех странах СВА. Этот побудительный мотив будет заставлять региональные державы искать пути возобновления широкомасштабного сотрудничества. Однако в данном случае государствам придется, по крайней мере, «заморозить» обсуждение территориальных проблем в их нынешнем состоянии, и постепенно начать развязку спорных вопросов, накапливая потенциал взаимного доверия.

Подключение к этому процессу США, ЕС, России и других влиятельные «игроков», заинтересованных в устойчивом развитии экономик стран СВА и упрочения региональной безопасности, позволило бы придать позитивным тенденциям необходимую предсказуемость и устойчивость.

АФРИКА

А. А. Рогожин

НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЫНКА КАПИТАЛОВ В СТРАНАХ АФРИКИ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

Рост и улучшение макроэкономической стабильности в Африке, устойчивые перспективы роста, улучшенное макроэкономическое управление, большая политическая стабильность, а также повышенный глобальный спрос на сырьевые товары, привели к существенному притоку частного капитала в Африку южнее Сахары (АЮС).

Портфельные инвестиции в рынки ценных бумаг и долговых обязательств в АЮС ещё незначительны преимущественно из-за малого объёма и слабой ликвидности местных рынков. Тем не менее, в последнее время высокий уровень отдачи и улучшение доступа на рынки капитала начали привлекать иностранных инвесторов, ищущих более высокую доходность на фоне рекордно низких учётных ставок на развитых рынках и снизившейся отдачи с более традиционных быстроразвивающихся рынков.

Увеличение притока финансов позволило странам Африки к югу от Сахары диверсифицировать круг инвесторов и получить доступ к международным рынкам облигаций на благоприятных условиях. Отмечается рост активности стран Африки к югу от Сахары на рынке еврооблигаций и планируется целый ряд эмиссий долговых обязательств. Ожидания сокращения ликвидности центрального банка в США привели в последнее время к увеличению процентов по облигациям стран АЮС. Они, скорее всего, будут вынуждены привыкнуть к более жёстким условиям выдачи кредитов и возросшими требованиями со стороны инвесторов в среднесрочной перспективе, однако спрос на активы стран региона до последнего времени оставался достаточно уверенным.

Благоприятные показатели роста стран АЮС, улучшение делового климата, проводимые экономические реформы, а также повышенный спрос на сырьё привлекли внимание глобальных инвесторов к континенту. С учётом текущих условий на глобальных финансовых рынках (рекордно низкие учётные ставки на развитых рынках и обилие ликвидности) это привело к увеличению притока частных инвестиций в АЮС в последние десять лет.

Приток частного капитала, т. е. прямые иностранные инвестиции и портфельные инвестиции в Африку к югу от Сахары, вырос почти в четыре раза, с 12,3 млрд. долл. в 2003 г. до 48,3 млрд. долл. в 2012¹²³. Прямые иностранные инвестиции (ПИИ) продолжают оставаться главным каналом для притока частного капитала в регион. В 2012 г. приток ПИИ обеспечил две трети всего притока частного капитала. По последним опубликованным данным (только по ПИИ), приток прямых иностранных инвестиций в АЮС возрос в 2013 г. на 10% (до 42 млрд. долл.). Наиболее привлекательными для иностранных инвесторов в минувшем году были ЮАР (10 млрд. долл.), Мозамбик (7 млрд. долл.) и Нигерия (5,5 млрд. долл.)¹²⁴.

Сама природа входящих ПИИ, однако, меняется. ПИИ ныне не направляются исключительно в добывающие отрасли, всё более привлекательным для них становится растущий африканский потребительский рынок. Среди наиболее

¹²³ Deutsche Bank Briefing. Emerging Markets. October 7, 2013. P. 2.

¹²⁴ UNCTAD. Global Investment Trends Monitor. № 21. 28 January 2014. P. 4, 7.

активных секторов последних лет были ориентированное на массовое потребление промышленное производство, инфраструктура и сфера услуг. По некоторым оценкам, в 2013 г. доля этих отраслей была не менее чем 25%-ной, увеличившись за десятилетие примерно в пять раз.

Приток капитала в Африку к югу от Сахары остаётся уязвимым перед внешними факторами. Несмотря на сильный общий рост, приток частного капитала в регион оставался подвержен сильному влиянию внешних событий. Финансовый кризис 2008-09 гг. и обострение европейского кризиса в 2012 г. значительно замедлили приток капитала. Кроме того, весьма вероятно, что недавняя распродажа активов быстроразвивающихся рынков, обусловленная опасениями сокращения программы выкупа облигаций ФРС США, также негативно скажется на притоке инвестиций в страны Африки к югу от Сахары.

Южно-Африканская Республика, являющаяся единственной страной, по которой есть последние данные о портфельных инвестициях, испытала разворот притока портфельных инвестиций нерезидентов в мае и июне 2013 г. Особенно сильно в отрицательную зону ушли покупки облигаций нерезидентами. Чистый отток капитала в июне 2013 г. оказался, тем не менее, относительно скромным, составив 632 млн. долл.¹²⁵

Портфельные фондовые инвестиции в страны АЮС направляются на наиболее активные и ликвидные фондовые рынки ЮАР, Нигерии, Мавритании и Зимбабве. Йоханнесбургская фондовая биржа (JSE) продолжает доминировать в регионе, будучи площадкой для торгов 38% всех торгуемых на биржах компаний региона, представляя в 2012 г. 83% всей рыночной капитализации стран Африки южнее Сахары.

68 из 100 крупнейших компаний АЮС по размеру рыночной капитализации торгуются на JSE, включая 5% крупнейших африканских компаний. Большинство компаний, торгуемых на JSE, являются, однако, крупными транснациональными компаниями, которые также разместили свои акции на нескольких других биржах по всему миру. Помимо того, что JSE является наиболее развитой фондовой биржей в регионе, она также входит в двадцатку крупнейших мировых бирж по размеру капитализации и обороту. Более 400 фирм включено в её котировальный список, в отношении которых обеспечивается весь спектр услуг, включая электронные торги, клиринговые операции и урегулирование.

С рыночной капитализацией в 159% ВВП в 2012 г., Южная Африка также является одним из крупнейших в мире рынков ценных бумаг относительно размера своей экономики. Нигерийская фондовая биржа обеспечила 7,7% от всей рыночной капитализации в АЮС в 2012 г. 15 нигерийских компаний входят в сотню крупнейших фирм региона, а две нигерийские компании уже находятся в топ-25: Dangote Cement и Nigerian Breweries. За исключением ЮАР и Нигерии, капитализация фондового рынка региона остаётся низкой и составляет примерно 10% от регионального ВВП.

Помимо своего ограниченного размера, фондовые рынки стран АЮС также характеризуются высокой степенью неликвидности. Акции редко торгуются, а показатели оборота достаточно низки по международным стандартам. Активность сдерживается устаревшими системами проведения торгов, клиринговых операций и урегулирования. Торги зачастую ограничиваются акциями нескольких компаний, на долю которых приходится львиная часть всей капитализации местного рынка. На долю 10 крупнейших компаний пришлось 48,9% всей стоимости торговых операций

¹²⁵ Для сравнения – в октябре 2008 г., после краха Lehman Brothers, он достиг 4,9 млрд. долл., а в сентябре 2011 г. составил 3,1 млрд. долл.

на совокупных фондовых рынках АЮС в 2011 г., причём для Маврикия этот показатель достигает 85,7%. Многие биржи всё ещё используют ручные системы, которые не приспособлены для работы со значительным притоком капитала. Эта нехватка эффективности резко снижает привлекательность фондовых рынков региона для инвесторов в ценные бумаги.

Хотя фондовые рынки Африки к югу от Сахары остаются достаточно проблемной средой для инвестиций, и корпоративное управление до сих пор вызывает вопросы, доходность по акциям остаётся высокой. На волне восстановления после кризиса и избыточной ликвидности на глобальном рынке многие фондовые рынки региона показали хорошие результаты, опередив в 2012 году такие ведущие индексы, как S&P 500 или MSCI Emerging Market Index

Добывающий сектор всё ещё доминирует в фондовых котировках стран АЮС. В 2013 г. на долю горнодобывающих и металлургических компаний приходилось 23% рыночной капитализации ста крупнейших компаний стран Южной Африки. Однако компании из отраслей, ориентированных на потребительский сектор, а также финансового сектора стремительно укрепляют свои позиции в топ-100 крупнейших компаний региона, что иллюстрирует усиливающийся акцент экономики на всё более активный средний класс, которому требуются потребительские товары и доступ к финансам. После ресурсных компаний сектор потребительских товаров составляет второй по размеру рыночной капитализации сектор (17%), за ним следуют банки и финансовые услуги (16%), информационно-коммуникационные услуги (7%), розничная торговля и страхование – 5%; нефтегазовая промышленность (5%), другие отрасли – 22 (%).

Растущий спрос со стороны инвесторов и расширение их круга позволили многим странам Африки к югу от Сахары расширить возможности заимствования в своих собственных валютах. Объём выпуска долговых ценных бумаг в местной валюте увеличился с 11 млрд. долл. в 2005 г. до 31 млрд. долл. в 2012 г. Как бы то ни было, в сравнении с другими быстроразвивающимися странами, внутренние рынки долговых обязательств в странах АЮС остаются весьма неглубокими. Их оборот в целом низок, а торговля на вторичном рынке не очень активна, поскольку большинство инвесторов избрали стратегию "купить и держать". Сделки преимущественно ограничены внебиржевыми транзакциями. Единственным глубоким и ликвидным рынком внутренних долговых обязательств в регионе является биржа облигаций (Bond Exchange) ЮАР, которая имеет рыночную капитализацию в 182 млрд. долл., что составляет 47% ВВП страны.

На внутренних рынках долговых обязательств в АЮС доминируют государственные ценные бумаги. Государственные облигации составляют более 75% от общего объёма капитализации облигаций в регионе. Сроки их погашения варьируются в разных странах, в ЮАР они достигают 26 лет. Однако, за исключением ЮАР и Нигерии, большинство государственных ценных бумаг носят краткосрочный характер, что создаёт более высокие риски ролловера из-за частого рефинансирования долгов.

Недостаток долгосрочных бумаг также сдерживает инвестиции со стороны иностранных институциональных инвесторов и пенсионных фондов. Таким образом, хотя иностранные инвесторы всё более активны в Африке к югу от Сахары, местные коммерческие банки, пенсионные фонды и страховые компании остаются главными держателями местных долговых инструментов. Развитие надёжной кривой доходности суверенного долга могло бы также улучшить участие иностранных рынков и облегчить ценообразование инструментов корпоративного финансирования.

В качестве альтернативы высоким издержкам на обслуживание долговых обязательств, деноминированных в местной валюте, страны АЮС в последние годы получили доступ к международным рынкам долговых обязательств, чтобы расширить свой круг инвесторов. Растущая активность в области выпуска международных облигаций является результатом улучшенной доступности кредитной информации. Количество стран в регионе, имеющих рейтинги Moody's, Fitch или Standard & Poor's, увеличилось с десяти в 2003 г. до 21. Еврооблигации (за исключением ЮАР) являются относительно новым и неисследованным источником финансирования в странах АЮС. Уже 13 стран региона к настоящему времени имеют опыт выпуска еврооблигаций¹²⁶. Доходы использовались либо для реструктуризации долгов (Кот-д'Ивуар, Сейшельские острова, Республика Конго, Габон), либо для финансирования инфраструктурных проектов.

Помимо ЮАР, которая выпускала еврооблигации, деноминированные в нескольких валютах, все еврооблигации выпускались в долларах США со сроком погашения около десяти лет, причём большинство из них размещалось на Лондонской фондовой бирже. Из-за более низких процентных ставок еврооблигации предлагают хорошую альтернативу странам Африки к югу от Сахары в деле привлечения доступного долгосрочного финансирования, вместо дорогостоящих долговых обязательств в местных валютах. Кроме того, еврооблигации помогают диверсифицировать круг кредиторов, а международное страхование может способствовать также улучшению прозрачности, рыночным реформам и повышению эффективности фискального управления, благодаря усовершенствованным стандартам контроля и обмена информацией, используемых международными инвесторами.

Э.Е. Лебедева

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ В МАЛИ, ХАОС В ЦАР... КТО СЛЕДУЮЩИЙ?

В 2013 наибольшую озабоченность мирового сообщества в традиционно неспокойной Африке южнее Сахары вызвали продолжающийся кризис в Мали и государственный переворот в Центральноафриканской республике.

Кризис в Мали, начавшийся в 2012 г.¹²⁷, стал ярким примером того, как под влиянием «арабской весны» застарелые конфликты приобретают новое качество, ставя под вопрос само существование «хрупких» африканских государств. В апреле 2012 г. очередной мятеж туарегов-сепаратистов обернулся – при поддержке исламистских группировок - захватом северных провинций страны, т.е. примерно половины территории Мали и провозглашением Независимого Государства Азавад (НГА). Однако после перехода контроля над Азавадом к соратникам НДООА по антиправительственной борьбе - к исламским радикалам, их попыток захватить всю территорию страны с намерением создать Исламское государство Мали, а также наладить сотрудничество с исламистскими группировкам в других западноафриканских странах конфликт в Мали приобрел новое качество. Именно

¹²⁶ Южная Африка, Сейшельские острова, Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Гана, Габон, Сенегал, Нигерия, Намибия, Замбия, Танзания, Руанда и Мозамбик.

¹²⁷ Лебедева Э.Е. Кризис в Мали / Север – Юг – Россия 2012. Ежегодник. / Отв. ред В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева – М.: ИМЭМО РАН, 2013 г., с. 141-146.

перспектива образования зон «неконтролируемой анархии» в регионе побудила Францию при поддержке мирового сообщества предпринять решительные шаги.

В январе-феврале 2013 г. франко-малийские войска в результате трехнедельной операции «Серваль» переломили ход событий в Мали. Перед лицом превосходящих сил исламисты покинули крупные северные города, но, укрывшись в труднодоступной местности, перешли к тактике партизанской и диверсионной войны. 9 апреля 2013 г. французское командование приступило к выводу первых армейских подразделений из Мали с намерением к июлю сократить общую численность контингента с четырех до двух тысяч человек. Главная ставка в обеспечении безопасности и стабилизации положения в стране делается на малийские войска и Миссию ООН по стабилизации в Мали (МИНУСМА, MINUSMA), учрежденную резолюцией № 2100 Совета Безопасности ООН от 25 апреля 2013 г. МИНУСМА, контингент которой планируется увеличить до 11,2 тыс. военнослужащих и 1,44 тыс. полицейских, должна оказать поддержку центральным властям в осуществлении «дорожной карты» переходного периода и в подготовке к свободным, всеохватным и мирным выборам. В начале апреля в Бамако заработала миссия ЕС по реорганизации и обучению личного состава малийской армии (EUTM Mali), рассчитанная на 15 месяцев. К концу 2013 году ряды вооруженных сил пополнили 4 тыс. новых военнослужащих, подготовленных инструкторами из Евросоюза.

А 15 мая 2013 г. в Брюсселе на Международной конференции помощи Мали было обещано предоставление ей странами ЕС и другими государствами-донорами 3,25 миллиарда евро. Одновременно ЕС и ООН усиливали давление на переходные власти Мали, активно настаивая на децентрализации страны с целью урегулирования отношений с туарегами. И в начале июня 2013 г. между правительством страны и двумя повстанческими группировками туарегов было заключено перемирие. Оно предусматривало создание комиссии из представителей повстанцев, служб безопасности Мали и посредников от ООН и ЕС для определения порядка разоружения туарегов, а также возвращения малийских правительственных войск в находящейся под контролем повстанцев г. Кидаль – столицу одноименной провинции, граничащей с Алжиром и Нигером. Достигнут, как подчеркнула правительственная сторона, международный и национальный консенсус по фундаментальным вопросам, в том числе по сохранению целостности территории страны, а также республиканскому и светскому характеру государства. Это соглашение сделало возможным проведение на всей территории страны президентских выборов, с которыми общественность и властные круги Мали связывали большие надежды на восстановление конституционного порядка и преодоление острого военно-политического кризиса, тянувшегося с 2012 года.

28 июля 2013 г. прошёл первый тур президентских выборов, в котором приняло участие 27 кандидатов. Ни один из кандидатов абсолютного большинства голосов не набрал, а наибольшее предпочтение избиратели отдали 68-летнему Ибрагиму Бубакару Кейте - патриарху малийской политической сцены и председателю политической партии "Объединение во имя Мали"¹²⁸. Он получил

¹²⁸ В отличие от предыдущих президентов, имевших тесные связи с социалистическим содружеством (Амаду Тумани Туре учился и работал в СССР, Альфа Умар Конаре - в Польской Народной Республике) Ибрагим Бубакар Кейта связан прочными узами с Западом. Он закончил несколько учебных заведений во Франции, включая Сорбоннский университет, работал в европейских гуманитарных организациях. В 1990-2001 годах являлся лидером партии Альянс за демократию в Мали. С 1994 по 2000 год был премьер-министром Мали, а с 2002 по 2007 – председателем Национальной ассамблеи (парламента).

почти 39,24% голосов избирателей, а бывший министр финансов Сумаиле Сисе - 19,44% голосов. На состоявшемся 11 августа втором туре выборов И.Б.Кейта одержал убедительную победу, завоевав 77,61 % голосов избирателей. А вот парламентские выборы состоялись лишь 24 ноября. По итогам первого тура удалось распределить только 19 из 147 мест в Национальной ассамблее. В большинстве же округов так и не смогли выявить победителей, в частности, из-за невысокой явки (на выборах проголосовали всего 38,6% избирателей). Во втором туре парламентских выборов 15 декабря 2013 г. победила партия президента, получив совместно с союзниками 115 из 147 мест. Оппозиционный «Альянс за демократию в Мали» выиграла 21 место, а Союз за республику и демократию – 17 мест.

Формирование законодательных органов страны стало важнейшим шагом на труднейшем пути создания дееспособного государства в Мали. Теперь перед новым руководством страны стояли две первоочередные и взаимосвязанные задачи в рамках наведения конституционного порядка и стабилизации ситуации в стране. Во-первых, урегулирование вопроса о статусе северных территорий и, во-вторых, полное перевооружение и переобучение армии, неспособной до сих пор самостоятельно обеспечивать безопасность страны и противостоять самым разным вооруженным группировкам, как террористическим, так и откровенно кланово-криминальным. Ситуация в северных областях с каждым днем меняется и усложняется в ходе перегруппировки антиправительственных сил. В результате операции «Серваль» ведущие повстанческие группировки - Движение за единство и джихад в Западной Африке, «Ансар ад-Дин» и «Аль-Каида в исламском Магрибе» (АКИМ) понесли большие потери, их оперативные возможности были существенно подорваны. Начались процессы размежевания, слияния и образования новых групп¹²⁹ при нарастании/ продолжении противоборства между ними, а также с французскими воинскими частями и контингентом МИНУСМА. В конце сентября повстанческие группировки, с которым правительство в июне 2013 г. заключило перемирие, объявили о выходе из переговорного процесса. В декабре боевики предприняли массированные атаки на позиции правительственных войск в районе г. Кона, открывающего дорогу на столицу страны. Бои идут с применением артиллерии. А в январе 2014 г. в центре г. Кидаль было совершено нападение на миротворцев, двух сенегальцев убили. Эти инциденты члены СБ ООН расценили как свидетельство того, что террористы и другие вооруженные группы реорганизовались и «в некоторой мере восстановили свою способность вести боевые действия». В этих условиях Совет Безопасности вновь призвал к организации всеохватного и пользующегося доверием процесса переговоров, открытого для всех общин, проживающих на севере Мали. 3 февраля 2014 г. делегация СБ ООН прибыла в Мали с целью попытаться сдвинуть мирные переговоры с мертвой точки. Члены делегации провели целую серию встреч как с лидерами страны, представителями вооруженных группировок, подписавших в июне 2013 г. мирное соглашение с правительством, так и с уполномоченными местных властей Тимбукту и Гао,

¹²⁹ Образовались новые группы, включая Мусульманское движение Азавада, Высший совет Азавада и Арабское движение Азавада (АДА). Первые две группы состоят преимущественно из боевиков Национального движения за освобождение Азавада и «Ансар ад-Дин», а Мусульманское движение Азавада впоследствии вошло в состав Высшего совета Азавада. Что касается Арабского движения Азавада, то в него входят в основном боевики арабского происхождения. В конце августа Движение за единство и джихад в Западной Африке объявило, что оно объединилось с отколовшейся ячейкой организации «Аль-Каида в странах исламского Магриба», возглавляемой Мохтаром Бельмохтаром, и образовало новую группу под названием «Аль-Мурабитун».
(<http://www.fondsk.ru/pview/2013/11/09/k-situacii-v-mali-o-borbe-afriki-s-mezhdunarodnym-soobschestvom-23878.html>)

беженцами, молодежью и т.п. Речь шла о подготовке плана действий по национальному диалогу, процессу разоружения бывших боевиков, децентрализации власти, а также о создании Комиссии по установлению истины, справедливости и примирению.

События 2013 г. в Мали свидетельствуют о том, что перспективы урегулирования военно-политического кризиса не просматриваются в ближайшем будущем, несмотря на все усилия мирового сообщества. Неспособность / нежелание правящих элит государств сахаро-сахельской зоны решать этнорегиональные и / или этноконфессиональные проблемы и – шире - заниматься развитием периферийных районов, слабость государственных институтов, системная коррупция, массовая бедность и т.п. в условиях отсутствия у граждан данных стран чувства национальной идентичности, а значит, и легитимности государства создают основу дальнейшей дестабилизации сахаро-сахельских стран. И все более растущую роль в этом процессе играют радикальные исламистские группировки, тесно и активно взаимодействующие друг с другом, а также формирование альянсов джихадистов с наркоторговцами и другими преступными синдикатами в целях финансирования своей террористической деятельности. В не меньшей степени этот вывод относится и к другим странам АЮС, в первую очередь граничащим с государствами Сахеля.

24 марта 2013 г. произошел государственный переворот в другой бывшей французской колонии – Центральноафриканской республике (ЦАР). Это событие в стране, занимающей одно из первых мест в списке «несостоявшихся» государств мира, где военные перевороты и гражданские войны являются делом обыденным, могло бы не привлечь пристального внимания мировой общественности. Свергнутый повстанцами президент Ф. Бозизе и сам пришел к власти в 2003 г. путем военного переворота, отстранив от управления страной первого демократически избранного в 1993 г. президента А-Ф Патассе. За десять лет правления генералу Ф. Бозизе не удалось установить контроль над всей территорией страны. Только в столице, усиленно патрулируемой войсками, и на 100 км. вокруг нее было относительно спокойно. На северо-востоке ЦАР правительственная армия (FACA) и различные оппозиционные вооруженные группировки, в частности сторонники А-Ф Патассе боролись за контроль над торговлей оружием и наркотиками. Приграничные районы ЦАР, Чада и Судана были и остаются «серыми зонами», зонами анархии и беззакония. Семейный клан Бозизе полностью контролировал сферы безопасности и финансов, включая госкомпании, присваивал большую часть доходов от эксплуатации национальных ресурсов, главным образом добычи золота. Госслужащие, учителя годами не получали зарплату. ЦАР, обладающая богатыми природными ресурсами (алмазы, золото, уран и т.д.), и спустя полвека после завоевания политической независимости остается одним из беднейших государств Африки южнее Сахары - доход на душу населения составляет всего лишь 510 долл. В начале 2013 г. она занимала 180 место из 186 государств мира по индексу человеческого развития. Существовали, таким образом, все основания для антиправительственных выступлений, но переворот 2013 г. и его последствия имели беспрецедентный характер.

Впервые президентом страны с преобладающим христианским населением стал представитель мусульманского меньшинства (15% населения) с севера ЦАР. К власти Мишеля Джотодию привела созданная в 2012 г. коалиция трех вооруженных группировок «Селека»¹³⁰, в большинстве своем состоявших из мусульман с севера и

¹³⁰ Séléka CPJK-CPJP-UFDR group: Union of Democratic Forces for Unity (UFDR), Convention of Patriots for Justice and Peace (CPJP), а также менее известную Convention Patriotique pour le Salut du Kodro

северо-востока страны, боровшихся против режима Ф. Бозизе еще со времен гражданской войны 2004- 2007г.г. Повстанцы ЦАР в отличие от малийских туарегов не были сепаратистами, у них вообще не было политической программы, лишь общее недовольство правлением «диктатора Бозизе» и социально-экономической и политической маргинализацией этносов, проживающих на севере страны. Однако в последние годы в антиправительственной среде росло влияние радикального исламизма, носителями которого являлись выходцы из Чада и Судана, составлявшие значительную часть повстанцев. По некоторым данным, именно они поддерживали и продвигали Джотодию, не входившего в круг авторитетных лидеров - ветеранов гражданской войны, на руководящие посты в «Селека». Но более значительную роль в развязывании центральноафриканского кризиса сыграл Чад, который к 2012 г. стал открыто поддерживать «Селеку». Напомним, что в 2003 г именно чадский президент Идрис Деби помог Ф. Бозизе захватить власти в ЦАР. Но в начале десятых годов Бозизе стал развивать экономические отношения с ЮАР, предоставлять концессии на разработку урана и других минеральных ресурсов южноафриканским фирмам. Такой поворот совершенно не устраивал И. Деби, который и сам был чрезвычайно заинтересован в ресурсах ЦАР.

10-23 декабря 2012 г. отряды альянса «Селека» захватили 12 городов на севере и в центре страны, среди них стратегически наиболее важные. Правительственные войска, плохо вооруженные и недисциплинированные, не выдержали натиска отрядов «Селека». Только благодаря военной поддержке со стороны Чада удалось остановить повстанцев на подходе к столице страны г. Банги. 11 января 2013 г. между правительством и М. Джотодия было заключено перемирие. Повстанцы отказались от требования отставки Ф. Бозизе, а он, в свою очередь, назначил представителя оппозиции Н. Тьянгайе на пост премьер-министра ЦАР, М. Джотодия получил пост первого заместителя министра обороны. Поэтому штурм Банги 24 марта стал неожиданностью для властей.

Вину за срыв соглашения М. Джотодия возложил на сбежавшего из страны Ф. Бозизе. Он не выполнил два ключевых пункта договоренностей, а именно - не выслал из страны военнотружущих ЮАР, которые охраняли президентский дворец, и не включил формирования «Селека» в ряды правительственной армии. Вечером 24 марта 2013 г. повстанцы вошли в столицу Центральноафриканской Республики, и их лидер провозгласил себя президентом страны, пообещав в скором времени организовать выборы, а 1 апреля заявил о формировании временного правительства. В середине июля 2013 г. была обнародована Переходная Хартия, согласно которой должно было начаться формирование органов государственной власти ЦАР на переходный период сроком от полутора до двух лет. А 18 августа Переходный Конституционный суд ЦАР привел М. Джотодиа к присяге в качестве президента страны, на большей части территории которой царили хаос и насилие. 14 августа на заседании СБ ООН помощник Генсека по правам человека И. Шимонович заявил, что бойцы «Селека» совершают чудовищные злодеяния, грабя, убивая и насилуя мирное население, включая детей. Хотя в Банги государственные институты функционировали, «на остальной территории страны государства фактически нет. Отсутствует безопасность и законность, нет ни полицейских, ни прокуроров, ни судей. Всюду – бойцы «Селеки», не получающие зарплату и занимающиеся грабежами и вымогательством. Большинство больниц и школ не функционируют, многие – разграблены»¹³¹. По сообщению спецпредставителя

(CPSK). Ещё две группировки заявили о своей поддержке повстанцев: это Front démocratique du peuple centrafricain (FDPC)¹³¹ и чадская группировка Front Populaire pour le Redressement (FPR).

¹³¹ <http://www.unmultimedia.org/radio/russian/archives/145313/>

Генерального секретаря ООН по ЦАР генерала Б.Гайя, последствия кризиса затронуло всё население страны численностью 4,6 миллиона человек. Из них 1,6 миллиона остро нуждаются в продовольствии и воде. Более 200 тысяч человек стали внутренне перемещёнными лицами и около 60 тысяч бежали за пределы страны.

В сентябре 2013 г. Джотодия, беспомощно наблюдая за скатыванием страны в беспрецедентное насилие и гуманитарную катастрофу, принял решение расформировать коалицию, которая фактически стала распадаться сразу после захвата Банги. Однако боевики «Селеки» ему уже не подчинялись. Ответные насильственные действия христианских отрядов самообороны «Анти-балака» («анти-мачете») против мусульманского меньшинства раскрутили спираль межконфессионального конфликта, побудив специального советника ООН по предотвращению геноцидов Адама Динг 2 ноября 2013 г. заявить, что в ЦАР велик риск геноцида по религиозному признаку. Кульминацией конфликта стала настоящая бойня, устроенная исламистами в Банги 5-6 декабря 2013 в ответ на нападения христианских патрулей, в результате которой было вырезано по разным данным от 400 до 600 христиан.

Надо отметить, что в ЦАР исторически религиозная идентичность значила значительно меньше, чем региональная и этническая. И ни одна из сторон конфликта не выступала под религиозными лозунгами, но парадоксальным образом эскалация насилия происходила по линии межконфессиональной вражды. Конфликт в ЦАР, конечно, носит многофакторный характер. Основными причинами конфликта стали этнический фаворитизм, социально-экономическая и политическая маргинализация северных регионов, историческая вражда этнических групп за контроль над ресурсами страны, включая алмазы, вмешательство Чада в условиях вакуума власти в центре и на местах.

5 декабря 2013 г. Совет Безопасности ООН санкционировал развертывание в ЦАР на срок 12 месяцев Международной миссии под африканским руководством по поддержке в ЦАР, численность которой планируется увеличить до с 5,3 до 6 тысяч военнослужащих, а также уполномочил французские силы оказать миссии помощь в выполнении ею своего мандата. 9 декабря в ЦАР началась французская военная операция «Сангари» силами 1 тыс. 600 солдат. Им удалось - совместно с миротворцами АС - заставить большинство боевиков «Селека» покинуть улицы Банги, отойти на территорию военной базы, а остальных разоружить. Бои в столице прекратились, но грабежи, погромы, поджоги домов продолжились. Французские военные также установили контроль над рядом городов на западе страны. Снизить накал межконфессионального противостояния попытались лидеры христианской и мусульманской общин – архиепископ Дьедоне Нзапалэнга и имам Умар Кубин Лайма, которые 15 декабря в совместной декларации призвали своих единоверцев отказаться от насильственных действий. Мусульмане Банги даже взяли под защиту местный храм Святого Матфея и расположенный рядом лагерь вынужденных переселенцев, по преимуществу христиан, благодаря чему тысячи христиан были спасены от нападения исламских экстремистов. Однако уже трудно было остановить раскрутившийся маховик чудовищного насилия. По данным ООН, к началу 2014 г. уже около 1 млн. жителей ЦАР, т. е. более 20% населения страны вынуждены были покинуть свои дома, из них почти половина - дети. В таких условиях существует риск голода, по подсчетам специалистов Всемирной продовольственной программы (WFP), для более 1,2 млн. жителей ЦАР.

10 января 2014 г. на саммите Экономического сообщества стран Центральной Африки М. Джотодия отказался от поста президента ЦАР. 20 января 2014 г. этот

пост заняла Катрин Самба-Панза, бывший мэр Банги. В состав нового правительства страны из 20 министров она включила по три представителя от бывших повстанцев «Селека» и христианских отрядов «анти-балака». Тем не менее умиротворения это не принесло. Уровень ожесточения христиан Банги таков, что правительства соседних государств, главным образом с преимущественным мусульманским населением – Чада, Нигера, Мали, Сенегала, Судана, а также Демократической республики Конго при содействии Международной организации по миграции экстренно эвакуируют своих сограждан из ЦАР, опасаясь за их жизнь. В общей сложности более 60 тысяч мигрантов обратились за помощью в посольства, находящиеся в ЦАР. А в феврале 2014 г. тысячи мусульман – жителей Банги потянулись к границам Чада под охраной миротворцев.

Каковы же перспективы урегулирования этого конфликта, национального примирения, преодоления гуманитарной катастрофы в ЦАР?

Международное сообщество предпринимает немалые усилия в этом направлении. Начнем с Франции, второй раз за 2013 г. осуществляющей военную операцию в бывших своих африканских колониях. Понятно, что она стремится укрепить свои значительно ослабевшие в последние годы экономические и геополитические позиции в Африке, в первую очередь перед лицом растущего проникновения туда Китая. Многие аналитики оценили военную интервенцию как продолжение неокOLONиалистской политики «Франсафрик», а мусульмане – как выступление французов на стороне христиан в межконфессиональном конфликте. На самом деле Франция вынуждена была сражаться на два фронта. При всей неоднозначности оценок причин и последствий вмешательства Франции в центральноафриканский конфликт надо признать, что военное вмешательство Франции оказалось жизненно необходимым в условиях вакуума государственной власти в центре и на местах ЦАР и чрезвычайной слабости африканских миротворческих сил.

Однако Париж нуждается в поддержке мирового сообщества. Германия, Великобритания, США предложили материально-техническую помощь французским войскам. 20 января 2014 г. на встрече, организованной Еврокомиссией и ООН, международные доноры из стран ЕС, а также США, Всемирный банк, Африканский банк развития обязались выделить ЦАР 496 млн. долл., из которых 200 миллионов пойдут на срочную гуманитарную помощь, 296 миллионов — на стабилизационные меры, которые помогут стране выйти из кризиса¹³². 28 января 2014 г. СБ одобрил введение в ЦАР дополнительного контингента миротворцев из стран Евросоюза - к концу февраля должны прибыть 500 солдат, которые будут обеспечивать безопасность в Банги в течение полугода. Совет Безопасности также продлил эмбарго на поставки оружия в ЦАР и ввел экономические санкции против лиц, поддерживающих преступные группы, препятствующие деятельности гуманитарных миссий и вербующие в солдаты детей. И, конечно, СБ призвал временное центральноафриканское правительство как можно быстрее провести выборы. Однако в Центральноафриканской республике, в отличие от Мали, нет власти, способной организовать выборы. Ситуация в стране столь сложна, что постановка вопроса некоторыми аналитиками о необходимости установления над ЦАР международного протектората по типу косовского на ближайшие 6-8 месяцев, на наш взгляд, вполне оправдана. К тому же распад государства и вероятное превращение территории ЦАР в плацдарм радикального исламизма представляет большую угрозу для

¹³² <http://ria.ru/world/20140120/990283044.html#ixzz2rQESw3yy>

«несостоявшихся» государств в соседних потенциальных зонах конфликтов таких, как Африканский Рог, Сахель и Великие африканские озёра.

И.Н. Куклина

МИР ПРОСТИЛСЯ С НЕЛЬСОНОМ МАНДЕЛОЙ

В декабре 2013 г. ушел из жизни великий мечтатель и борец с апартеидом Нельсон Мандела. Его провожал в последний путь весь мир.

Мандела стоял у истоков борьбы с апартеидом, и он же стал первым темнокожим президентом Южной Африки. Главная мечта его жизни осуществилась: позорная система апартеида была разрушена. Национально-освободительное движение ЮАР – Африканский национальный конгресс (АНК), членом которого Нельсон Мандела стал еще в 1944 г., победил на первых демократических выборах в 1994 г. и правит в стране до сего времени.

Мандела прожил нелегкую жизнь. Он отсидел в тюрьмах 27 лет, причем долгие годы – в одиночной камере. И оставался при этом вдохновителем и творцом стратегии национально-освободительной борьбы. На 82 году жизни он оставил пост президента, успев заложить прочные основы демократизации страны и гарантии избавления от расизма и апартеида в сложнейших внутривластных условиях южноафриканской «перестройки».

Сейчас понятие апартеида все чаще воспринимается как нечто архаичное, как частный, исключительно южноафриканский, случай неудачного обустройства междурасовых отношений. Забывается, что апартеид был признан угрозой международному миру и безопасности, превратившись в ядро вооруженного конфликта на Юге Африки, в который только в данном регионе напрямую было вовлечено 11 государств, а в создании условий для его мирного урегулирования участвовало, в лице ООН, все мировое сообщество. А Нельсон Мандела стал живым воплощением надежды на искоренение расизма на планете.

Здание апартеида как системы государственного управления представляло собой весьма сложную конструкцию, опиравшуюся на официальную идеологию превосходства белой расы, политическую и правовую институционализацию расовой сегрегации и дискриминации, а также расово-неравноправное положение большинства населения в экономике. В 70-х годах прошлого века от этого страдало около 80% из 24-миллионного темнокожего населения ЮАР, в большинстве замкнуто проживающего в «тауншипах», расположенных, как правило, близ крупных индустриальных центров. Существовала особая транспортная система доставки этих «неполноценных» к месту работы и обратно. Уровень расовой сегрегации при этом зашкаливал до абсурда: чтобы угостить бокалом вина темнокожего гостя белому хозяину по закону требовалось письменное разрешение министра юстиции.

Правительство белого меньшинства самыми жесткими методами стремилось подавить любые выступления против апартеида. Однако освободительная борьба африканского народа продолжала нарастать. Уже в 1950 г. была объявлена вне закона коммунистическая партия ЮАР. После массовых демонстраций сопротивления, приведшим к расстрелам демонстрантов и мирных граждан в Шарпевиле в 1960 г., деятельность крупнейших африканских организаций была запрещена. Многие их лидеры, в том числе Нельсон Мандела, были арестованы и судимы, другие были вынуждены бежать из страны. В 1962 г. по приговору суда Мандела был заключен в тюрьму, сроки его заключения все увеличивались.

Ситуация в ЮАР привлекла внимание мирового сообщества. При этом не следует забывать, что система апартеида зарождалась и развивалась в условиях холодной войны и острого идеологического противостояния Востока и Запада. Расистское правительство ЮАР считало неразделимыми понятия коммунизма и терроризма. Принципиальная позиция Советского Союза исходила из необходимости широкой поддержки борьбы африканского народа за свои права любыми методами. СССР придерживался этих принципов, хотя и на избирательной основе в отношении организаций национально-освободительного движения (НОД), поскольку состав противников апартеида в идеологическом и политическом плане был весьма пестрым. Не менее избирательной была и политика западных стран. Выступая против апартеида, они стремились к расширению своего влияния на НОД, но были не заинтересованы в развязывании «африканской революции», поскольку она так или иначе затронула бы их экономические интересы в ЮАР, располагавшей богатейшими природными ресурсами.

Иными словами, на международном уровне мировое сообщество объединяло лишь общее негативное отношение к системе апартеида. Однако этого оказалось достаточно, чтобы конфликт на Юге Африки оказался первым в истории ООН конфликтом, разрешенным, в конечном итоге, мирным способом, путем переговоров, без пролития моря крови и пожара всеобъемлющей гражданской войны. Правда, для этого понадобилось почти полвека.

Немалую роль в победе над апартеидом сыграла ООН. Постоянные члены Совета Безопасности по вопросу о борьбе с апартеидом смогли достигнуть компромисса лишь в решении вопроса о принятии обязательных санкций, запрещающих поставки вооружения в ЮАР. В рамках же Генеральной Ассамблеи большинство развивающихся и социалистических стран голосовали за резолюции, призывающие к введению добровольных санкций против расистского режима и укреплению правового статуса национально-освободительных движений. Генеральная Ассамблея провозгласила особую ответственность ООН перед национально-освободительными движениями, признавая права народов, находящихся под колониальным игом, вести всеми имеющимися в их распоряжении средствами борьбу с целью завоевания права на самоопределение и независимость. Указывалось на полное соответствие борьбы против колониализма и расизма принципам международного права. Резолюции ООН обеспечили широкое международное признание организаций НОД ЮАР – Африканского национального конгресса и Панафриканского конгресса (а также ряда других организаций Юга Африки) в качестве подлинных представителей своего народа, возможность и право их консультативного участия в деятельности органов ООН, его специализированных учреждениях и т.д.

Нельсон Мандела, являвшийся лидером самой авторитетной организации НОД Южной Африки понимал, что в расколотом биполярном мире вооруженная борьба является вынужденно необходимым средством противостояния апартеиду, усиления импульса внутреннего сопротивления колониализму и расизму. По данным силовых ведомств ЮАР, число вооруженных акций АНК на территории страны возросло с 4 в 1976 г. до 234 в 1987 г. Эти цифры достаточно показательны для оценки темпов развития национально-освободительного движения на Юге африканского континента.

В мае 1990 г. начались переговоры между представителями АНК во главе с Нельсоном Манделой, освобожденным из тюрьмы в феврале того же года, и преемником П. Боты на посту президента ЮАР Фредериком де Клерком. И через четыре года Нельсон Мандела, ставший непререкаемым авторитетом для

большинства своих сограждан и признанным лидером в борьбе с расизмом, был избран президентом ЮАР. Политическое давление на расистский режим и экономические санкции, вводимые многими странами на добровольной основе в отношении Южной Африки, неприятие апартеида общественностью, развернувшей широкие антирасистские кампании во всем мире, наконец, начавшаяся «перестройка» в Советском Союзе в конечном итоге помогли добиться «мирного краха» системы расовой дискриминации в ЮАР.

Советский Союз в конце 80-х годов переформулировал основные принципы своего внешнеполитического курса на Юге Африки и выразил поддержку линии на урегулирование конфликта политическими методами и активизации коллективных поисков в этом направлении. Вместе с тем, стоит хотя бы вспомнить, что тысячи членов АНК получили образование и военную подготовку в СССР.

Весной 1999 г. состоялся государственный визит Нельсона Манделы в Россию. Сейчас Россия и ЮАР не без успеха используют новые возможности для развития сотрудничества на двусторонней и многосторонней основе (БРИКС).

С вступлением Южной Африки в эпоху «пост-апартеида» страна оказалась в сложных условиях политического и социально-экономического переустройства, продолжающегося до сего времени. Нельсон Мандела как президент и великий гражданин своей страны приложил огромные усилия для утверждения на своей родине принципов демократии, национального примирения и равенства всех людей, вне различий по цвету кожи, национальной и расовой принадлежности. Его заслуги в борьбе с расизмом получили широчайшее международное признание.

Мир праху Нельсона Манделы.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА

В.Л. Семенов

НАСЛЕДИЕ УГО ЧАВЕСА

В минувшем году ушел из жизни Уго Чавес, бывший президентом Венесуэлы более 14 лет. За этот период произошли радикальные изменения во внутренней политической, экономической и социальной ситуации в стране. Изменилась ее внешняя ориентация, при этом кардинально улучшились венесуэльско-российские отношения. После смерти У. Чавеса новым президентом страны был избран его преемник Н. Мадуро. Внутри- и внешнеполитический курс Венесуэлы в своих основных чертах сохранился.

У. Чавес победил на президентских выборах в конце 1998 года. В 1999-2000 гг. он добился принятия новой Конституции и благоприятной для себе расстановки сил в Национальной Ассамблее, что позволило ему провести первые преобразования в экономике. Он часто менял приоритеты. В 1999-2001 гг. Чавес выступал за развитие смешанной экономики – допущении частной инициативы и контроле государства над стратегическими отраслями национального хозяйства¹³³.

Однако уже в конце 2001 г. президент принял решение о существенном увеличении роли государства в экономике. Причем осуществлять его, как и другие проекты, он стал посредством издания чрезвычайных декретов и предварительного одобрения предоставления Национальной Ассамблеей президенту особых полномочий. Содержание декретов во многих случаях не обсуждалось широкой общественностью и не проходило юридической экспертизы.

В ноябре 2001 г. президентским декретом были приняты сразу 49 законов, в том числе Закон о нефти и Закон о земле, предусматривавший проведение аграрной реформы. Закон о нефти установил долю государства в предприятиях по разведке и разработке нефтяных месторождений не ниже 51%. Они вызвали резкое неприятие оппозиции, что привело в 2002-2004 гг. к глубокому политико-экономическому кризису, во время которого, в 2002 г., У. Чавес был в течение 48 часов отстранен от власти. Однако в 2004 г. этот период завершился его победой на общенародном референдуме.

В 2004–2006 гг. руководство Венесуэлы совершило отход от рыночных принципов регулирования экономики. Это проявилось в усилении регламентации деятельности частных предприятий и банков, создании альтернативных сетей распределения продуктов первой необходимости по низким ценам, а также в поддержке в финансовом и техническом отношении семейных предприятий, кооперативов, товариществ и других мелких производственных и сбытовых объединений.

Начиная с 2007 г. произошла радикализация проводимого курса: президент объявил о строительстве «социализма XXI века». Уже к концу 2008 г. был установлен полный контроль над нефтяной промышленностью, проведена крупномасштабная национализация в производстве и распределении энергии, телекоммуникациях, производстве стали и цемента, национализирован Bancode Venezuela, один из крупнейших банков в стране, установлен контроль над

¹³³ Lineas Generales del Plan de Desarrollo Económico y Social de la Nación 2001—2007. Caracas, septiembre 2001. P. 13—18.

золотодобывающим рудником Las Cristinas, который эксплуатировался канадской фирмой Crystallex.

С целью закрепления курса на строительство социализма президент в 2008 г. принял пакет документов, имеющих силу закона. В декрете “О развитии народной экономики” указывается, что в дальнейшем развитие пойдет по пути реализации проектов, разработанных социально ориентированными общественными ассоциациями, или коммунами, имеющими различную организационную форму. Их деятельность основывается на директивном планировании с участием членов коммун. Предусмотрено верховенство общих интересов над частными. Руководство в плане формирования, поддержки и финансирования проектов, разработанных в коммунах, осуществляет созданное в 2009 г. Министерство народной власти по делам коммун и социальной защиты населения.

В дальнейшем практика показала, что коммуны испытывают большие, часто непреодолимые трудности. Они, как правило, не в состоянии выполнить требования, предъявляемые к государственным закупкам и конкурировать с предприятиями частного сектора, с опозданием получают платежи от государственных институтов за проданную продукцию и натываются на препятствия в доступе к валютным ресурсам. Значительное число коммун после создания быстро закрывалось. Экономист и исследователь из Международного центра Miranda (Каракас) В. Альварес справедливо отметил в связи с этим: «Арбитром деятельности коммун не может быть рынок, требуется поддержка государства»¹³⁴.

В последующие годы курс на усиление государственного контроля в экономике был продолжен. Усилился контроль над ценами и обменом валюты и распространился на частные компании. Росло число национализированных и экспроприированных частных предприятий, имущество которых передавалось в государственную или коллективную собственность. В 2009 г. их было 138, в 2010 г. – 284, а только за 8 месяцев 2011 г. – 491¹³⁵. Однако во многих случаях после перехода в государственную или коллективную собственность их эффективность падала.

Серьезным тормозом в развитии экономики стал жесткий государственный контроль над ценами и валютный контроль. Устанавливаемые государством цены на товары массового спроса нередко оказывались ниже издержек производства. Кроме того, предпринимателям, испытывающим дефицит в необходимой для импортных закупок валюте, во многих случаях приходится выбирать между длительным (до 200 суток) ожиданием возможности ее приобретения по официальному валютному курсу и ее покупкой по многократно более высокому курсу на параллельном рынке.

Много вопросов вызывали итоги аграрной реформы, развития сельского хозяйства и обеспечения населения основными продуктами питания. В ходе начавшейся в 2002 г. аграрной реформы было распределено 3,6 млн. га земель¹³⁶. Однако меры по реформированию аграрного сектора привели к торможению, а в ряде случаев и к падению производства. Основная причина – введение фиксированных цен на многие продукты питания, а также экспроприация земель сельских предпринимателей.

Показательна также ситуация в нефтяной промышленности. Государственная нефтяная компания PDVSA страдает от нехватки квалифицированных специалистов, связанной с массовыми увольнениями в 2002–2004 гг., и от дефицита инвестиционных ресурсов. Значительная часть нефти поставляется

¹³⁴ Elnacional. 27.04.2013.

¹³⁵ EIUuniversal. 27.08.2011.

¹³⁶ EIUuniversal. 5.03.2013.

дружественным государствам региона (в том числе около 100 тыс. барр./сут. Кубе) по льготным ценам и кредитам. Крупная часть нефтяных доходов используется для реализации социальных программ. С этой целью в компании созданы подразделения, занимающиеся сельскохозяйственным производством, продовольственным снабжением и жилищным строительством. В связи с этим снижаются инвестиции, объемы производства и эффективность работы компании. Только за период с 2008 по 2012 г. производство нефти снизилось на 10%. Издержки производства, в расчете на 1 баррель нефти с 2008 г. по апрель 2012 г., увеличились с 4,9 до 7,5 долл./баррель.

Усилилась и зависимость экономики страны от экспорта нефти: ее доля во всем экспорте Венесуэлы выросла с 89,6% в 2006 г. до 96% в 2012 г. Хотя еще в 1999 г. Чавес заявил: «Нам крайне необходимо диверсифицировать экономику... Мы не можем продолжать зависеть только от цены на нефть.¹³⁷»

Моментом истины, высветившем слабости модели развития страны, стал мировой экономический кризис. Одним из результатов проводимого курса явилось существенное снижение возможностей противодействия негативным внешним факторам. Политика национализации и экспроприации частной собственности привела к оттоку иностранного капитала. Резко возросла инфляция. В среднем в 2008-2011 гг. она составила 28,3% при 22,5% в 2007 г. Это было связано, в том числе, с увеличением импорта продовольствия и медикаментов в условиях возросших цен на них на мировом рынке, что, в свою очередь, существенно ограничило возможности стимулирования производства. Правительство Венесуэлы, имевшей в 2009 г. большой бюджетный дефицит, вынуждено было пойти на сокращение государственных расходов (на 18%) и на 3% увеличило налог на добавленную стоимость. Она оказалась единственной крупной страной региона, в которой экономический спад продолжался два года – в 2009 и 2010 гг.

При таких показателях развития экономики У.Чавес, тем не менее, в октябре 2012 г. выиграл президентские выборы. Этому способствовал прогресс в повышении уровня жизни, в первую очередь, беднейших слоев населения, в том числе улучшение распределения доходов, повышение грамотности, снижение безработицы, снабжение основными продуктами питания по льготным ценам. Однако реальная заработная плата в 2010 г. составила лишь 60,3 % от уровня 2000 года¹³⁸.

В 2011-2012 гг. в Венесуэле активизировалось строительство жилья. Но за период с 1999 г. по первый квартал 2012 г. построено только 362 тыс. единиц жилья (квартиры или небольшие дома индивидуального пользования). Этого явно недостаточно, так как дефицит достиг 2 млн. (в 1999 г. он составлял 1,5 млн.¹³⁹). Несмотря на успехи в снижении социального неравенства Венесуэла все еще отстает по уровню бедности от среднего показателя по Латинской Америке – 48,0% против 42,5% в 2011 г.

Вместе с тем, весом вклад Чавеса в развитие региональной интеграции. В 2004 г. Венесуэла и Куба стали учредителями субрегионального объединения стран левой ориентации «Боливарианская альтернатива для Америки» (ALBA) переименованного с 2009 г. в «Боливарианский альянс для народов нашей Америки». В настоящее время в него входит 8 государств¹⁴⁰. Венесуэла является

¹³⁷ Ibidem.

¹³⁸ CEPAL. Balance preliminar de las economías de América Latina y el Caribe 2010. SantiagodeChile, 2011.

¹³⁹ EIUUniversal. 5.03.2013.

¹⁴⁰ Антигуа и Барбуда, Боливия, Венесуэла, Доминика, Куба, Никарагуа, Сент-Винсент и Гренадины и Эквадор.

лидером объединения и неоднократно оказывала этим странам экономическую и политическую поддержку. К моменту образования АЛБА в двух крупнейших странах Южной Америки (Бразилии и Аргентине) президентами были избраны, соответственно, Лула да Силва (2002 г.) и Нестор Киршнер (2003 г.), придерживавшиеся социал-демократической ориентации и активно сотрудничавшие с У. Чавесом. В частности, Венесуэла помогла Аргентине в 2005-2006 гг. в урегулировании проблемы внешнего долга, выкупив ее обязательства на сумму в несколько миллиардов долларов. Бразилия оказала поддержку Венесуэле, предоставив ей в кризисный период 2002-2004 годов кредит в 1,2 млрд. долларов. С приходом к власти в Аргентине Кристины Фернандес де Киршнер (2007 г.), экономический курс Аргентины стал более радикальным, выявилось заметное сходство мер, реализуемых К.Киршнер, с политикой У. Чавеса¹⁴¹. В этом определенно проявилось влияние венесуэльского президента. У. Чавес, таким образом, внес большой вклад в развитие процесса «левого поворота» в регионе.

В 2011 г. было создано «Сообщество стран Латинской Америки и Карибского бассейна» (CELAC). В него вошли 33 государства (включая Кубу), но в нем отсутствуют США и Канада. У. Чавес был одним из лидеров этой организации, учредительный саммит которой прошел в Каракасе.

В новом веке произошли качественные изменения в отношениях Венесуэлы и России. После встречи двух президентов на саммите ООН в 2000 г. и, в особенности, после визита президента У.Чавеса в Москву в мае 2001 г., экономические отношения вышли на новый, более высокий уровень. Это выразилось в значительном обновлении договорно-правовой базы сотрудничества; усилении его государственной поддержки; появлении новых его механизмов; расширении сфер взаимодействия сторон; резком увеличении масштабов сотрудничества. Регулярными стали визиты У.Чавеса в Россию, Д. Медведева и В. Путина в Венесуэлу. В 2006 г. были созданы советы российско-венесуэльских предпринимателей.

В результате двухсторонних усилий началось широкомасштабное военно-техническое сотрудничество и достигнут успех в реализации совместных энергетических проектов. Начиная с 2006 г. российский экспорт начал быстро увеличиваться (главным образом, за счет поставок военной техники), в то время, как импорт из Венесуэлы практически прекратился. В 2007–2008 гг. объем товарооборота достиг рубежа в 1 млрд. долларов. В 2012 г. он составил 1,9 млрд. долл. Осенью 2012 г. российским Национальным нефтяным консорциумом (ННК) в нефтяном поясе Ориноко была добыта первая нефть. К 2017 г. объем добычи совместного предприятия Petromiranda (60% - PDVSA, 40% ННК¹⁴²) может составить 22,5 млн. т сырой нефти.

Н. Мадуро приступил к руководству Венесуэлой в условиях обострившейся социально-экономической ситуации в стране, расколотов практически на два непримиримых лагеря. Он зарекомендовал себя как один из самых твердых и последовательных сторонников У. Чавеса и стремится сохранить преемственность во внутренней и внешней политике. Президент заявил, что продолжит курс на строительство «социализма XXI века», и подтвердил, что Россия остается приоритетным стратегическим партнером Венесуэлы.

В начале мая 2013 г. Мадуро ввел новый закон о труде, разработанный при У. Чавесе. В рамках аграрной реформы он намерен в ближайшие годы

¹⁴¹См. В.Л. Семенов. Аргентина: испытание двумя кризисами. Ибероамериканские тетради. Вып. 1. М., МГИМО – Университет, 2013, с.358.

¹⁴²В состав ННК после выхода компании Лукойл входят Роснефть и Газпромнефть.

экспроприировать дополнительно 265 тыс. га земли, принадлежащей крупным собственникам¹⁴³. В связи с ухудшением экономической ситуации в Венесуэле, и, прежде всего, с быстрым ростом инфляции и курса доллара на параллельном рынке, ему пришлось прибегнуть к ряду непопулярных мер. В феврале 2013 г., еще будучи и.о. президента, он девальвировал боливар на 32%. В марте была введена вспомогательная система распределения валюты (Sicad), в рамках которой курс и объемы приобретаемой валюты устанавливаются путем аукционов. Курс боливара на аукционах колеблется в интервале 11-13 бол./долл. Однако объемы продаваемой валюты невелики и спрос на доллары в стране по-прежнему многократно превышает предложение¹⁴⁴. Очевидно, что Sicad означает скрытую девальвацию. При этом инфляция в конце 2013 г. достигла 54%, а валютный курс на параллельном рынке примерно в 10 раз превышал официальный. Золотовалютные резервы снизились с 29,7 до 21,3 млрд. долл.¹⁴⁵

Темп прироста экономики составил 1,6%. В 2014 г. он, по оценкам, может снизиться до 1,0%, что указывает на стагфляцию. Правительство в этой ситуации идет по пути усиления контроля над экономикой, установив в конце ноября 2013 г. предельное значение для прибыли компаний в 30%, а также проводя регулярные рейды по торговым центрам с участием силовых структур с целью выявить случаи завышения цен. Если это удастся, то цены в принудительном порядке снижаются, а руководители торговых предприятий подвергаются штрафу.

Проведение рейдов способствовало росту популярности правительства накануне муниципальных выборов 8 декабря 2013 г. В предвыборный период Мадуро, кроме того, провозгласил дату выборов днем «днем верности Уго Чавесу». Было также объявлено о досрочном праздновании рождества. В связи с этим рабочие получили две трети ежегодных рождественских выплат. Эти меры обеспечили успех на выборах. Оппозиционное объединение MUD набрало 44%, кандидаты от партии власти – около 50%. Однако успех связан с конъюнктурными факторами. Фундаментальные причины ухудшения ситуации в стране сохраняются.

¹⁴³ Infolatam.30.07. 2013.

¹⁴⁴ Согласно заявлению вице-президента страны Р. Рамиреса 80% необходимой стране валюты будет обмениваться по официальному курсу в 6,3 бол./долл. с целью закупки продуктов питания и лекарств, оборудования и материалов для развития промышленности, развития науки и технологий.

¹⁴⁵ С 2.01.2013 по 30.01.2014

ЭКОЛОГИЯ

Н. Г. Рогожина

2013 – МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД СОТРУДНИЧЕСТВА ПО ВОДНЫМ РЕСУРСАМ

2013 год объявлен ООН годом сотрудничества по воде, и сделано это было по инициативе Э. Рахмона – президента Таджикистана, оказавшегося втянутого в межгосударственный водный конфликт. Проблема налаживания сотрудничества по трансграничным водным ресурсам, несмотря на принятие многочисленных договоров на двухсторонней и многосторонней основе¹⁴⁶, остается по-прежнему в центре внимания мирового сообщества. И есть все основания полагать, что ее актуальность будет только возрастать по мере ухудшения водной ситуации в мире.

Общий объем воды на Земле составляет примерно 1400 млн. куб. км, из которых лишь 2,5%, то есть около 35 млн. куб. км, приходится на пресную воду. Эксплуатационная часть этих ресурсов составляет менее 1% всех запасов пресной воды и лишь 0,01% всей воды на Земле доступны для использования (значительная ее доля размещена вдали от населенных территорий, что еще более обостряет проблему водопотребления). При этом эти запасы воды распределены по регионам мира крайне неравномерно. По мнению экспертов, к концу этого столетия питьевая вода на мировом рынке будет стоить дороже, чем нефть.

Долгое время проблема дефицита воды на планете не рассматривалась в числе приоритетных глобальных проблем, однако ситуация резко меняется сейчас, когда при увеличении численности населения в три раза в XX веке потребление воды возросло в шесть раз. При этом треть мирового населения проживает в вододефицитных регионах. По оценкам Всемирного водного совета 3-4 млрд. человек на планете к 2025 г. будут испытывать нехватку воды¹⁴⁷. Совершенно ясно, что конкуренция за воду в предстоящие десятилетия усилится.

Это создает почву для возникновения конфликтов из-за контроля над водными ресурсами, и такие конфликты принимают особенно острый характер в случае неотрегулированных межгосударственных отношений в вопросе использования трансграничных водных ресурсов.

В настоящее время в мире насчитывается 263 международных (трансграничных) речных бассейнов, занимающих 45,3% суши Земного шара (без Антарктиды)¹⁴⁸. Двусторонними и многосторонними соглашениями, которые предусматривают различные формы сотрудничества, охвачена только треть мировых трансграничных водных бассейнов. В ситуации нарастания соперничества

¹⁴⁶ После Второй мировой войны было заключено 157 договоров по воде в целях сотрудничества. Наиболее важным из политических документов является Конвенция ООН о несудоходных видах использования международных водотоков 1997 г., но она до сих пор не вступила в силу, поскольку только 14 стран являются ее участниками. Не менее значима и подписанная в 1992 г. под эгидой Европейской экономической комиссии ООН Конвенция о защите и использовании трансграничных вод и общих озер (ЕСПУТВ). Однако эта конвенция посвящена в первую очередь качеству воды и исходит из того, что бассейн реки является целостным экологическим объектом.

¹⁴⁷ Brels S., Coates D. and Loures F. Transboundary water resources management: the role of international watercourse agreements in implementation of the CBD. Published by the Secretariat of the Convention on Biological Diversity. 2008.

¹⁴⁸ Из них 71 находится в Европе, 53 - в Азии, 39 - в Северной и Центральной Америке, 38 - в Южной Америке и 60 - в Африке. // Доклад Программы ООН по окружающей среде и развитию. Global Environment Outlook. URL: <http://hq.veb.unep.org/GEO/geo3/russian>.

за воду это приводит к возникновению межгосударственных конфликтов, общее количество которых перевалило за 500; в 40 случаях возникла реальная угроза применения военной силы (30 из них – на Ближнем Востоке). Как заметил Марк Твен, "виски существуют для питья, а вода – для сражений". По словам Генсека ООН Пан Ги Муна, нехватка влаги вызывает беспокойство мирового сообщества, потому что является потенциальным источником войн и конфликтов.

Как отмечается в докладе американского Национального совета по разведке "Глобальные тенденции до 2030 года. Альтернативные миры", опубликованном в 2012 г., водные ресурсы к 2030 году как внутри государств, так и на межгосударственном уровне могут стать более серьезным источником разногласий, чем энергия или полезные ископаемые. Прогнозируется рост напряженности в сфере водных ресурсов в мире, в северной Африки, на Ближнем Востоке, Центральной и Южной Азии, в северном Китае. В подтверждении этих выводов 2013 год продемонстрировал резкое обострение ситуации по трансграничным водным ресурсам в двух регионах мира – в Африке по Нилу и в Центральной Азии по Амударье и Сырдарье.

На протяжении всего XX века Египет и Судан были единственными странами, получающими реальную выгоду от использования вод Нила, что было закреплено соглашениями, принятыми еще в колониальное время и сразу после обретения независимости и лишаящими другие государства права на равную долю использования трансграничной реки. По соглашениям 1929 и 1959 гг. Египет и Судан контролируют сток вод Нила, а все гидротехнические работы, ведущиеся на территории других стран, должны быть не только одобрены Каиром и Хартумом, но и осуществляться под контролем совместной египетско-суданской технической комиссии. Обе эти страны используют 94% стока реки и определяют, кто пользуется приоритетным правом доступа к ее ресурсам.

Ситуация резко обострилась летом 2013 года., когда в Эфиопии начали отводить воду из Голубого Нила для строительства плотины¹⁴⁹. Эфиопскую инициативу поддерживают и другие "нильские" страны, имеющие собственные планы по использованию вод этой трансграничной реки. 10 прибрежных стран потратили более двух десятилетий на переговоры по заключению нового рамочного соглашения по сотрудничеству в бассейне Нила, которые завершились в 2010 г. Несмотря на то, что соглашение открыто для подписания, разногласия между странами так и не преодолены. Египет и Судан отказываются подписать соглашение, ссылаясь на то, что оно не способно гарантировать их водную безопасность, которой угрожают другие страны нильского бассейна.

Эфиопское правительство заверило соседние страны, что объем воды в реке не претерпит значительных изменений в результате осуществляемых работ, и представило властям Египта и Судана отчет, подготовленный иностранными экспертами. Однако правительство Египта не согласилось с представленными данными и в целях оказания давления на руководство Эфиопии прибегло к жесткой риторике, пригрозив принять любые меры для защиты своих интересов. Как заявил бывший президент Египта Мухаммад Мурси, "мы не хотим войны, но готовы дать отпор любым попыткам лишить Египет необходимой нам воды. Нехватку каждой недополученной капли мы восполним нашей кровью"¹⁵⁰. На эти заявления Эфиопия

¹⁴⁹ Находящиеся у власти сторонники крайне левых идей во главе с Мелесом Зенауи выдвинули концепцию национального ренессанса. В соответствии с ней было принято решение построить мощнейшую электростанцию с названием "Большой эфиопский ренессанс" на Голубом Ниле — основном истоке большого Нила. Высота плотины составит 170 метров, длина — почти 2 километра.

¹⁵⁰ <http://newsland.com/news/detail/id/1194507/>.

отреагировала решительно, предупредив, что Египет не запугает ее своей психологической войной и не остановит строительство плотины ни на секунду"¹⁵¹.

Для решительного противодействия Египта гидроэнергетическим планам Эфиопии есть причина. Дело в том, что, если проект будет доведен до конца, Египет потеряет около 20% своих водных запасов и не меньше 40% энергии, производимой гидроэлектростанциями (в основном Асуанской). Для экономики и сельского хозяйства Египта это равносильно катастрофе.

Но что реально Египет может предпринять? Осуществить полномасштабную интервенцию или нанести удар по дамбе? Вряд ли, современная политическая ситуация в стране допускает эту возможность. Поэтому Египет пытается, несмотря на все свои жесткие заявления, использовать дипломатические средства для смягчения напряженности во взаимоотношениях между странами. Однако налаживанию плодотворного диалога в значительной степени мешает давняя вражда, а также взаимные подозрительность и недоверие.

Что же касается конфликтов по водным ресурсам в Центральной Азии, то они обострились с конца 1990-х годов, когда стало очевидно, что прежняя, сложившаяся еще в советские времена и закрепленная странами в Соглашении 1992 г. система распределения водных ресурсов, когда основная часть воды из верхнего бассейна используется в нижнем, перестает удовлетворять потребностям экономического развития стран региона, а компенсационный механизм, лежащий в основе этой системы, не работает в рыночной экономике.

Так уж сложилось, что 80-ю процентами всех запасов пресной воды в Центральной Азии владеет Киргизия с Таджикистаном. Их экономические интересы связаны с использованием гидроэнергетического потенциала трансграничных рек Амударья и Сырдарья в отсутствии других внутренних источников энергоснабжения. В противоположность им Казахстан, Туркменистан и Узбекистан заинтересованы прежде всего в использовании вод этих рек в ирригационном режиме, и поэтому они негативно относятся к затрагивающим их экономические интересы гидроэнергетическим планам соседних стран.

Когда страны нижнего течения стали повышать цены на нефть и газ, поставляемые в страны верхнего течения взамен на воду, Киргизстан и Таджикистан оказались перед выбором – либо платить по международным расценкам за энергоресурсы (а это легло бы тяжелым бременем на их слаборазвитую экономику), либо развивать свою гидроэнергетику. Выбор был сделан в пользу последнего. Таджикистан планирует строительство Рогунской ГЭС, а Киргизстан – Камбаратинской. И это вызывает противодействие со стороны Киргизстана, Туркменистана и Узбекистана.

Свое нежелание мириться с возможными экономическими угрозами руководство Узбекистана демонстрирует различными способами (энергетическая блокада, “железнодорожная война”, “холодная война”). За словесными обвинениями Узбекистана в адрес соседних стран скрывается и тревога по поводу того, что Киргизстан и Таджикистан смогут в односторонне порядке контролировать сток рек, ставя расположенные ниже по их течению страны в зависимое положение. Не исключается и факт использования воды как средства политического давления. Есть и еще одна скрытая причина недовольства Узбекистана планами Таджикистана. Дело в том, что сегодня Таджикистан находится в определенной энергетической зависимости от Узбекистана, однако, завтра, создав свою энергетическую индустрию, республика сможет более решительно противодействовать

¹⁵¹ <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2013/06/2013612105849332912.html>.

региональным интересам Узбекистана, который, судя по заявлению президента этой страны, не исключает вероятность развертывания войны.

Все это создает сложную и крайне неблагоприятную политическую обстановку для налаживания межгосударственного сотрудничества в сфере разграничения прав и обязательств каждой заинтересованной стороны в использовании трансграничных рек.

Не способные самостоятельно урегулировать водную проблему страны Центральной Азии возлагают надежды на международное посредничество. В разрешении конфликтной ситуации принимают участие МБПР, США, Евросоюз. Не остается в стороне и Россия

Она, безусловно, заинтересована в урегулировании водных конфликтов, угрожающих ее интересам. К тому же необходимость российского участия в решении проблем энергетики и водопользования в Центральной Азии обусловлены повышенной активностью других международных игроков (США, ЕС, Китай, Иран), теснящих Россию и предлагающих свои посреднические услуги. Сегодня интерес России к водным ресурсам стран Центральной Азии связан прежде всего с использованием их гидроэнергетического потенциала. Однако эта весьма прибыльная деятельность таит в себе немалые риски, поскольку Россия может оказаться в центре обостряющегося водного соперничества между странами региона.

Было бы наивно полагать, что руководство страны не осознает такого политического риска, и потому старается избегать обострения отношений с Узбекистаном. Так, российская частная компания РОСАП выступила за пересмотр проекта Рогунской ГЭС в Таджикистане, учитывая возможные последствия для расположенных в нижнем бассейне стран. А во время своего визита в Таджикистан в октябре 2012 г. В. Путин объявил о намерении России инвестировать в более мелкие гидроэнергетические проекты, не угрожающие экономическим и экологическим интересам соседних стран.

По главному объекту – Камбаратинской ГЭС президентом России во время его визита в Киргизстан в 2012 г. было четко заявлено, что российское участие в этом проекте не направлено против какой-либо страны, и Россия поддерживает такое взаимодействие по вопросу контроля и распределения водных ресурсов, которое учитывает интересы всех заинтересованных сторон при том что строительство гидроэнергетических объектов возможно только с участием Узбекистана и Казахстана. Именно Россия выступила за проведение международной оценки проекта и против того, чтобы Узбекистан накладывал вето на проект в случае его позитивной оценки.

На политическом уровне участие России в урегулировании межгосударственных разногласий по характеру использования трансграничных вод должно быть направлено на заключение многосторонних договоренностей о взаимоприемлемом режиме водопользования, что согласуется с ее положением инвестора и делового партнера стран Центральной Азии. Однако поскольку перспектива заключения подобного соглашения пока не предвидится, то в ситуации, когда основные политические решения в странах Центральной Азии принимаются на высшем уровне, многое будет зависеть от выполнения Россией своей посреднической дипломатической миссии, и главное – от переговоров между главами государств, учитывая политизированность водного вопроса.

СЕРЬЕЗНОСТЬ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В РОССИИ

2013 год объявлен в России годом охраны окружающей среды. Однако он не отмечен никакими крупными событиями в этой сфере. И это тревожно, поскольку экологическая ситуация в России остается весьма напряженной. Экологические проблемы России сопоставимы с ситуацией в развивающихся странах, осуществляющих стратегию догоняющего развития индустриального типа. Ее компонентами являются: высокий уровень загрязнения атмосферы в городах и промышленных центрах, низкое качество водных ресурсов, возрастание накопления отходов.

В России с 1999 г. количество городов с высоким и очень высоким уровнем загрязнения атмосферы увеличилось в 1,6 раза, в них проживает 60% городского населения страны. Санитарное состояние источников водоснабжения неудовлетворительно. В целом по стране до 30% проб воды поверхностных водоисточников не соответствует гигиеническим нормативам по санитарно-химическим показателям. Россия занимает четвертое место в списке 10 ключевых производителей парниковых газов, уступая лишь Китаю, США и Индии.

Наметившаяся в 1990-х гг. тенденция к сокращению выбросов загрязняющих веществ, связанная со спадом экономического производства, уже в конце прошлого столетия изменилась на прямо противоположную. Однако и в годы спада экономики создавалась лишь иллюзия улучшения экономической ситуации: в расчете на единицу готовой продукции возросли выбросы в атмосферу, образование твердых отходов и сброс загрязненных сточных вод. Энергоемкость в 1990-1998 гг. увеличилась на 30%¹⁵².

Как и в развивающихся странах, осуществляемая в России модель экономического развития, хотя и сопровождалась ростом экономики, оказалась неустойчивой и антиэкологичной, о чем свидетельствуют следующие процессы:

- увеличилось воздействие загрязнения окружающей среды на здоровье человека;
- повысился удельный вес природоэксплуатирующих и загрязняющих отраслей; в 2010 г. углеродоемкость российской экономики (при подсчете ВВП по паритету покупательной способности) в 1,8 раза превысила среднемировой уровень и в 2,3 раза – показатель развитых государств¹⁵³;
- высокий уровень показателей природоемкости: добыча энергоресурсов, прежде всего нефти, возросла в 1,6 раза по сравнению с 1995 г., а добыча угля, самого «грязного» с точки зрения климата топлива, с 2000 г. выросла на 48%;
- высокий физический износ оборудования; если сохранятся современные темпы обновления основных фондов в 4% в год, то для замены устаревших технологий потребуется не менее 25 лет¹⁵⁴;
- недоучет экономической ценности природных ресурсов и услуг;
- сырьевой характер экспорта¹⁵⁵

¹⁵² Шуленина Н.В. Экологическая политика современной России: от императивов к аргументам // Вестник Российского университета дружбы народов. - Сер.: Политология. - 2003. - № 4 - С. 43-54.

¹⁵³ Пискулова Н.А., Костюнина Г.М., Абрамова и др. Климатическая политика основных торговых партнеров России и ее влияние на экспорт ряда российских регионов — М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), Издано в партнерстве с (МГИМО (У) РФ. 2013. С.201.

¹⁵⁴ Приоритеты национальной экологической политики России./ Под. ред. В.М. Захарова. Институт устойчивого развития/Центр экологической политики России, М. 2009. С. 16.

Президент РФ В. В. Путин в 2012 г. охарактеризовал результат сложившихся тенденций как «масштабную деиндустриализацию»¹⁵⁶.

Об антиэкологической сущности политики государства свидетельствуют и другие факторы. Так, решения по проектам принимаются исключительно по экономическим соображениям, а финансирование экологической сферы осуществляется по остаточному принципу: на них выделяется всего 0,8% ВВП, в то время как в США этот показатель равен 5%. В то же время экономический ущерб от загрязнения окружающей среды для здоровья населения составляют в среднем 4-6% от ВВП. Система управления экологической сферы имеет сильную коррупционную составляющую.

Как признал В. В. Путин, выступая 20 ноября 2013 г. на заседании Совета безопасности РФ, посвященном обеспечению национальной безопасности в сфере охраны окружающей среды, «нужно прямо сказать, долгое время вопросы экологической безопасности оставались на периферии государственного внимания»¹⁵⁷. Отсутствие в верхах реального интереса к проблеме экологической безопасности препятствует созданию предпосылок будущей экологической и экономической модернизации России, которая в рейтинге экологической эффективности стоит на 105 месте в списке из 132 стран. Ситуация усугубляется тем, что два других социальных актора – гражданское общество и бизнес пока еще слабо реагируют на экологические вызовы современного этапа развития России. Население, хотя и выражает озабоченность состоянием экологии, не готово пока к активным действиям по защите своих экологических прав.

Экологическое движение, представленное неправительственными организациями, раздроблено, оно утратило обратную связь с населением и, подвергаясь жесткому экономическому и административному давлению со стороны властей, лишилось возможности активно воздействовать на процесс принятия решений.

Не приходится рассчитывать и на здравый смысл предпринимателей. Бизнес открыто или пассивно сопротивляется ужесточению экологического регулирования и не воспринимает экологическую деятельность с точки зрения приобретения конкурентных преимуществ. Определенные сдвиги в экологическом сознании произошли в среде крупного бизнеса, задействованного на внешние рынки. Однако при ограниченном проникновении отечественных товаропроизводителей на западные рынки вряд ли стоит рассчитывать на изменение отношения российского бизнеса к проблеме охраны окружающей среды.

В отсутствие реальных субъектов проэкологических изменений повышается роль и ответственность государства в экологизации экономического развития в соответствии с мировыми тенденциями. Если судить по декларациям, то намечаются определенные изменения в отношении государства к проблеме охраны окружающей среды. В 2012 году были утверждены сразу два важнейших документа, направленных на охрану окружающей среды и обеспечение экологической безопасности: «Основы государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года» и Государственная программа «Охрана окружающей среды на период до 2020 года». Однако государство планирует реализовать намеченную программу, требующую крупных инвестиций и технологического перевооружения экономики, главным образом

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ В. Путин. О наших экономических задачах. - Ведомости, 30.01.2012.

¹⁵⁷ <http://news.kremlin.ru/news/19655>.

перекладывая заботу об этом на плечи предпринимательства¹⁵⁸, что, как показывает опыт развитых стран, не дает должного эффекта при низких стартовых возможностях.

Сегодня в мире общепризнано, что решение экологических проблем требует принципиального отказа от ориентации на экстенсивный экономический рост и интенсификацию экономического развития на базе использования новейших технологий. Но активность государства в сфере перехода к «зеленому развитию» остается на весьма низком уровне, не говоря о том, что само понятие зеленое развитие не используется в лексиконе властных структур. Новые эколого-экономические реалии недостаточно прописаны в долгосрочных экономических планах развития страны¹⁵⁹. И главное, для того, чтобы создать условия для зеленого развития, требуется одно, но важное условие – уйти от сырьевой зависимости.

Россия сталкивается с типичными для мировой Периферии трудностями развития ресурсоэффективного индустриального производства. Поэтому и сценарий развития экологических процессов в ближайшей перспективе не обнадеживает. Однако игнорирование экологического императива развития приведет к неминуемому последующему отставанию России.

Е.И.Глушенкова

ОЛИМПИАДА И ЭКОЛОГИЯ

Зимняя олимпиада в Сочи – крупное событие как для России, так и для всего мира. Такое мероприятие проходит в нашей стране впервые. Осуществлено масштабное строительство спортивных и других объектов. Грандиозная церемония открытия поразила всех не только техническими эффектами, но и панорамой, в которой были развернуты яркие вехи российской истории и культуры. В этом плане значение сочинской олимпиады далеко выходит за чисто спортивные рамки.

Вместе с тем, Олимпиада принесла с собой немалые проблемы. Это и беспрецедентные траты на ее проведение, и не вполне ясные перспективы использования возведенных сооружений после окончания игр. Это, наконец, проблемы экологического порядка.

Сочи – курорт и особая, охраняемая, природная зона, уникальный природный комплекс. Большая часть олимпийских объектов могла быть построена только на территории Сочинского национального парка, и к ним должны были быть предъявлены специальные экологические требования. Изначально было объявлено, что площадь спортивных объектов не превысит 1% от общей площади национального парка, ущерб окружающей среде будет невелик, поскольку работы будут выполняться в полном соответствии с нормами ISO 14001 (международный экостандарт), а то, что пострадает, будет скорректировано компенсационными мероприятиями. СМИ называли разные цифры предполагаемых затрат России на охрану окружающей среды во время проведения строительных работ (например,

¹⁵⁸ В соответствии с Основами экологической политики России до 2030 года компании обязаны использовать новейшие технологии в области очистки вредных выбросов. Для предприятий это означает резкое усиление фискальных санкций за применение технологий, которые наносят вред окружающей среде. Так, к 2014 году штрафы предлагается увеличить в 25 раз по сравнению с существующими, а с 2014 по 2030 год - в сто раз

¹⁵⁹ Доклад о человеческом развитии Российской Федерации в 2013 г Устойчивое развитие: вызовы времени. Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН). М., 2013.

\$140 млн.), и эти средства должны были пойти на восстановление редкой флоры и фауны парка, в том числе, создание биосферного полигона Тебердинского заповедника и другое. Выражалась надежда, что после Игр экологическая обстановка края станет не хуже, а лучше.

Экологическая обстановка в городе сейчас благополучная. Качество воды и воздуха высокое, в умеренном мягком климате растительный мир отличается огромным разнообразием (более 3000 видов растений). Лес в окрестностях Сочи занимает свыше 4000 га. Здесь находятся самые северные чайные плантации Европы, растут пальмы, бананы и цитрусовые деревья. Однако в районе Государственного Кавказского заповедника была построена единственная в России санно-бобслейная трасса – самая длинная и скоростная в мире. Это – самый экологически спорный объект Сочи. Место ее размещения – район Грушевого хребта, т.е. «буферная зона» биосферного заповедника, в пределах одного километра от границ территории, эксплуатация которой регулируется Конвенцией ООН по охране всемирного природного наследия. (Всего таких объектов на территории России восемь). На подобных территориях строительство не допускается. Но власти перевели эти территории в зону природного парка, где строительство допустимо. Был изменен соответствующий Закон об охраняемых территориях 2006 года, а в конце декабря 2009 года Госдума РФ одобрила изменение Лесного кодекса, разрешив вырубку редких видов деревьев и кустарников для строительства олимпийских объектов. Российские активисты экологической неправительственной организации Гринпис в 2010 году собрали и передали в штаб-квартиру Международного Олимпийского комитета в Лозанне 5 тыс. подписей россиян, требующих переноса санно-бобслейной трассы, но безрезультатно.

Многие составляющие проекта строительства вызвали их критику российских экологических активистов. Особое беспокойство было связано с загрязнением реки Мзымта, вдоль которой прошла автомагистраль и железная дорога к месту проведения Игр. На ее берегу были вырублены тысячи буковых деревьев. Критику вызвала и дорога Адлер – Красная Поляна, здесь во время строительства тоннеля вырубил массив лапыны крылоплодной, занесенной в Красную книгу. Олимпийские объекты располагаются в сейсмоопасной зоне, зачастую строились на участках опасных геологических процессов (обвалов, селевых потоков, зон лавинной опасности). Принятие решения о выборе места строительства олимпийских объектов было осуществлено без надлежащих геоэкологических изысканий.

Кроме того, экологи обратили внимание на то, что некоторые проекты, которые приурочены к олимпиаде, на самом деле не имеют к ней прямого отношения. Это относится к работам, которые велись компанией «Газпром» в урочище Пихтовая Поляна – в восточной части хребта Псехако на территории Сочинского национального парка, в охранной зоне Кавказского заповедника, где было уничтожено более двух гектаров старовозрастного хвойного леса.

В инспектировании сочинского строительства принял участие Глобальный экологический фонд (ГЭФ) – ключевой международный орган по финансированию природоохранных проектов. Россия участвует в деятельности ГЭФ с 1994 года. С начала сотрудничества фонд выделил десятки миллионов долларов на реализацию экологических проектов в России. Федеральным органом исполнительной власти, ответственным за взаимодействие с ГЭФ, является Минприроды. ГЭФ мог стать посредником и в управлении конфликтом между властью и общественностью. В ноябре 2009 года представители ГЭФ заявили о намерении включиться в работу по экологическим проектам олимпиады Сочи. ГЭФ разработал для российского «Олимпстроя» программу мер по охране окружающей среды и предложил

финансовые средства на ее реализацию. Однако эта инициатива не имела продолжения.

В январе 2010 года эксперты миссии ЮНЕП, Программы по охране окружающей среды ООН провели инспектирование строящихся объектов Сочи. В своем докладе ЮНЕП выдало ряд рекомендаций для организаторов Олимпиады. Они, в частности, предусматривают создание новых заповедных зон на побережье Черного моря и расширение Национального парка Сочи.

Непосредственного влияния на экологическую ситуацию в Сочи проверка не имела. Но власти не могли не обратить на нее внимание. 19 ноября 2010 года ГК «Олимпстрой» провел конкурс по лоту «Актуализация материалов комплексной оценки воздействия на окружающую среду на территории строительства олимпийских объектов» стоимостью 10 млн рублей. Согласно техническому заданию, размещенному на сайте ГК «Олимпстрой», основной целью работ является комплексная оценка воздействия строительства олимпийских объектов на живую природу и разработка мероприятий для снижения такого воздействия¹⁶⁰. Победителем конкурса на проведение исследований стала компания «ПитерГаз». Но исследования не состоялись.

18 апреля 2011 года ООН при содействии ЮНЕП подписали Декларацию о восстановлении экосистемы бассейна реки Мзымты. Среди участников соглашения - представители «Олимпстрой» и «Газпрома». Пока проект не реализован, его перспективы туманны. По сообщениям СМИ, в рамках подготовки Игр около 10% бюджета «Олимпстроя» было все-таки потрачено на вопросы, связанные с охраной окружающей среды. Это направления, касающиеся городской среды, инфраструктуры и удобства размещения туристов – строительство очистных сооружений, коммуникаций, объектов ЖКХ, перевод котельных с одного вида топлива на более безвредные, современная модель обращения с отходами, т.е. то, что непосредственно потребовал от организаторов Международный Олимпийский комитет.

Экологические неправительственные организации России готовят специальную книгу о нарушениях природоохранного характера, допущенных в ходе подготовки к Играм. Трудно сказать, в какой мере соображения экологов будут учтены. Но ясно, что компенсационные экологические мероприятия в сочинском регионе России после Олимпиады будут необходимы.

¹⁶⁰ См. сайт роскопирования: www.sc-os.ru/ru/contest/current_competitions/?id_20=364

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

В.И. Трифонов

КОНФЕРЕНЦИЯ В БРЮССЕЛЕ ПО ПРОБЛЕМАМ БРИКС

27 февраля – 1 марта 2013 г. в Брюсселе состоялась международная конференция на тему: «Что означает для Европейского Союза и США возвышение БРИКС?». В качестве организатора конференции выступил Фонд Розы Люксембург (ФРГ).

В конференции приняли участие ряд крупных специалистов по международным проблемам европейских стран, а также представители стран БРИКС. Среди последних – зам. директора Института изучения европейских проблем Академии социальных наук КНР Цзян Шисюэ, директор Центра изучения проблем глобального управления Школы международных исследований Народного университета Китая Пан Чжунъинь, – зам. специального советника президента Бразилии по вопросам внешней политики Гильерм де Агуйар Патриота, индийский специалист по проблемам отношений Юг-Юг Б. Курувилла и др. От России – автор этих строк и руководитель Центра социального анализа Института глобализации и социальных движений РФ А.В. Очкина

С основными докладами выступили: директор отдела по проблемам Америки Европейской службы по внешним делам (действует под эгидой Верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и безопасности К. Эштон) Р. Шафер, член Европейского парламента Г. Шольц, зам. зав. отделом международных связей ЦК КПК Хэ Цзюнь (прибыл в Брюссель по другим делам в составе китайской официальной делегации), старший исследователь Центра по изучению европейской политики (Брюссель) М. Эмерсон.

По словам сотрудников брюссельского отделения Фонда Розы Люксембург, конференция проводится в связи с желанием руководства Евросоюза разобраться, что в действительности представляет собой БРИКС, не является ли это крепнущее объединение угрозой для западноевропейских и американских интересов. В частности, они заметили, что отношение к БРИКС со стороны ЕС и, особенно, США скорее отрицательное, поскольку имеются опасения, что со временем БРИКС может оформиться в блок, способный бросить серьезный вызов влиянию западных институтов и формирующемуся мировому порядку.

Высказанные на конференции оценки роли БРИКС носили далеко не однозначный характер. Выступавший первым и явно пытавшийся задать тон конференции М. Эмерсон довольно скептически отозвался о возможностях БРИКС и дальнейших перспективах развития этой организации. По его словам, взявшие поначалу неплохой старт по темпам развития страны-члены БРИКС к настоящему времени испытывают серьезные трудности, их экономический рост замедлился, между членами БРИКС имеются серьезные противоречия, такие страны как Бразилия и Индия по многим параметрам ближе к Западу, чем к своим партнерам по БРИКС. В целом, по мнению Эмерсона, БРИКС представляет собой искусственное объединение.

Хотя подобные оценки проскальзывали и у ряда других участников обсуждений, однако в своем большинстве выступавшие указывали на то, что БРИКС за короткий период времени стал серьезным фактором международных отношений, с которым придется все больше и больше считаться. Отмечался и такой момент, что БРИКС вовсе не является каким-то уникальным объединением. Существует

множество группировок стран, объединившихся для обеспечения своих интересов. В качестве последних примеров указывалось на стремление США создать Транстихоокеанское партнерство, планы формирования Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства между США и Европой и др.

С основательным докладом выступил директор Института передовых исследований Ланкастерского университета (Великобритания) профессор М. Кратке, представивший убедительные факты существенных достижений стран БРИКС (сравнительно быстрые темпы экономического роста, ежегодные темпы увеличения объема торговли внутри БРИКС на 28% и др.). В перспективе, подчеркнул он, БРИКС может стать новым важным полюсом на мировой арене. По мнению Кратке, страны БРИКС осуществляют разумный курс по обеспечению своих взаимных интересов, а беспокойство этот альянс доставляет только для «сверхдержавы», которая стремится во что бы то ни стало сохранить свои позиции лидера номер один. Еще больше тревожит США, заметил профессор, то, что БРИКС может стать «маяком» для развивающихся стран. Кратке в то же время не исключал возможности дальнейших трансформаций в мировой расстановке сил, итогом которых может стать, к примеру, образование G4 в составе США, ЕС, Японии и Китая.

Особый интерес представляло выступление Р. Шафера как официального представителя Евросоюза. По его словам, в Евросоюзе внимательно следят за развитием БРИКС. Если это еще одна региональная группировка стран, объединившихся для обеспечения общих для них интересов, заметил он, то мы не видим в этом ничего страшного и готовы взаимодействовать с БРИКС в решении экономических проблем современного мира, тем более что страны-члены БРИКС являются близкими партнерами Европейского Союза по многим направлениям. Есть много областей для такого сотрудничества – борьба с терроризмом, обеспечение прав человека, совместное упрочение стабильности и безопасности в мире, решение продовольственных, экологических проблем и т.п. Единственное, что нас насторожило бы, заметил Шафер, это если бы страны БРИКС попытались создать блок, вставший на путь конфронтации, оттеснения Евросоюза и наших друзей. Пока же, сказал он, мы неплохо сотрудничаем с членами БРИКС в рамках G20, и у нас не складывается впечатление, что страны БРИКС стремятся расколоть этот механизм.

Член Европарламента Г. Шольц подчеркнул, что члены БРИКС имеют, разумеется, свои взгляды на то, как «сделать мир более справедливым». Для ЕС важно расширять сотрудничество с БРИКС, для чего имеется широкое поле.

Представители КНР в целом высоко отзывались о роли БРИКС и значимости этой организации для Китая, указывая, что БРИКС представляет собой новый тип отношений между странами, что задача этого механизма – построить более справедливый мир, поднять роль стран с формирующимися рынками, развивающихся стран. Интересы стран БРИКС лежат прежде всего в экономической сфере, поскольку главное для них сейчас – это подъем экономики, повышение жизненного уровня населения. Страны БРИКС выступают за построение полицентричного мира, что отвечает требованиям нынешней эпохи. Вместе с тем, китайские представители подчеркивали, что БРИКС не является блоком, и задача формирования блока его членами не ставится. Наоборот, члены БРИКС заинтересованы в расширении сотрудничества со всеми странами в интересах построения «гармоничного мира». Зам. зав. отделом ЦК КПК Хэ Цзюнь отметил, что, хотя в экономическом плане Китай является лидирующей силой в БРИКС, он, тем не менее, «никому не навязывает свою волю» и «не стремится руководить другими». Профессор Пан Чжунъинь сказал, что «не следует забывать» и о достаточно

существенных различиях между странами-членами БРИКС, упомянув, в частности, индийско-китайские противоречия и «стратегические подозрения» в отношениях между Китаем и Россией.

Представитель Бразилии подчеркнул, что БРИКС – это не формирующийся блок, а «коалиция стран по интересам». У них общая цель – изменить несправедливую экономическую и политическую ситуацию в мире. Бразилия, по его словам, занимает особое положение в указанном механизме и может служить мостом между Западом и теми членами БРИКС, которые не имеют столь близких отношений с западными странами, как Бразилия. Будучи членом многих латиноамериканских и других международных организаций, Бразилия намерена развивать отношения и с другими своими партнерами.

С российской стороны было подчеркнуто, что возникновение механизма БРИКС явилось следствием происходящих в мире глубоких изменений, крепнущей тенденции к формированию демократичной системы международных отношений, основанной на принципах равенства, строгого соблюдения норм международного права. Усилия стран-членов БРИКС направлены на то, чтобы добиться реформирования устаревшей и не отвечающей современным требованиям финансово-экономической архитектуры мира, обеспечить участие стран-членов БРИКС в системе управления экономикой и финансами в соответствии с возросшим весом этих стран. Страны БРИКС выступают за утверждение полицентричной системы мира, отстаивают принципы равноправия в международных делах, невмешательства во внутренние дела других стран, неприятия политики силового давления. За последние годы создан разветвленный механизм взаимодействия стран-членов БРИКС, позволяющий решать проблемы в наиболее важных сферах их отношений. В то же время страны БРИКС не преследуют конфронтационных целей, выступают за объединение сил всего мирового сообщества в решении возрастающих вызовов. Они активно сотрудничают с развитыми странами в рамках «Группы двадцати» и в других международных организациях.

А.Б. Крылов

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ГЕОПОЛИТИКА КАВКАЗА»

23 сентября 2013 г. в Париже, в здании Национальной ассамблеи Франции была проведена Международная конференция «Геополитика Кавказа». Соорганизаторами конференции выступили Институт демократии и сотрудничества (Москва), Парижская академия геополитики и Научное общество кавказоведов. В ней приняли участие 17 экспертов-кавказоведов, экономистов, политиков и общественных деятелей из Франции, России, Ирана и США. В ходе конференции, которая прошла под патронажем депутата Парламента Франции Жака Мейара, был обсужден обширный спектр проблем и вопросов, связанный с кавказской тематикой, был представлен анализ современной ситуации на Кавказе, его места в системе международных отношений, а также в рамках российско-европейского и российско-французского диалога.

Работа конференции была открыта приветственным словом президента Парижской Академии геополитики А. Растбина, который отметил, что все более очевидным становится распад Кавказа на две конкурирующие между собой оси: «Север – Юг» (Россия – Армения – Иран) и «Запад – Восток» (Турция – Грузия – Азербайджан). Пятидневная война 2008 г. окончательно закрепила за официальной

Москвой Северный Кавказ, однако создала внушительный водораздел между Россией и Южным Кавказом. А. Растбин выразил убеждение, что, несмотря на возрастающую роль Европы в регионе (в связи с энергетической привлекательностью Кавказа), именно России, Турции и Ирану – исконным региональным игрокам – надлежит развязывать тугой «кавказский узел».

Затем слово было передано ректору Кабардино-Балкарского университета профессору Б.С. Карамурзову, который посвятил свой доклад теме «Северный Кавказ в историческом пространстве и времени». В своем выступлении он развил теорию «кавказских осей». «Кавказ – это перекресток интересов Севера и Юга, Запада и Востока. Северный Кавказ, будучи тесно связан с российским центром инфраструктурными и транспортными связями, не ощущает себя российской окраиной».

Следующий докладчик – А.Х. Боров (КБГУ, Нальчик) выступил на тему «Зависимость от прошлого» или «творческая амнезия»: Северный Кавказ в цивилизационном процессе современной России». В кавказской политике России, по его мнению, наблюдается феномен социально-культурной конвергенции – взаимного влияния центра на регион и региона на центр. Докладчик отметил исключительную роль России в цивилизационных процессах на Кавказе и призвал отказаться от т.н. пути «path dependence» – зависимости от прошлого. Российские политические круги проводят на Кавказе политику «творческой амнезии», смысл которой в том, что мрачные тени прошлого, нависающие над кавказскими народами, могут быть рассеяны.

Президент Научного общества кавказоведов, А.Б. Крылов (ИМЭМО РАН) в докладе «Проблемы постсоветского Кавказа» проанализировал ситуацию утраты былого единства региона, которое было результатом 200-летнего пребывания Кавказа в составе Российской империи, а затем СССР. Процессы распада ранее единого региона, произошедшие в течение 20-летней постсоветской истории, поражают своей скоротечностью и размахом. Нестабильность на Кавказе продолжит оставаться долговременным фактором.

Развитие ситуации в регионе во многом зависит от внешнего фактора, в том числе от политики администрации США, которая рассматривает Кавказ как собственный плацдарм на границах России и Ирана. Стремление США использовать регион для достижения собственных военно-стратегических интересов не исключает сценариев его дестабилизации (последним примером стали события 2008 г. в Грузии и Южной Осетии). Для ЕС определяющими являются не военно-стратегические, а экономические интересы, прежде всего роль Кавказа как поставщика и транзитера энергоносителей. Поэтому Евросоюз, как и Россия, заинтересован в мире и стабильности в данном регионе. Это придает особое значение сотрудничеству России и Франции на Кавказе, удачными примерами которого является совместная работа в рамках Минской группы и «миссия Саркози» в 2008 г.

Директор французского Центра наблюдений и анализа современных международных отношений П. Домбровски представил альтернативный «двухосевой» модели подход к пониманию Кавказского региона. Он предложил аудитории взглянуть на Кавказ как на стратегический плацдарм между Черным и Каспийским морями. С высот Кавказского хребта очень удобно оказывать влияние на Черноморский и Каспийский регионы. Нависающий над двумя «закрытыми морями» Кавказ может стать ключом к Восточной Европе, Большому Ближнему Востоку и Средней Азии. Регион, ранее стремившийся стать отдельным игроком в Евразии, сегодня может выполнить важную роль межцивилизационного моста и сыграть важную роль в нейтрализации современных вызовов.

О российском видении стратегического значения Кавказа рассказал А.В. Рябов (Москва). Кавказ – это линия безопасности южных границ России. Для установления и поддержания стабильности на Северном Кавказе России чрезвычайно важно вести продуктивный диалог и сотрудничество со странами Закавказья. Цель России в регионе – сохранить *status quo*. В случае «разморожения» кавказских конфликтов, которое может повлечь за собой «балканизацию» Кавказа, Россия может утратить нити влияния на Южный Кавказ, отметил российский востоковед. Именно этого и добивалось антироссийское правительство Саакашвили, развязав в августе 2008 г. войну с Южной Осетией.

Нагорно-Карабахской проблеме был посвящен доклад вице-президента ПАГ профессора Жерара-Франсуа Дюмона. Докладчик отметил, что Степанакерт заключен сегодня в тройное кольцо (азербайджанское окружение, армянское кольцо и общекавказский контекст). Французский эксперт полагает, что военное столкновение в Нагорном Карабахе стало предтечей распада *Pax Sovietica*, который, в свою очередь, в течение долгого времени являлся надежным гарантом консервации противоречий на Кавказе.

Вторая сессия была посвящена теме «Региональная организация и сотрудничество». В ее начале к докладчикам и гостям конференции обратился депутат Парламента Франции Жак Мейяр, под патронажем которого проходило научное мероприятие в стенах Национального собрания. От имени спикера Нижней палаты он поприветствовал собравшихся и выразил надежду, что как в кавказском, так и в нынешнем сирийском вопросе будет найдено мирное дипломатическое решение.

Затем слово было передано президенту Института демократии и сотрудничества Н.А. Нарочницкой, которая отметила, что в Сирии, как ранее и на Кавказе, реализуется старый геополитический сценарий. Находясь на вершине стратегического энергетического эллипса, Кавказ играет важную роль в мировой геополитике и геоэкономике. Попытки извне дестабилизировать кавказский регион отвечают планам определенных мировых сил, желающих вытеснить Россию из этих территорий. Н.А. Нарочницкая выразила убеждение, что своими действиями, своей политикой на Кавказе, Россия защищает не только собственные, но и общеевропейские интересы.

Доклад бывшего посла Франции в Грузии Б. Фасье был посвящен российско-американскому соперничеству в Закавказье. Докладчик оценил как ошибку включение Грузии в число кандидатов во вступление в НАТО и подверг критике военное присутствие США в Черном море. Выступающий отметил, что «кавказский канат», перетягиванием которого занимаются США и Россия, может лопнуть и регион может превратиться в «новую Сирию». Б. Фасье призвал обе стороны к мирному сотрудничеству по «толстому кавказскому досье», а также привел ряд примеров, когда сотрудничество между сверхдержавами позитивно отражалось на ситуации в этом регионе. В заключение выступающий подчеркнул, что наиболее реальной угрозой региональному миру является постоянный рост военного бюджета Азербайджана.

Азербайджанскую тематику продолжил доцент исследований Французского института стратегического анализа (IFAS) и Института перспектив и безопасности Европы (IPSE) П. Бертело. Его доклад был посвящен укреплению сотрудничества между Израилем и Азербайджаном, в том числе и в военной сфере. Израильско-азербайджанский альянс – это шанс для Баку выйти из ирано-российской сферы влияния и найти автономного и сильного союзника в регионе. Израилю этот союз необходим для оказания воздействия на Иран с севера, а также в качестве окна в

Среднюю Азию. Этот альянс выгоден для Тель-Авива еще из идеологических соображений, – чтобы доказать арабо-мусульманскому миру, что Израиль способен выстраивать доверительные отношения с мусульманскими государствами.

О рисках радикализации ислама на Кавказе рассказал генерал французской армии А. Парис. После распада СССР кавказский регион стал «лабораторией по исламизации мусульманского населения», в чем самым активным образом поучаствовали нефтяные монархии Аравии. Кроме того, религиозная составляющая современных кавказских войн несоизмеримо меньше «клановой» составляющей. Докладчик также коснулся темы Пятидневной войны 2008 г. По мнению генерала Париса, самым стратегически важным итогом российского вмешательства в грузино-осетинский конфликт стал конец процесса расширения НАТО на восток.

Эксперт в области международных отношений, профессор Свободного университета Ирана Б. Раиси посвятил свой доклад энергетической стратегии Азербайджана. Иранский участник конференции отметил стремительное укрепление геополитических позиций Азербайджана в регионе, причем исключительно за счет прикаспийских энергоресурсов. Далее, он объяснил почему Иран не поддержал официальный Баку в Нагорно-Карабахском конфликте. Тегеран выступает против «роевропейской» политики своего северного соседа, а также стремится сдержать распространение влияния в регионе Турции – своего основного геополитического оппонента на Кавказе. Кавказский геополитический полюс может и должен стать точкой сближения России и Ирана, убежден иранский эксперт, так как перед этими странами были поставлены общие вызовы: не допустить «оксидентализации» Грузии и расширения блока НАТО на Кавказ.

Третья сессия конференции была посвящена обсуждению темы «Международное сотрудничество и вызовы». В докладе основателя политической партии «Солидарность и прогресс», участника президентских выборов во Франции в 2012 г. Ж. Шеминада было дано его видение места и роли Кавказа в мировой политике. Он поставил кавказский регион в контекст мировых интересов. При этом англо-саксонские политики и стратеги не просчитывают дальнейшее развитие ситуации, что приводит к серьезным тектоническим потрясениям хрупкого геополитического баланса сил в регионе. Периодические войны на Кавказе вполне отвечают американским и британским интересам, но для Европы и России нестабильность региона совершенно невыгодна. Россия и Европа должны приложить все усилия для создания на Кавказе сильного и конкурентоспособного экономического пространства, подытожил французский политик.

На хрупкость геополитического равновесия на Кавказе указал французский журналист и публицист Жан-Мишель Верноше. Докладчик полагает, что Кавказ, а теперь еще и сочинская Олимпиада, являются разменной монетой или фактором «делового шантажа» в российско-арабских отношениях, на который президент Путин *volens nolens* вынужден искать адекватные контраргументы. Журналист отметил, что в последнее время Россия начала проводить политику контрстратегии на Кавказе и стоит у истоков создания нового экономического «шелкового пути» Китай – Россия – Германия, который прокладывается в обход нестабильному кавказскому региону.

Далее с докладом выступил директор исследований Американского института в Париже профессор Х. Гарднер, который подробно осветил проблемы взаимоотношений НАТО и России на Кавказе. Автор книги «Экспансия НАТО и стратегия США в Азии» (*NATO Expansion and US Strategy in Asia*), призвал к установлению мира и созданию условий для успешного социально-экономического развития Кавказа, гарантами которых могут выступить НАТО, ЕС и Россия. Эти три силы должны установить между собой партнерские и доверительные отношения для

оказания благотворного влияния на сложившуюся ситуацию в регионе и постепенно распутывать тугой многовековой «кавказский узел», предложил Х. Гарднер.

Как «лакмусовую бумажку» российско-турецких отношений оценил Кавказ профессор Парижского факультета права, экономики и управления Э. Хатем. Его доклад был посвящен новым нео-оттоманским амбициям Турции, которые простираются на весь суннитский мир вплоть до суннитских общин в Индии. Столкновение нео-оттоманского мира с возрождающейся Российской империей, чьи интересы сталкиваются на Кавказе, может привести к очередному витку Холодной войны, отметил в своем выступлении Э. Хатем.

Последним докладчиком на конференции был А.Ю. Скаков (ИБ РАН). Российский участник конференции вернулся к теме сочинской Олимпиады в контексте региональной геополитики. По мнению эксперта, Олимпийские игры в Сочи – это важное событие не только в спортивном, но и в общекавказском культурно-социальном измерении. Зимняя Олимпиада – 2014 должна стать одним из ключей к примирению на Кавказе, вернуть региону роль прочного и широкого моста между цивилизациями.

В ходе последовавшего обмена мнениями участники конференции дали ей высокую положительную оценку. Было подчеркнуто, что посвященные Кавказу мероприятия проходят в Париже очень редко, поэтому было бы целесообразным продолжить в будущем проведение такого рода конференций во Франции и других государствах Евросоюза.

По общему признанию конференция стала крупным международным научным событием. Она вызывала большой общественный интерес, информация о ней была опубликована во многих российских и зарубежных изданиях и на интернет-сайтах. Руководство Парижской академии геополитики заявило о намерении опубликовать сделанные на конференции доклады в специальном выпуске своего журнала «Геополитика».

А.Б. Крылов, А.Г. Арешев

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «200-ЛЕТИЕ ГЮЛИСТАНСКОГО ДОГОВОРА И ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА КАВКАЗЕ»

16 декабря 2013 г. в Ереване состоялся организованный Научным обществом кавказоведов (НОК) Международный круглый стол «200-летие Гюлистанского договора и интеграционные процессы на Кавказе». В ходе его работы российские и армянские участники проанализировали проблемы истории и современного Кавказа.

200 лет назад с подписанием Гюлистанского договора, завершившего многолетнюю русско-персидскую войну, было закреплено присоединение Кавказа к Российской империи, подчеркнул во вступительном слове, президент НОК А.Б. Крылов (ИМЭМО РАН). После этого долгое время Кавказ развивался в составе российского государства.

Распад СССР привел к появлению новых государств на политической карте мира. В результате у народов Южного Кавказа возникли не только принципиально новые возможности развития, но и новые проблемы, продиктованные разделением региона несколькими государственными границами. Резко возросла степень

отторжения для местных народов, которые теперь проживают в куда большем числе государств, чем прежде.

Продекларированное государствами региона стремление покончить с советским прошлым и развиваться по пути западной демократии не привело к быстрому решению основных проблем общества. В отличие от стран Запада, во всех странах Южного Кавказа произошло практически полное слияние политической и экономической элиты, результатом которого стала высокая степень монополизации доходных отраслей экономики. Это привело к быстрому социальному расслоению общества. Для большинства населения два первых десятилетия независимого развития принесли с собой обнищание и деградацию качества жизни.

Постсоветский период отличался стремительным ростом различий между разными частями Кавказа. Регион поразительно быстро утратил былую высокую степень общности экономической, социальной и культурной жизни. Северный Кавказ развивается собственным путем в составе российского государства со своими ярко выраженными региональными особенностями. На Южном Кавказе через 22 года после распада СССР сформировались совершенно разные общества и государства, причем дезинтеграционные тенденции явно доминируют над интеграционными. Наряду с тремя международно признанными государствами, здесь имеется два «частично признанных» (Абхазия и Южная Осетия) и Нагорно-Карабахская республика, продолжающая оставаться в числе непризнанных государств современного мира.

Государства Южного Кавказа имеют разную степень влияния, разную роль на международной арене. Положение Азербайджана определяется его ролью поставщика энергоресурсов. Грузия играет роль энерготранзитера и пытается извлечь максимум возможных выгод из игры на противоречиях между Россией и США/ЕС. Ереван пытается проводить разновекторную политику, и даже после заявления президента Сержа Саргсяна от 3 сентября 2013 г. о намерении Армении вступить в Таможенный союз было бы преждевременным утверждать, что ее руководство намерено изменить прежний курс коренным образом.

Страны региона пока не смогли продвинуться по пути успешной политической и социально-экономической модернизации. Это стимулировало массовые миграции из региона в Россию и другие государства. Для значительной части населения переезд в иностранные государства оказался более приемлемым, чем проживание в собственных государствах.

Тенденция к осложнению ситуация на Южном Кавказе связана с нарастанием нестабильности и возможностью втягивания региона в конфликты на Большом Ближнем Востоке. На 2014 г. намечен вывод войск США и их союзников из Афганистана, который, весьма вероятно, может повлечь за собой активизацию радикальных исламских сил, в том числе на Южном и Северном Кавказе. К положительным тенденциям для региона можно отнести начало процесса нормализации российско-грузинских отношений. Последние президентские выборы, состоявшиеся в октябре 2013 г., стали первым прецедентом легитимной смены власти в постсоветской Грузии, что дает дополнительную надежду на продолжение данного процесса.

Проблемы современного Кавказа столь сложны и многочисленны, что было бы наивным рассчитывать на их быстрое решение. Их решению помог бы переход от соперничества, а тем более конфронтации между Россией и «коллективным Западом» к политике сотрудничества и взаимодействия в решении сложных социально-экономических проблем Южного Кавказа. Для государств региона это

было бы наиболее выгодным. К сожалению, перспектива подобного развития событий пока не слишком велика. А.Б. Крылов подчеркнул, что в этой ситуации проблема выбора в пользу того или иного вектора своей политики, в пользу какого-либо из имеющихся интеграционных проектов приобретает для стран региона особую актуальность.

Профессор Ереванского университета, этнограф Грануш Харатян рассказала о драматичных событиях в конце 80-х годов, связанных с разрастанием конфликта вокруг Нагорного Карабаха. Дезорганизация политической и экономической жизни позднего СССР и связанные с ней последствия остаются важной составляющей исторической памяти армянского народа.

Главный редактор сайта kavkazoved.info А.Г. Арешев напомнил некоторые обстоятельства русско-персидской войны, остановившись на параллелях между событиями XIX века и современной ситуацией. Он подчеркнул, что 2013 год стал периодом активных обсуждений альтернативы – преимуществ для Армении так называемого «европейского» выбора либо же процессов интеграции на постсоветском пространстве. Стремление к безоглядной ориентации на Запад, свойственное российской политике особенно в 1990-е годы, начинает с трудом переосмысливаться, постепенно наполняются реальным смыслом альтернативные проекты, в том числе идея Таможенного Союза.

Руководитель центра политических исследований при Правительстве Республики Армения Агаси Еномян отметил, что сотрудничество России и Армении в сфере безопасности носит комплексный характер. В экономической же сфере, как считает этот правительственный эксперт, «мы идем туда, куда ведут национальные интересы России, но не наши» и его оценка выгод для Армении от вступления в ТС была весьма скептической.

В ходе круглого стола состоялась дискуссия относительно приоритетного характера европейского либо евразийского выбора. Она свидетельствовала, что в армянском экспертном сообществе сохраняются кардинально различающиеся между собой предположения относительно будущего пути страны. Российскими участниками была высказана мысль о стремлении испытывающих дефицит доверия со стороны населения армянских властей переключить общественное недовольство, в частности, на Россию.

Экс-главный советник Президента РА по национальной безопасности Ашот Манучарян напомнил, в кавказском регионе проблема выбора возникает уже не в первый раз. В апреле – мае 2013 г. в стране господствовал принцип «и – и». Все знали, что идут переговоры с ЕС при одновременном углублении отношений с Россией, что не должно было мешать друг другу. Но в мае в армянских СМИ была развернута кампания на тему «Россия кошмарная страна» и приоритета принципа «или – или». Кому и зачем понадобилось разворачивать общественное мнение в антироссийском направлении? В результате площадка для российско-европейского диалога стала стремительно разрушаться – через размежевание и столкновение элит. Был период, когда в Армении вместо обсуждения реальных проблем люди обвиняли друг друга в шпионаже, предательстве и т.п.

Часть элиты стремилась к тому, чтобы не дать разделить армянское общество, ибо такое разделение делало его более манипулируемым. В целом Евросоюз находится в евроатлантических рамках, а отдельные страны Европы отстаивают интересы «американской» либо же собственно «европейской» Европы (Германия, Франция). Обсуждение проекта Восточного партнерства резко обострило российско-европейские отношения, и сегодня размежевание между Россией и Европой только углубляется. Приоритет атлантического сообщества заключается в

том, чтобы максимально столкнуть Европу и Россию, вторичная, но важная задача – максимально расколоть постсоветские общества (Украина, Армения).

Профессор ЕГУ Давид Ованнесян подчеркнул роль системы трех морей (Чёрное, Каспийское, Средиземное), обладающих сообщающимися транспортными и коммуникациями. Глобальные и региональные проекты вступают в конкуренцию между собой. Проект Восточное партнерство означал стремление Европы к коммуникационным узлам – об этом свидетельствует хотя бы перечень участников проекта. Докладчик обратил внимание на чрезвычайно опасный характер кавказской «фракции» сирийских боевиков для безопасности России, особенно в контексте предстоящей Олимпиады в Сочи. Важным источником нестабильности могут стать средства, полученные от Саудовской Аравии, при организационно-логистической поддержке через существующие региональные сети.

Преподаватель ЕГУ Айк Кочарян рассказал о восприятии армянами русских и русскими армян через призму СМИ. Докладчик привел данные анализа российских СМИ, посвященных Армении и армянам. По его мнению, тональность российских СМИ в отношении Армении делится на нейтральную, пренебрежительную и придерживающуюся образа Армении как форпоста России. Были и статьи, отражающие недовольство со стороны части армянского общества недавним визитом В.В. Путина. Особое беспокойство А. Кочаряна вызывает тот факт, что в российских СМИ не говорится должным образом о независимости и суверенитете Армении. Вместе с тем он отметил, что пренебрежительное отношение в стиле «куда они денутся» постепенно уходит, более предметно начинают обсуждаться детали проработки дорожной карты будущего членства Армении в ТС.

Сотрудник Центра цивилизационных исследований Сатеник Мкртчян (Ереван) продолжила тему обостренного восприятия темы национальной независимости, на которую якобы покушается Россия. Основное внимание в ее докладе было уделено проблеме недостатка гражданского компонента в системе среднего и высшего образования Армении в угоду этническому патриотизму.

Исполнительный директор армянского филиала НОК Гагик Авакян подчеркнул, что общество не было проинформировано ни о европейском, ни о евразийском выборе, так что оно не в состоянии сделать осознанный выбор. По его мнению, в странах с нелегитимными системами власти общество может влиять только через насильственные действия, чего бы большинству граждан Армении не хотелось. В результате влияние общества на процесс принятия политических решений останется минимальным.

Д.Б. Малышева (ИВ РАН, ИМЭМО РАН) подвела итоги развития Кавказа в 2013 г., отметив некоторую позитивную динамику в регионе: в экономическом плане государствам региона удалось в основном избежать крупных потрясений. Внешнеполитический тренд государств Южного Кавказа не претерпел заметной трансформации. Азербайджан продолжил следование равноудаленной политике от главных мировых и региональных центров. Армения, наряду с военно-политическим сотрудничеством с США/НАТО и экономическим – с ЕС и Ираном, единственной из всех южнокавказских государств по-прежнему связывает свою политику с участием в ОДКБ и в Евразийском экономическом сообществе. Грузия на фоне разорванных с 2008 г. дипломатических отношений с Россией, продолжает дрейф в сторону углубленного сотрудничества с США, Евросоюзом и НАТО.

Хотя властям Азербайджана удается в основном поддерживать приемлемый социально-экономический уровень, здесь имеет место и социальная неудовлетворенность общества, и определенная усталость от президента, возглавляющего страну более 10 лет и победившего в очередной раз на

президентских выборах, состоявшихся 9 октября 2013 г. Есть, правда, и другие оценки подобной несменяемости высшего политического руководства Азербайджана: согласно им, это говорит об относительной устойчивости азербайджанской политической модели и ее жизнеспособности.

На прошедших в Армении 18 февраля 2013 г. выборах президентом вновь был избран Серж Саргсян, от которого армянское общество ждет решительных действий, необходимых для преодоления сложной социально-экономической ситуации. В сфере внутренней политики перед армянскими властями стоит задача предотвращения дестабилизации политической обстановки в республике, нахождения внутриэлитного консенсуса и баланса в отношениях между основными группами влияния во властных структурах. Для этого президенту и его окружению, возможно, понадобится пойти на контакты с представителями оппозиционных политических сил, часть которых апеллирует к внешним игрокам (США или ЕС). Это представляет потенциальную угрозу для сохранения суверенитета и стабильности республики.

Надежды на оздоровление экономики и социальной сферы Грузии связываются многими с приходом к власти новой политической силы, которую символизирует коалиция «Грузинская мечта». Победа на президентских выборах ее кандидата Г. Маргвелашвили означает окончательный уход с политической сцены команды третьего президента – М. Саакашвили. При этом смена персоналий во властных структурах республики серьезно не повлияет на ее внешнеполитические приоритеты. Курс на сохранение отношений стратегического партнерства с США и НАТО не подвергнется ревизии. В отношениях с ЕС Грузия останется верной курсу на евроинтеграцию. Но очевидно также, что подписание на ноябрьском 2013 г. саммите Восточного партнерства договора об ассоциированном членстве с ЕС не решит сложных политических и социально-экономических проблем Грузии.

Диалог Грузии с Россией может стать более углубленным и предметным. Это, однако, не снимет с повестки дня ряда разъединяющих оба государства вопросов. Они связаны с евроатлантическим выбором Грузии, трактовкой отдельных эпизодов кавказской истории (например, признаваемый официальным Тбилиси и отвергаемый Россией «геноцид черкесского народа»), предпринимаемыми российской стороной экстраординарными мерами по поддержанию безопасности на Юге России на время проведения Олимпиады в Сочи в феврале 2014 г. Остается камнем преткновения в двусторонних отношениях Абхазия и Южная Осетия. Россия, признающая их суверенитет, при любом политическом раскладе в Грузии останется ее оппонентом. Российско-грузинские отношения будут подчинены динамике процессов, разворачивающихся на Кавказе – как в северной его части, так и в южной.

В заключительном слове глава НОК А.Б. Крылов подчеркнул важность состоявшейся дискуссии для пользы российско-армянских отношений, избавления их от негативного балласта и упрощенного «черно-белого» подхода при анализе сложных общественно-политических процессов, ситуации в России и российской политики на Кавказе. Он подчеркнул, что сложность проблемы выбора между конкурирующими европейским и евразийским интеграционными проектами диктуется тем, что ни один из имеющихся у постсоветских государств путей не является идеальным. В каждом проекте есть свои плюсы и минусы, их нельзя рассматривать как «волшебную палочку», которая быстро решит все без исключения проблемы. Тот или иной выбор определит будущие перспективы развития государств Южного Кавказа, и это накладывает особую историческую ответственность на политические элиты и на все общество.

Успех евразийской интеграции во многом зависит от того, удастся ли выработать его духовно-ценностную составляющую, близкую и востребованную народами и государствами – потенциальными субъектами этого объединения. Поэтому логичным и необходимым является активное участие армянской стороны (как и других потенциальных участников) в выработке концептуальных принципов евразийского интеграционного пространства.

Выдвигаемый рядом армянских политиков и экспертов принцип диверсификации внешней политики Армении предполагает максимальную вовлеченность страны в экономическое пространство Евросоюза. В то же время вопросы национальной безопасности Армении решаются в тесном сотрудничестве с Россией. Совместить два таких направления сложно даже теоретически. В реальности же безопасность Армении может гарантировать только Россия. Авантюрные попытки отказа от этого постулата чреваты опасностью новых национальных трагедий.

НОВЫЕ КНИГИ

Paul Krugman. End This Depression Now! N. Y.: W.W. Norton Publications, 2013. – xx, 259 pp.

Отдадим должное смелости Пола Кругмана, известного американского экономиста, лауреата Нобелевской премии 2008 г., решившегося на фоне общего пессимизма вынести в заглавие своей недавней публикации призыв покончить с кризисом, что называется «здесь и сейчас». Судя по тому, что книга издавалась два года подряд, в 2012 и в 2013 гг., её тематика и в целом оптимистическая направленность были востребованы обществом. Работа П. Кругмана выгодно контрастировала с негативными социально-экономическими оценками кризисного состояния американской экономики и большинства европейских стран, которые возобладали в мировых СМИ с 2008 г., начала мирового финансового кризиса. Видимо, в интересе к книге сказалась своего рода защитная реакция на постоянные дискуссии экономистов и политиков разного уровня компетентности, предсказывавших в основном дальнейший спад и продолжительный кризис, что усиливало желание услышать слова ободрения и надежды от одного из современных гуру в области экономики.

13 глав книги разбиты на параграфы, обозначенные скорее публицистически, чем экономически. Например, «Теряя будущее», «Насколько плохи дела», «Большая ложь» и т.д. Для экономической работы в ней на удивление мало статистики, лишь отдельные положения иллюстрируют графики. Даже полемика с бывшим главой ФРС Бенем Бернанке, направленная против его финансовой политики, не содержит солидной базы данных в пользу позиции П. Кругмана, что создает впечатление какой-то личной обиды именитого автора. Но это не должно мешать внимательному прочтению его книги, учитывая актуальность и остроту центральной темы.

Свою работу П.Кругман предварил многозначительным эпиграфом, определяющим одно из основных направлений книги: «Безработным, заслуживающим лучшего». Логично, что в исследовании, посвященной проблемам кризиса, тема безработицы занимает значительное место, поскольку, несмотря на разнообразие кризисов (промышленные, аграрные, финансовые, структурные и т.д.), они всегда сопровождаются сокращением занятости, тяжелым испытанием для большинства населения и экономики в целом. На одном из графиков виден более высокий уровень безработицы в США в 2007-2012 гг., чем в Европе, что определялось, как считает автор, сравнительной легкостью увольнения работников по американскому законодательству (р.Х1). В декабре 2011 г. число безработных в США достигло 13 млн.человек против 6,8 млн. в 2007 г (р.7). Увольнениями были затронуты все категории занятых, белые и голубые воротнички, работники высококвалифицированные и не имеющие специальной подготовки во всех отраслях экономики (р.37).

Констатация Кругманом трудностей, переживаемых безработными в поиске новой работы, потеря привычного экономического и социального статуса, фрустрация, – все это многократно описывало в научной и художественной литературе США, эта ситуация хорошо известна и примерно одинакова во всех странах. Но было бы полезно привести сведения о продолжительности безработицы для разных категорий работников и особенно её характере в ходе нынешнего кризиса. Можно предположить, что речь идет в основном о структурных сдвигах в хозяйстве США, требующих изменений в подготовке рабочей силы. П.Кругман фиксирует переход американской экономики в рецессию в 2009 г., но это не привело, как он пишет, к «позитивной динамике», обещанной Б. Бернанке, и как следствие, к

росту занятости (р.4). Но рецессия и не может привести к росту занятости, поскольку в такие периоды экономика топчется на месте.

Заслуживают внимания в рецензируемой книге частые ссылки автора на Дж.М.Кейнса, безусловного авторитета в вопросах занятости /безработицы. Из текста очевидно, что Кругман чрезвычайно высоко оценивает экономическую теорию Кейнса, который был не просто наблюдателем, но и активным участником дискуссий начала 30-х годов прошлого века в поисках выхода из Великой депрессии. Более того, П.Кругман чувствует себя в известной мере защитником идей Кейнса, когда пишет о «кейнсофобии», которая сказывается в работах некоторых экономистов и особенно в рекомендациях правительственных чиновников. Он пишет: «Чтобы эффективно справляться с кризисом, мы нуждаемся в более активной правительственной политике в форме расширения расходов для поддержания занятости...(р.93). Хотя предложенные Дж.Кейнсом методы преодоления глубочайшего спада американской экономики не были в должной мере оценены Ф.Д.Рузвельтом в ходе их первой личной встречи в Вашингтоне в 1934 г., тем не менее они сыграли определенную роль в смягчении кризиса, особенно после ухудшения экономического положения США в 1937 г., когда Ф. Рузвельт принял идею дефицитного финансирования, сменившую доктрину сбалансированных ежегодных бюджетов.

Апологетика Дж. Кейнса, которой придерживается П.Кругман, понятна. Однако трудно согласиться с мнением П.Кругмана, высказанном в его интервью российской печати, в котором он настаивает на сходстве современной экономики США с её состоянием в начале 30-х годов прошлого века. "Экономика времен Джона Мейнарда Кейнса (и Франклина Рузвельта), как выясняется, была в достаточной степени похожа на нашу, чтобы можно было применять те же модели"¹⁶¹. В рецензируемой книге он повторяет эту позицию почти афористично: «Как это было в 1936 г., так есть и ныне»(р.208). Учитывая качественные технологические, политические, социальные сдвиги, произошедшие с тех пор в мире, и в самих США, особенно научный компонент американской экономики, её структуру, такая постановка проблемы представляется спорной.

Можно согласиться с позицией Кругмана, что при изучении экономических явлений важно принять во внимание прошлый опыт страны в поисках выхода из кризиса. Это обращение к пройденному не представляет принципиально новое направление в экономических исследованиях. Оно сложилось намного раньше, было ярко выражено, например, в работах немецкой исторической школы и сравнительно недавно авторитетно подтверждено Дугласом Нормом в его анализе роли институтов и их влиянии на развитие (Path Dependence). Действительно, исторический опыт, традиции, обычаи страны неизменно оказывают воздействие на формы кризисов и особенно на методы их преодоления. Говорят, что генералы всегда готовятся к прошедшей войне, и экономистам не следует повторять эту ошибку. Признавая воздействие исторических факторов, в первую очередь необходимо видеть кардинальные изменения в мировой экономике со времен Великой депрессии, случившейся почти столетие назад.

В тогдашних условиях строительство инфраструктуры, позволившее при сравнительно ограниченных затратах занять сотни тысяч безработных, едва ли применимо ныне в развитых экономиках Запада. Многонаселенные страны с низким уровнем дохода на душу населения, высоким уровнем незанятости, как например, КНР и Индия, могут воспользоваться этим методом при наличии инвестиций. По

¹⁶¹ Независимая газета. 15.10.2012.

расчетам McKinsey Global Institute, расходы на инфраструктуру в этих странах в ближайшие годы достигнут 8.5% и 4.7% ВВП, соответственно, что может поддержать занятость и рост. Но упор на расширении инфраструктуры в этих странах связан не с кризисом, а с глубоким отставанием этой сферы, её тормозящим влиянием на развитие всей экономики. Современное хозяйство развитых государств, основанное на экономии живого труда за счет применения технологий и ноу-хау (Knowing-based economy), требует ограниченного контингента квалифицированной рабочей силы. Поэтому методы посткризисного восстановления ныне качественно изменились и усложнились по сравнению с временами Кейнса.

Как либерал, П.Кругман счёл нужным высказать свою оценку проблемы неравенства в США. Как показывает опыт стран, переживших в разной форме кризисы, рост неравенства в эти периоды становится закономерностью. Основной удар приходится на наёмных работников и беднейшие слои населения. Для иллюстрации этого положения в книге сопоставляются доходы 1% самых богатых людей и остального населения США. Вывод очевиден, верхний процент становится богаче. Кругман считает, что под давлением этого богатейшего процента меняется политика – ограничиваются прогрессивные налоги, сокращаются программы помощи бедным, сокращаются расходы на образование (р.89). График показывает постепенное нарастание неравенства в распределении национальных доходов в 1947- 2005 гг., но непосредственно годы текущего кризиса в нём не отражены (р.74). Массовое неприятие этого неравенства отражено в лозунге «Нас 99%» (We are 99%) популярного в США в недавние годы движения «The Occupy Wall Street», имевшего последователей в ряде стран, в том числе в России (р.70).

Автора настораживает, что внимание общественности в понимании специфики нынешнего кризиса смещается в сторону внутреннего долга США, а не безработицы, которую автор рассматривает, как наиболее острую проблему. В вопросе о долге он занимает, как представляется, неожиданно спокойную позицию. По его мнению, величина долга по отношению к масштабам экономики США не выглядят угрожающими, особенно по сравнению с долгом в процентном отношении к ВВП, который имеют, например, Англия и Япония (р.139, 140). Любопытна оценка П.Кругмана инфляции, которую он выразил коротко «Инфляция – фантомная угроза» (р.150). Впрочем, его можно понять, вспомнив, что ныне этот показатель в США колеблется в пределах 1% - 1,5%, и в печати участились обсуждения возможной угрозы дефляции. Видимо, для контраста в книге упомянуты два классических примера гиперинфляции – Зимбабве и Веймарская республика (р.150). Как публицистический приём это можно понять, но контраст по всем показателям с США, уровень экономики, государственного управления, форс-мажорные обстоятельства в названных выше двух странах, делают такое сравнение некорректным.

Непривычным для современной экономической литературы представляется отсутствие в книге внимания к проблеме глобализации - как кризис связан с позицией США в мировом хозяйстве, насколько велики внешние воздействия на его ход. Правда, П.Кругман уделил внимание кризисному состоянию Европы, сконцентрировав внимание на странах Юга, группе GIPSI (Греция, Ирландия, Португалия, Испания, Италия), которые попали в самое сложное социально-экономическое положение. Он подчеркивает, что в Европе нет угрозы инфляции и необходимости привлекать извне капитал. Её слабость в недостаточной финансовой интеграции, низкой мобильности рабочей силы, а главное, отсутствии собственной валюты. «И это создает кризис» (р.179).

Кругман считает центральной идеей своей книги максиму, изложенную во введении: «кризиса не должно быть» (р.22). Но он был, есть и будет повторяться, из

этого надо исходить, хотя причины, формы и методы преодоления становятся всё более вариативными. Будет ли выходом предложенный автором девиз «Расходы наш путь к процветанию»? (р.38). Он категоричен: «важнейший момент заключается в том, что для выхода из текущей депрессии мы нуждаемся во взлете правительственных расходов» (р.39). Но на практике именно это и происходит в США. Только в начале 2014 г. Бен Бернанке объявил о свертывании действовавшей программы смягчения экономической ситуации путем дополнительной эмиссии. По сути, это реализация одной из основных идей Дж. Кейнса, действие мультипликатора. Опыт ряда стран свидетельствует, что массированные правительственные и международные финансовые вливания способствовали ослаблению кризиса или даже его преодолению (например, «текила» кризис в Мексике в 1994 г.).

Заключительная глава полностью повторяет название всей книги, но не содержит каких либо новых практических рекомендаций. Ещё раз повторяется позиция, что «правительство должно расширять расходы в тех отраслях, в которых не хочет участвовать частный сектор»(р.212) Важно другое – ко времени выхода книги в экономике США наметились явные признаки выздоровления, рост ВВП происходил в течение 2013 г. Об этом же свидетельствует график роста занятости работников, только вступающих на рынок труда (р.211). Можно предположить, хотя это не отмечено автором, что возрос спрос на людей, получивших в годы кризиса соответствующую подготовку.

Рецензируемая работа Пола Кругмана заслуживает читательского внимания, она о насущных проблемах, поскольку от кризиса ни одна страна не застрахована. Рецептов спасения, старых и новых, довольно много, но ни один из них не гарантирует быстрого решения проблемы. Книга подводит ещё к одному выводу – надо очень хорошо знать экономику страны, опираться на достоверную статистику и на этой основе искать пути избавления от кризиса. Хотя в любом случае требуется время, чтобы его преодолеть, быстро не получается, тем более, что формы кризиса становятся всё более вариативными.

Е.А. Брагина

«ДВАДЦАТКА» И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

«Группа двадцати» как системный механизм глобального управления. // Вестник международных организаций: образование наука новая экономика. – М.:ВШЭ. – 2013 – №3(42).

В последнее время на глобальном уровне отчетливо проявились тенденции снижения эффективности коллективного взаимодействия ведущих экономик мира. Неспособность вырабатывать адекватные меры преодоления европейского долгового кризиса и предвидеть неблагоприятные перспективы развития мировой экономики, не говоря уже о реализации конкретных мер по улучшению контроля за функционированием мировых финансов, если судить по выводам двух последних саммитов в Лос-Кабосе (18–19 июня 2012 г.) и Санкт-Петербурге (5-6 сентября 2013г.), похоже, свидетельствуют и о недостаточной эффективности «Группы двадцати». Этой теме «Вестник международных организаций», издаваемый Высшей школой экономики, посвятил весь третий номер издания за 2013 г.

«Группа двадцати» (G20) возникла в 1999 г. как реакция на экономические потрясения 1997-1999 гг., вызванные в первую очередь азиатским финансовым

кризисом. Она была призвана помочь «Группе G 7/8», МВФ, МБРР и иным мировым регуляторам и способствовать глобальному упорядочению в сфере экономики и финансов. После азиатского кризиса, даже с учетом стабильной, по сравнению с большинством стран «семерки», экономики и укрепления мощи США, «двадцатка» была призвана мобилизовать основные системные возможности для противодействия новым экономическим потрясениям, с которыми США уже не могли справиться в одиночку. «Группа двадцати» констатировала, что общемировая рыночная система требует глобального управления из единого центра. Вместе с тем, с появлением новых участников стало невозможным воспринимать «двадцатку» как феномен, предоставляющий выгоду лишь для США и их ближайших союзников. Заметно возросло влияние стран не входящих в «семерку», чья относительная мощь увеличилась не только за счет роста их экономик, но в том числе и благодаря членству в «Группе двадцати», притом, что им не пришлось идти ни на какие уступки для получения доступа к данному членству.

Рост численности и расширение спектра представленных стран в «двадцатке» способствовали умножению ее возможностей, представительности и легитимности как нового центра коллективного лидерства. Более серьезный, начавшийся с США в 2008 г. и распространившийся на весь мир экономический кризис закономерно поставил вопрос о повышении уровня взаимодействия в рамках «двадцатки», что отразилось и в повышении статуса саммитов до встреч руководителей государств-членов. Первоначально же, в 1999 г. предполагалось решать текущие вопросы взаимодействия на уровне министров финансов.

«Группа двадцати» была призвана стать примером групповой гегемонии, коллективного лидерства, поскольку большинство стран – членов «двадцатки» были либо развитыми, либо динамично развивающимися странами, производившими более 90% мирового ВВП. И хотя лидеры «семерки» были заинтересованы в сохранении прежнего status quo, а новые члены «двадцатки» надеялись на пересмотр многих стратегических установок, на волне нового финансового кризиса 2008 г. возобладали общие интересы, заключавшиеся, прежде всего, в достижении планетарной финансовой стабильности.

Первые саммиты лидеров «G-20», состоявшиеся в 2008 г. и 2009 г., в разгар финансового кризиса, и последовавшие по их результатам меры, направленные на снижение напряженности на рынках, рассматривались большинством экспертов как предвестники нового этапа в развитии глобального экономического управления. В частности, Вашингтонский саммит в ноябре 2008 г., на котором была согласована необходимость принятия срочных антициклических мер по борьбе с рецессией и последующий саммит в Лондоне в апреле 2009 г., на котором члены «двадцатки» выделили МВФ 1,1 млрд. долл. США для осуществления рефляционных расходов, стимулирующих мировую экономику, действительно явились примером таких многосторонних действий, которые породили надежды на улучшение системы глобального экономического управления, унаследованной от времен Бреттон-Вудса (с. 32). Предполагалось, что «двадцатка», расширяя масштабы глобального управления за счет включения крупнейших развивающихся экономик и представителей всех регионов мира, станет более легитимной и, следовательно, действенной в выполнении функций глобального управления.

Однако со времен саммита в Питтсбурге в сентябре 2009 г., на котором «двадцатка» была провозглашена «ведущим форумом международного экономического управления», вспышка европейского долгового кризиса и снижение темпов роста мировой экономики умили оптимистичные оценки и прогнозы. Саммиты «двадцатки» в значительной мере стали вырождаться в ритуальные

бесплодные дебаты и обещания вместо реформ. На саммитах принималось крайне мало перспективных решений, что на фоне обострения европейского кризиса и негативных прогнозов на будущее подчеркивало малую эффективность нового международного института. Трудно избавиться от ощущения, что «двадцатка» раз за разом воспроизводит недостатки других широко известных в мире форумов – таких как «Рио+20», Конференция сторон (COP), Рамочная конвенция ООН об изменении климата (РКИК ООН) и пр.

На саммите в Лос-Кабосе мексиканское правительство сформулировало шесть приоритетов своего председательства: содействие экономической стабилизации и структурным реформам; укрепление финансовой системы и расширение доступа к финансовым услугам; совершенствование международной финансовой архитектуры; укрепление продовольственной безопасности; содействие устойчивому развитию; продвижение «зеленого роста» и борьба с изменением климата. Второй и шестой приоритеты были особенно важны для Мексики (с. 34). Но лишь увеличение ресурсов МВФ до более чем 450 млрд. долл. было единственным конкретным решением, принятым на саммите в Мексике.

В Петербурге лидеры стран, входящих в «Группу двадцати», подтвердили готовность совместно бороться с коррупцией, налоговыми преступлениями и оффшорами, обеспечить плавный выход из политики количественного смягчения, определили финансовые институты, которые не могут быть обанкрочены, и взяли обязательства по снижению уровня безработицы. Несмотря на продолжающиеся проблемы в Европе лидеры «двадцатки» фактически подвели черту под кризисом, прописав в итоговой декларации пункт, что устойчивый экономический рост должен сопровождаться переходом от политики количественного смягчения к традиционной денежно-кредитной политике. Со своей стороны центральные банки «Группы двадцати» обязались все будущие изменения ориентиров монетарной политики сделать «четко выверенными и ясно донесенными до всех заинтересованных сторон». Одобрен совместный план действий по борьбе с размыванием налоговой базы и уходом от налогообложения, а также договоренность совместно разработать многосторонний стандарт обмена информацией в налоговых целях. До конца 2016 года пролонгировано прежнее обязательство по отказу от протекционистских мер и обеспечения транспарентности в торговле.

Формально удалось достичь консенсуса во многих областях, но оба саммита не принесли осязаемых результатов. Создается ощущение, что даже недавно возникшая положительная экономическая динамика развитых стран разворачивается помимо управленческих усилий «двадцатки». Неспособность «двадцатки» достичь договоренности по каким-либо назревшим институциональным реформам свидетельствует о серьезных пробуксовках коллективных усилий, осложняющих деятельность G-20. Г. Гудлифф и Ст. Сьерро прослеживают трехуровневый анализ причин возникшего затора управления. (с. 37-39) На первом, самом широком уровне, это, по их мнению, противоречие между Западом и остальным миром. Прежде всего – растущая конкуренция между крупнейшими растущими экономиками – членами «двадцатки», в первую очередь странами БРИКС, и развитыми государствами. Разногласия включают противоречия в отношении квот МВФ и вообще роли Фонда в мировых делах. Обнаружился тупик как в обсуждении мер по смягчению последствий изменения климата, так и в спорах по поводу денежно-кредитной политики. Особенно антагонистичны оказались позиции США и Китая по вопросу курсообразования юаня.

На втором уровне выступают различия внутри самого Запада, т.е. среди стран с масштабной постиндустриальной экономикой и институтами либеральной

демократии. Различия наиболее заметны между англосаксонскими демократиями «свободного рынка», где вмешательство в экономику и социальная защита сведены к минимуму, и континентальными европейскими социальными демократиями, обеспечивающими большую степень экономического регулирования и широкие гарантии благосостояния граждан. Наибольшие разногласия касаются характера и степени финансового регулирования. Кроме того, англосаксонские страны и некоторые страны континентальной Европы (прежде всего – Германия), расходятся в подходе к решению проблем европейского долгового кризиса и снижения угрозы, которую он представляет для мировой экономики. Если англосаксонские и южноевропейские страны выступают за активную фискальную и денежно-кредитную политику, призывая к поддержке или разделению бремени суверенного долга испытывающих трудности периферийных стран еврозоны, Германия и ее сторонники полагают, что этот путь способствует финансовой безответственности, которая, собственно, и привела к кризису.

Внутриевропейские разногласия по экономическим вопросам отражают также расхождения в отношении характера и целей европейского проекта. С одной стороны, страны, выступающие за активизацию европейского федерализма, такие как Германия, желают углубления механизмов как политической, так и экономической интеграции в рамках ЕС. Это будет означать уступку значительной части своего государственного суверенитета и передачу механизмам ЕС контроля над разработкой экономической политики. С другой стороны, ряд государств во главе с Францией и Великобританией придерживается конфедеративного взгляда на Европу, в рамках которого страны – члены ЕС сохраняют суверенный контроль над своей политической и экономической политикой. Пока нет явных признаков того, что эти разногласия будут урегулированы в ближайшее время. Европа, вероятно, сохранит нынешнюю стратегию «латания дыр», основанную на временных решениях и профилактических мерах, тем самым сохраняя риски для евро и, как следствие, для мировой экономики. (с. 40)

В целом эксперты указывают на отсутствие единого лидера или сплоченной группы стран-единомышленников, руководимых общей долгосрочной стратегией и готовых взять на себя ответственность за последствия своего управления на глобальном уровне, что и определяет неэффективность «Группы двадцати». Снижение амбиций США и сдержанность Китая в принятии на себя ответственности на глобальном уровне, так же как и нежелание Германии возложить на себя бремя лидерства в Европе, затрудняют создание в будущем полноценного глобального управления. Возможность возвращения лидерства к США в связи с последними успехами восстановления ее экономики, а также переживаемым «кризисом среднего возраста» странами БРИКС и некоторыми другими развивающимися экономиками, по мнению большинства аналитиков, в среднесрочной перспективе маловероятна.

Собрав под общей обложкой разные оценки перспектив развития института «Группы двадцати», редакционный совет «Вестника» воздержался от обобщающего заключения. Да и трудно найти общий знаменатель для диаметрально противоположных мнений, представленных профессорами Мексиканского технологического института Г. Гудлиффом и Ст. Сберро – («Иллюзии глобального экономического управления») и канадскими исследователями Б. Карина и Д. Шорра – («Группа двадцати как двигатель прогресса»). Помимо обобщающих статей, «Вестник» дает также ряд материалов, посвященных национальным стратегиям развития стран-участниц «двадцатки» и возможностям содействия им со стороны G-20.

Д.Б. Абрамов

Исследование Александра Эткинда¹⁶² «Внутренняя колонизация» вышло по-русски в 2013 г., спустя два года после первого англоязычного издания. Причины, привлечшие внимание к этой публикации лишь отчасти можно связать с попыткой автора проследить корни возникновения современной ресурсной зависимости российской модели развития и государственного управления в имперском и доимперском периодах ее истории. Со времен Московского царства Эткинд прослеживает становление экстенсивно-сырьевого характера государственной экономики, основанной на колонизации обширной территории, национальной жизни при особом отношении между основной частью населения России и ее элитами (с. 32). Ещё А.С. Хомяков описал эти «колониальные отношения» как «полускрытую вражду» между сословиями, где, с одной стороны, выступало «слишком оправданное» подозрение народа в отношении элиты, а с другой, – «ничем не оправданное презрение» элиты к народу.

Зрительно эффектен образ к которому прибегает Александр Эткинд, символически изображая разворачивающиеся процессы колонизации в виде двух крыл гигантской птицы, раскрывающихся, и тем сдвигающих фронтир единовременно в стороны североамериканского запада и северо-востока России. Картина Эткинда получилась бы фигуративно и логически более стройной заверши он ее «хвостом» из южно-азиатских колоний. Куда прозаичнее реальное содержание разворачивающихся колониационных процессов, которые можно разложить на две составляющие: культурную и политическую. Если культурное влияние означает просвещение, то крайняя форма колониального политического насилия есть геноцид. Между этими двумя крайностями и пролегает «пространство колонизации», где культурная гегемония и политическое насилие работают сообща во взаимодействии и одновременном противостоянии (с.17).

Хрестоматийным примером реализации колониальной экспансии исходя из принципа «доминирования без гегемонии», служит Индия. Образом «отрицательной гегемонии» - и отрицательной прежде всего по отношению к собственному коренному населению, а отнюдь и не только к колонизируемым малым народам – Александр Эткинд полагает Россию (с. 343).

Тщательная проработка библиографии понятия «внутренней колонизации», проделанная автором с солидным погружением в его философские предпосылки (Ю. Хабермас, Х. Арендт, М. Фуко и др.), с привлечением социологических (Р. Блаунтер, М. Хетчер), исторических (Ю. Вебер), ориенталистских исследований (Э. Саид и др.), на страницах книги соседствует с использованием из русской и западной литературы: Пушкина и Толстого, Гоголя и Маколеев, Лескова и Конрада, Бахтина и Жирара, Ленина и Хомякова (с. 22). Особое внимание автор уделяет возникновению и введению в научный оборот понятия «внутренней колонизации» в традиции русской аналитической мысли.

Необходимость вписать идею колонизации в российскую историческую действительность впервые реализовал С.М. Соловьев, применив дискурс колонизации к условиям допетровской России (с. 92). Его подход оказался настолько удачным, что – с одобрения министра просвещения гр. Уварова – незамедлительно вошел в идеологический арсенал Российской империи, а оттуда, практически не

¹⁶² Эткинд Александр Маркович (род. 1955г.) – известный филолог и историк, профессор Кембриджского университета. Первое издание: Etkind A. Internal Colonization: Russia's Imperial Experience. Cambridge. 2011.

претерпев изменений, перекочевал в школьные учебники, не исключая и современные. Соединив субъект и объект, идея «самоколонизации» дала русским историкам сложный, где-то парадоксальный, но полезный язык.

Каждый раздел монографии Эткинда представляет собой по форме небольшое, но достаточно самостоятельное эссе, способное стать отправной точкой для нового исследования. Автора этих строк, прежде всего, заинтересовало соотношение опыта колонизации России и Индии, которому Александр Эткинд не уделил отдельной главы, однако в тексте книги обращается к этой теме не единожды. Примечательно, что для начала этого сложного разговора Эткинд избрал цитату из речи лорда Маколей¹⁶³, доказывавшего, что только преподавание английского языка индийской элите сможет создать «переводчиков между нами и миллионами, которыми мы управляем». Может показаться странным, но образцом в этом кропотливом деле он выбрал Россию: «Нация, которая прежде была столь же варварской, какими были наши предки до крестовых походов, за последние сто двадцать лет вышла из невежества... Я говорю о России. В этой стране создан обширный класс образованных людей, которые достойны занимать самые высокие должности...»

Для Маколей метрополия и колония – ступени на лестнице всеобщей истории. В Англии каждая следующая стадия «совершенствования» мягко и постепенно сменяла предыдущую. На пространстве Британской империи разные стадии прогресса сосуществовали и сталкивались между собой. Задачей империи было привести этот хаос рас, каст, народностей и сословий к порядку: создавать категории, управлять иерархиями, регулировать дистанции, обучать элиты.

Вернувшись из своего путешествия по Европе, Петр I потребовал, чтобы дворянство сбрило бороды. Как писал 26 августа 1698 г. австрийский посол, «бритва без разбора летала по бородам присутствовавших». В действительности различия проводились четко. Дворяне должны были быть «выбриты чисто», духовенство и крестьяне сохранили бороды, а мещане остались в пределах «серой зоны», где правила постоянно менялись. «Целью петровских указов было не обрить всех мужчин, а создать очевидные, подобные расовым, различия между ними: сделать сословные различия видимыми», пишет Александр Эткинд.

Изучая истоки межобщинных конфликтов в Индии, автор рецензии посветил немало страниц обоснованию правомерности применения расовых категорий к этой распре¹⁶⁴. Мне показалась продуктивной идея расширить в данном случае понятие расы, поскольку о расовой доминанте в общественных отношениях можно говорить всегда, когда неравенство внутри социальной группы по физическим или культурным критериям оправдывается ссылкой на «видимые различия» независимо от того, в каких категориях – цвета кожи, систем верования или бытового уклада – такое неравенство оправдывается. Противостоящие друг другу местные общины мусульман и индусов зачастую этнически оказываются схожи, но особенности религиозной обрядовости и места поклонения, кастовые или бытовые привычки могут послужить маркером выделяющим образ «другого» из своей гомогенной социальной среды. Конструкт «другого» получается из субстрата видимых различий

¹⁶³ Тóмас Бáбингтон Макóлей (1800–1859) - выдающийся британский историк, философ и государственный деятель. В 1833 – 1838 гг. Маколей занимает видные посты в администрации Британской Индии, являлся членом Верховного совета при вице-короле Индии.

¹⁶⁴ См. Абрамов Д.Б. Светское государство и религиозный радикализм в Индии. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – Сс. 89–110.

«расы, касты, народности, сословия» и затем достраивается, дорисовывается¹⁶⁵ до некой устойчивой целостности.

Подобно расам и кастам, российские сословия создавались на основе местных традиций и имперских категорий. Подобно расам и кастам, сословия пережили реформы и революции. Закон и обычаи предусматривали различия между сословиями в еде, одежде, образовании уровне жизни, поведении в браке и многом другом (с. 159). Империя кодифицировала сословное разделение в законе и дополнительно укрепляла расплывавшиеся границы как правовыми, так и внеюридическими мерами. (с. 160)

В книге А. Эткинде имперский и более поздний опыт России при всей «особости» ее путей рассматривается Александром Эткинсом вписанным в контекст мировых судеб. Причем Россия оказывается в центре многих глобальных социально-экономических и политических процессов, а ее история представлена важнейшей и неотъемлемой частью мирового исторического и культурного наследия.

Д.Б. Абрамов

¹⁶⁵ См. подробнее: Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Белокреницкий В. Я. Авторитаризм и демократия в условиях Афганистана и Пакистана. М.: ИВ РАН, 2013.
2. Варнавский В.Г. Механизмы государственно-частного партнерства в экономической политике. М.: МГИМО-Университет, 2013. - 142 с.
3. Внешнеполитические ресурсы модернизации России. Отв. ред. В.Г. Барановский. М., ИМЭМО РАН, 2013, 104 с.
4. Вызовы безопасности в Центральной Азии. – М.: ИМЭМО РАН, 2013. – 150 с.
5. Гаджиев К.С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М., Логос, 2013, 408 с.
6. Ежегодник СИПРИ 2012 «Вооружения, разоружение и международная безопасность» со Специальным приложением ИМЭМО РАН. Отв. ред. А.Г. Арбатов. М., ИМЭМО РАН, 2013, 770 с.
7. Россия: контроль над вооружениями, разоружение и международная безопасность. Специальное приложение ИМЭМО РАН к ежегоднику СИПРИ 2012. Отв. ред.: А.Н.Калядин, А.Г.Арбатов. М., ИМЭМО РАН, 2013, 200 с.
8. Есть ли будущее у контроля над вооружениями? Под ред. С.К. Ознобищева, А.И. Никитина. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013, 279 с.
9. Китай и глобализация: взгляд из Москвы и Пекина. Отв. ред.: В.В. Михеев, В.Г. Швыдко. М., ИМЭМО РАН, 2013, 114 с.
10. Корейский ядерный кризис: перспективы деэскалации. Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева. М., ИМЭМО РАН, 2013, 68 с.
11. Кризис ЕС и перспективы европейской интеграции (политические аспекты). Отв. ред. Н.К. Арбатова, А.М. Кокеев. М., ИМЭМО РАН, 2013, 204 с.
12. Кузнецов А.В., Ли Чж.Ё., Ли С.Б., Мин Чж.Ё. Российские прямые инвестиции за рубежом и корейская стратегия привлечения прямых иностранных инвестиций. Сеул, KIER, 2013, 294 с. (на корейском яз.)
13. Международное сотрудничество в Арктике: проблемы безопасности и развития. Под ред. А.В. Загорского, А.И. Никитина. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013, 102 с.
14. Наумкин В. В. Арабский мир, ислам и Россия: прошлое и настоящее. М.: ИВ РАН, 2013.

15. Новые факторы глобального и регионального развития: обострение этносоциокультурных противоречий. Под ред. Е.Ш. Гонтмахера, Н.В. Загладина, И.С. Семененко. М., ИМЭМО РАН, 2013, 119 с.
16. Россия и мир: 2014. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз. Рук. проекта: А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М., ИМЭМО РАН, 2013, 158 с.
17. Север – Юг – Россия 2012. Ежегодник. Отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М., ИМЭМО РАН, 2013, 213 с.
18. Сейранян Б.Г., Исаев В.А., Филоник А.О. Становление государственности аравийских монархий. М.: ИВ РАН, 2013.
19. Стрежнева М.В., Прохоренко И.Л. Управление экономикой в Европейском союзе: институциональные и политические аспекты. М., ИМЭМО РАН, 2013, 155 с.
20. Типология конфликтов: «новые войны» и ситуация на Ближнем Востоке. Отв. ред. И.Я. Кобринская. М., ИМЭМО РАН, 2013, 95 с.
21. Трансформация и конфликты в Центральной Азии и на Кавказе. М.: ИВ РАН, 2013.
22. «Третий мир»: спустя полстолетия. Отв. ред. В.Г. Хорос, Д.Б. Малышева. М., ИМЭМО РАН, 2013, 262 с.
23. Холодковский К.Г. Самоопределение России. М., Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2013, 326 с.
24. Чуфрин Г.И. Очерки евразийской интеграции. М., Весь Мир, 2013, 128 с.
25. Afghan Narcotrafficking: A Joint Threat Assessment. Report by U.S.-Russia expert group on the Afghan narcotrafficking. April 2013 / Stepanova E. (principal author). N.Y., EastWest Institute, 2013. 60 p.
26. Hokayem E. Syria's uprising and the fracturing of the Levant. London: The International Institute for Strategic Studies, 2013.
27. Korean Nuclear Crisis: Prospects of De-escalation. Ed. by Alexei Arbatov, Vladimir Dvorkin and Sergey Oznobishchev. Moscow, IMEMO RAN, 2013, 61 p.
28. Kuru A. T. Muslim politics without an "Islamic" state: Can Turkey's Justice and Development Party be a model for Arab Islamists? – Doha, Brookings's Doha Center. Policy Briefing. February, 2013.
29. Nuclear Non-Proliferation in the Middle East Context. Ed. by Alexei Arbatov, Vladimir Dvorkin and Sergey Oznobishchev. Moscow, IMEMO RAN, 2013, 77 pp.
30. Strategic Global Forecast to 2030. Ed. by A.A. Dynkin. Moscow, Magistr, 2013, 432 pp. (перевод с русск.)

31.Strategic Survey 2013. The Annual review of world affairs. London: The International Institute for Strategic Studies, 2013.

ХРОНОЛОГИЯ 2013. ВАЖНЕЙШИЕ СОБЫТИЯ ГОДА

Начало французской военной операции в Мали с целью освобождения севера этой страны от исламистов (январь)

Президентские выборы в Армении, на которых был избран Серж Саргсян (февраль)

Принятие новой редакции Концепции внешней политики Российской Федерации, в которой делается акцент на повышенную турбулентность, противоречивость и динамизм мирового развития (февраль)

Проведение Северной Кореей нового ядерного испытания (февраль), вызвавшего в ответ санкции Совбеза ООН против КНДР (март)

Уход из жизни Уго Чавеса, которого сменил его преемник и сторонник Н. Мандуро (март)

В Дурбане (ЮАР) состоялся пятый саммит стран БРИКС по теме «БРИКС и Африка», где была подписана совместная декларация и план действий на текущий год (март)

Государственный переворот, политический кризис и гуманитарная катастрофа в Центральноафриканской республике (март-декабрь)

Уход из жизни Маргарет Тэтчер, крупного политического деятеля Великобритании (апрель)

Начало акции протеста против вырубки парка Гизи в Стамбуле (май), переросшей в общенациональное протестное движение, продолжавшееся весь год.

Президентские выборы в Иране, на которых одержал победу умеренно-либеральный исламский деятель Хасан Роухани, что стимулировало конструктивные переговоры с мировым сообществом по поводу ядерной программы Исламской республики Иран (июнь)

Убийство двух лидеров оппозиции в Тунисе, которое вызывало массовые акции протеста, в результате чего было распущено правительство умеренных исламистов (июль)

Отстранение египетской армейской верхушкой от власти президента М. Мурси и фактическое возвращение Египта к правлению военных (июль)

Передача бывшим сотрудником ЦРУ и Агентства национальной безопасности США Эдвардом Сноуденом в мировую прессу секретной информации о тотальной слежке американскими спецслужбами за коммуникациями граждан по всему миру, включая высокопоставленных особ в странах-союзниках США (июль)

Второе заседание министров обороны стран АСЕАН (август)

Принятие на встрече глав России и Армении политического решения о вступлении Армении в Таможенный союз и заявление о намерении Армении участвовать в формировании Евразийского экономического союза (сентябрь)

Посещение Председателем КНР Си Цзиньпином Казахстана и выдвижение инициативы о формировании в Центральной Азии «Экономического пояса Шёлкового пути», нацеленного на стимулирование процесса экономического развития региона (сентябрь)

Проведение саммита «Группы 20» в Санкт-Петербурге, основными темами которого становятся вопросы инвестиций и создания рабочих мест, эффективного регулирования и повышения доверия на рынках (сентябрь)

Запрещение деятельности «Братьев-мусульман» в Египте (сентябрь) с последующим принятием закона об ограничении демонстраций (ноябрь)

Предложение России схемы ликвидации химического оружия в Сирии, что сыграло решающую роль в предотвращении военной операции западной коалиции против режима Асада (сентябрь)

Проведение на индонезийском острове Бали 21-го саммита Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС) под лозунгом «Устойчивый Азиатско-Тихоокеанский регион – двигатель глобального роста». Определение на саммите приоритетных направлений деятельности АТЭС, в частности, поддержки многосторонней торговой системы, создания к 2020 году зоны свободной торговли и инвестиций, укрепления взаимосвязанности на основе Долгосрочного плана АТЭС по инфраструктурному развитию и инвестированию, поддержания устойчивого роста (октябрь)

Президентские выборы в Азербайджане, на которых был вновь избран Ильхан Алиев (октябрь)

Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в парламенте Индонезии с речью, в которой выдвинута стратегическая концепция «Сообщества общей судьбы Китай–АСЕАН», а также интеграционная инициатива построения «Морского шелкового пути XXI века», предусматривающая: «придерживаться принципа доверия и стремиться к добрососедству; придерживаться принципа «жить душа в душу»; придерживаться принципа открытости и толерантности» (октябрь)

Политический кризис и конфронтация власти с оппозицией в Таиланде (октябрь-декабрь)

Заключение Женевских соглашений стран «шестерки» международных посредников с Ираном о прекращении там обогащения урана выше 5% и доступе МАГАТЭ к ядерным объектам в Натанзе и Фордо в обмен на облегчение режима санкций (ноябрь)

Объявление в Ливии чрезвычайного положения на фоне непрекращающихся столкновений между гражданскими лицами, боевиками вооруженных групп и полицией (ноябрь)

Одобрение афганским Советом старейшин (Лойя-джирга) проекта соглашения с США, позволяющего западным союзникам оставаться в Афганистане после вывода оттуда основного военного контингента в 2014 году (ноябрь)

Президентские выборы в Таджикистане, на которых одержал предсказуемую победу действующий президент Эмомали Рахмон (ноябрь)

Обострение японо-китайских отношений в связи с введением КНР опознавательной зоны ПВО, охватывающей территорию оспариваемых Китаем у Японии островов (ноябрь)

Подписание на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе соглашения об ассоциации Грузии и Молдавии с ЕС, и отказ от этого президентами Украины и Армении, что повлекло за собой затяжной политический кризис на Украине с активным участием в нем американских и европейских политиков (ноябрь-декабрь)

Встреча на уровне министров представителей 139 стран-членов ВТО на о. Бали (Индонезия) с принятием пакета договоренностей по реформе либерализации мировой торговли (декабрь)

Уход из жизни Нельсона Манделы, выдающегося борца с апартеидом и основателем Южноафриканской республики (декабрь)

Заявление о «крутом развороте внешней политики Эр-Рияда» по отношению к США, сделанное влиятельным топ-чиновником Саудовской Аравии (декабрь)

НАШИ АВТОРЫ

Абрамов Д.Б.	к.полит.н.,	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Акимов А.В.	д.э.н.,	проф.	(ИБ РАН)
Брагина Е.А.	д.э.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Братерский М.В.	д.полит.н.,	проф.	(НИУ-ВШЭ)
Володин А.Г.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Володина М.А.	к.и.н.,	м.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Глушенкова Е.И.	к.полит.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Канаев Е.А.	д.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Крылов А.Б.	д.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Куклина И.Н.	д.полит.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Лебедева Э. Е.	к.и.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Лунев С.И.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Малышева Д.Б.	д.полит.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Матюхин М.В.		соискатель	(ИБ РАН)
Мирский Г.И.	д.и.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Оленченко В.А.	к.юрид.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Попов Э.А.	д.филос.н.,	рук. Центра	(РИСИ) (Ростов-на-Дону).
Прозоровский А.С.	к.полит.н.,	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Рогожин А.А.	к.э.н.,	зав. сектором	(ИМЭМО РАН)
Рогожина Н.Г.	д.полит.н.,	вед.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Салицкий А.И.	д.э.н.,	гл.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Семенов В.Л.	к.э.н.,	зав. лабораторией	(ИЛА РАН)
Скороходова Н.П.	к.и.н.,	н.с.	(ИМЭМО РАН)
Суслов Д.В.		ст. преп.	(НИУ-ВШЭ)
Таций В.В.		Вице-президент ОАО «Газпромбанк»	
Трифонов В.И.	к.и.н.,	ст.н.с.	(ИДВ РАН)
Умнов А.Ю.	к.и.н.,	ст.н.с.	(ИМЭМО РАН)
Урляпов В.Ф.	к.и.н.,	ст.н.с.	(ИБ РАН)
Федоровский А.Н.	д.э.н.,	зав. сектором	(ИМЭМО РАН)
Филатов С.Ф.		обозреватель ж-а «Международная жизнь»	
Хорос В.Г.	д.и.н.,	рук. Центра	(ИМЭМО РАН)
Чуфрин Г.И.	д.э.н.,	член-корр. РАН	(ИМЭМО РАН)
Шеметова Я.Ю.		студентка	(НИУ-ВШЭ)